Варлам ШАЛАМОВ

Варлам
ШАЛАМОВ

собрание сочинений в *шести* томах

3

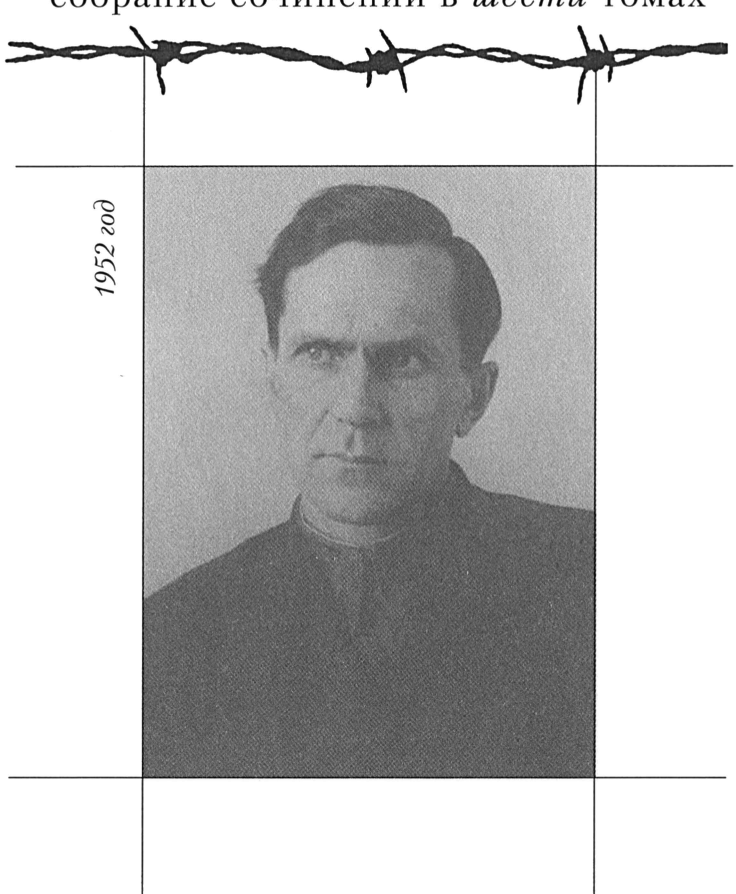
3

Варлам
ШАЛАМОВ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

Варлам ШАЛАМОВ

собрание сочинений в *шести* томах

1952 год

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

Варлам **ШАЛАМОВ**

собрание сочинений

том третий

СТИХОТВОРЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)6
Ш18

Оформление художника
С. Любаева

Составитель
И. Сиротинская

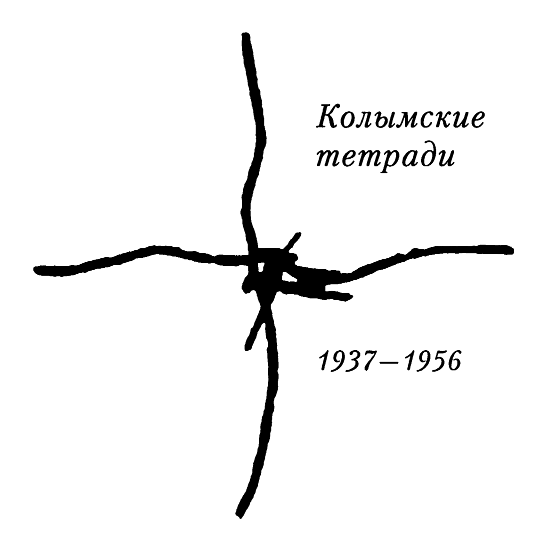
Шаламов В. Т.
Ш18 Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. Т. 3: Стихотворения / Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — 512 с.

ISBN 978-5-4224-0700-2 (т. 3)
ISBN 978-5-4224-0697-5

В третьем томе собрания сочинений Варлама Тихоновича Шаламова (1907–1982) в наиболее полном объеме представлено поэтическое наследие автора. стихотворения 1937–1981 гг. Их главной темой стала внутренняя свобода человека и решение нравственных вопросов в условиях жестокости окружающего мира. В лирике Шаламова отражен многострадальный опыт испытаний в сталинских лагерях.

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4224-0700-2 (т. 3)
ISBN 978-5-4224-0697-5

Колымские тетради

1937—1956

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое.

А. Блок

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Пещерной пылью, синей плесенью
Мои испачканы стихи.
Они рождались в дни воскресные —
Немногословны и тихи.

Они, как звери, быстро выросли,
Крещенским снегом крещены
В морозной тьме, в болотной сырости.
И все же выжили они.

Они не хвастаются предками,
Им до потомков дела нет.
Они своей гранитной клеткою
Довольны будут много лет.

Теперь, пробуженные птицами
Не соловьиных голосов,
Кричат про то, что вечно снится им
В уюте камня и лесов.

Меня простит за аналогии
Любой, кто знает жизнь мою,
Почерпнутые в зоологии
И у рассудка на краю.

* * *

Я беден, одинок и наг,
Лишен огня.
Сиреневый полярный мрак
Вокруг меня.

Я доверяю бледной тьме
Мои стихи.
У ней едва ли на уме
Мои грехи.

И бронхи рвет мои мороз
И сводит рот.
И, точно камни, капли слез
И мерзлый пот.

Я говорю мои стихи,
Я их кричу.
Деревья, голы и глухи,
Страшны чуть-чуть.

И только эхо с дальних гор
Звучит в ушах,
И полной грудью мне легко
Опять дышать.

* * *

Не суди нас слишком строго.
Лучше милостивым будь.
Мы найдем свою дорогу,
Нашу узкую тропу.

По скалам за кабаргою
Выйдем выше облаков.
Облака — подать рукою,
Нужен мостик из стихов.

Мы стихи построим эти
И надежны и крепки.
Их раскачивает ветер,
До того они легки.

И, шагнув на шаткий мостик,
Поклянемся только в том,
Что ни зависти, ни злости
Мы на небо не возьмем.

* * *

Робкое воображенье,
Поднимись ко мне.
Справься с головокруженьем,
Ведь еще трудней

Ждать тебе чужого слова
У подножья гор,
Что земля — всему основа,
Знаем с давних пор.

Все же с горки дальше видно,
Шире кругозор...
Как равнине ни обидно,
Это — свойство гор.

ЗАКЛЯТЬЕ ВЕСНОЙ

Рассейтесь, цветные туманы,
Откройте дорогу ко мне
В залитые льдами лиманы
Моей запоздалой весне.

Явись, как любовь — ниоткуда,
Упорная, как ледокол.
Явись, как заморское чудо,
Дробящее лед кулаком!

Сияющей и стыдливой
В таежные наши леса
Явись к нам, как леди Годива,
Слепящая снегом глаза.

Пройди оледенелой тропинкой
Средь рыжей осенней травы.
Найди нам живую травинку
Под ворохом грязной листвы.

Навесь ледяные сосульки
Над черным провалом пещер,
Шатайся по всем закоулкам
В брезентовом рваном плаще.

Такой, как была до потопа,
Сдвигающая ледники.
Явись к нам на горные тропы,
На шахты и на рудники.

Туши избяные лампады,
Раскрашивай заново птиц,
Последним сверкни снегопадом
Дочитанных зимних страниц.

Разлившимся солнечным светом
Стволов укорачивай тень
И лиственниц голые ветви
С иголочки в зелень одень.

Взмахни белоснежным платочком,
Играя в гусей-лебедей.
Набухни березовой почкой
Почти на глазах у людей.

Оденься в венчальное платье,
Сияющий перстень надень.
Войди к нам во славу заклятья
В широко распахнутый день.

* * *

Замолкнут последние вьюги,
И, путь открывая весне,
Ты югом нагретые руки
Протянешь на север ко мне.

С весьма озабоченным видом,
Особо наглядным с земли,
На небе рисунки Эвклида
Выписывают журавли.

И, мокрою тучей стирая
Летящие вдаль чертежи,
Все небо от края до края
Затягивают дожди.

* * *

Ты держись, моя лебедь белая,
У родительского крыла,
Пролетай небеса, несмелая,
Ты на юге еще не была.

Похвались там окраскою севера,
Белой родиной ледяной,
Где не только цветы — даже плевелы
Не растут на земле родной.

Перепутав значение месяцев,
Попади в раскаленный январь.
Ты не знаешь, чего ты вестница,
Пролетающий календарь.

Птица ты? Или льдина ты?
Но в любую влетая страну,
Обещаешь ей лебединую
Разгулявшуюся весну.

Но следя за твоими отлетами,
Догадавшись, что осень близка,
Дождевыми полны заботами
Набежавшие облака.

* * *

Я вижу тебя, весна,
В мое двойное окошко.
Еще ты не очень красна
И даже грязна немножко.

Пока еще зелени нет.
Земля точно фото двухцветна,
И снег только ловит момент
Исчезнуть от нас незаметно.

И сонные тени телег,
Поскрипывая осями,
На тот же истоптанный снег
Выводят как осенью сани.

И чавкает дегтем чека,
И крутят руками колеса,
И капли дождя щека
Вдруг ощущает как слезы.

* * *

Луна, точно снежная сойка,
Влетает в окошко ко мне
И крыльями машет над койкой,
Когтями скребет по стене.

И бьется на белых страницах,
Пугаясь людского жилья,
Моя полуночная птица,
Бездомная прелесть моя.

СЕРЫЙ КАМЕНЬ

Моими ли руками
Построен город каменный,
Ах, камень, серый камень,
Какой же ты беспамятный.

Забыл каменотесов
Рубахи просоленные,
Тебя свели с утесов
Навек в поля зеленые.

Твое забыли имя
Не только по беспечности,
Смешали здесь с другими
И увели от вечности.

* * *

Рассеянной и робкой
Сюда ты не ходи.
На наших горных тропках
Ты под ноги гляди.

Наверно, ты заснула,
Заснула на ходу.
Разрыв-травы коснулась,
Коснулась на беду.

Теперь он приворожен,
Потупившийся взгляд,
И путь найти не может
По тропке той назад.

РОЗОВЫЙ ЛАНДЫШ

Не над гробами ли святых
Поставлен в изголовье
Живой букет цветов витых,
Смоченных чистой кровью.

Прогнулся лаковый листок,
Отяжелен росою.
Открыл тончайший завиток
Со всей его красою.

И видны робость и испуг
Цветка в земном поклоне,
В дрожанье ландышевых рук,
Ребяческих ладоней.

Но этот розовый комок
В тряпье бледно-зеленом
Назавтра вырастет в цветок,
Пожаром опаленный.

И, как кровавая слеза,
Как Макбета виденье,
Он нам бросается в глаза,
Приводит нас в смятенье.

Он глазом, кровью налитым,
Глядит в лицо заката,
И мы бледнеем перед ним,
И в чем-то виноваты.

Как будто жили мы не так,
Не те читали книги.
И лишь в кладбищенских цветах
Мы истину постигли.

И мы целуем лепестки
И кое в чем клянемся.
Нам скажут: что за пустяки, —
Мы молча улыбнемся.

Я слышу, как растет трава,
Слежу цветка рожденье.
И, чувство превратив в слова,
Сложу стихотворенье.

НАВЕРХ

В пути на горную вершину,
В пути почти на небеса
Вертятся вслед автомашине
И в облака плывут леса.

И через горные пороги,
Вводя нас молча в дом земной,
Ландшафты грозные дорога
Передвигает предо мной.

Хребты сгибающая тяжесть
На горы брошенных небес,
Где тучи пепельные вяжут
И опоясывают лес.

Скелеты чудищ допотопных,
Шестисотлетних тополей,
Стоят толпой скалоподобной,
Костей обветренных белей.

Во мгле белеющие складки
Гофрированной коры
Годятся нам для плащ-палатки
На случай грозовой поры.

Все вдруг закроется пожаром,
Огня дрожащего стеной,
Или густым болотным паром,
Или тумана пеленой.

И наконец, на повороте
Такая хлынет синева,
Обнимет нас такое что-то,
Чему не найдены слова.

Что называем снизу небом,
Кому в лицо сейчас глядим,
Глядим восторженно и слепо,
И скалы стелются под ним.

А горный кряж, что под ногами,
Могильной кажется плитой.
Он — вправду склеп. В нем каждый камень
Унижен неба высотой.

БУКЕТ

Цветы на голом горном склоне,
Где для цветов и места нет,
Как будто брошенный с балкона
И разлетевшийся букет.

Они лежат в пыли дорожной,
Едва живые чудеса...
Их собираю осторожно
И поднимаю — в небеса.

* * *

Я забыл погоду детства,
Теплый ветер, мягкий снег.
На земле, пожалуй, средства
Возвратить мне детство нет.

И осталось так немного
В бедной памяти моей —
Васильковые дороги
В красном солнце детских дней,

Запах ягоды-кислицы,
Можжевеловых кустов
И душистых, как больница,
Подсыхающих цветов.

Это все ношу с собою
И в любой люблю стране.
Этим сердце успокою,
Если горько будет мне.

* * *

Льют воздух, как раствор
Почти коллоидальный,
В воронку наших гор,
Оплавленную льдами.

Спасти нас не могла
От давящего зноя
Стремительная мгла
Вечернего покоя.

И лишь в тиши ночной
Убежищем идиллий
Полярною луной
Нам воздух остудили.

* * *

Эй, красавица, стой, погоди!
Дальше этих кустов не ходи.

За кустами невылазна грязь,
В этой грязи утонет и князь.

Где-нибудь, возле края земли,
Существуют еще короли.

Может, ты — королевская дочь,
Может, надо тебе помочь.

И нельзя уходить мне прочь,
Если встретились ты и ночь.

Может, нищая ты, голодна
И шатаешься не от вина.

Может, нет у тебя родных
Или совести нет у них,

Что пустили тебя одну
В эту грозную тишину.

Глубока наша глушь лесная,
А тропинок и я не знаю...

* * *

Ни травинки, ни кусточка,
Небо, камень и песок.
Это северо-восточный
Заповедный уголок.

Только две плакучих ивы,
Как в романсе, над ручьем
Сиротливо и тоскливо
Дремлют в сумраке ночном.

Им стоять бы у гробницы,
Чтоб в тени их по пути
Богу в ноги поклониться,
Дальше по миру идти.

Иль ползти бы к деревушке,
Где горит еще луна,
И на плач любой старушки
Наклоняться у окна.

Соловьев бы им на плечи
Развеселых посадить,
Завести бы в темный вечер
В наши русские сады,

Где соломенные вдовы,
Птичьи слушая слова,
Листья узкие готовы
И терзать и целовать,

Как герои Руставели,
Лили б слезы в три ручья
И под ивами ревели
Среди злого дурачья.

* * *

Ты не застегивай крючков,
Не торопись в дорогу,
Кружки расширенных зрачков
Сужая понемногу.

Трава в предутренней красе
Блестит слезой-росою,
А разве можно по росе
Ходить тебе босою.

И эти слезы растоптать
И хохотать, покуда
Не свалит с ног тебя в кровать
Жестокая простуда.

* * *

Следов твоих ног на тропинке таежной
Ветрам я не дам замести.
Песок сохранит отпечаток ничтожный
Живым на моем пути.

Когда-нибудь легкую вспомню походку,
Больную улыбку твою.
И память свою похвалю за находку
В давно позабытом краю...

* * *

Приснись мне так, как раньше
Ты смела сниться мне —
В своем платке оранжевом,
В садовой тишине.

Как роща золотая,
Приснись, любовь моя,
Мечтою Левитана,
Печалью бытия...

* * *

Здесь морозы сушат реки,
Убивая рыб,
И к зиме лицо стареет
Молодой горы.

С лиственниц не вся упала
Рыжая хвоя.
Дятел марши бьет на память,
Чтоб бодрился я.

Снега нет еще в распадках.
Не желая ждать,
Побелели куропатки,
Веря в календарь.

Рвет хвою осенний ветер,
Сотрясая лес.
День — и даже память лета
Стерта на земле.

* * *

Холодной кистью виноградной
Стучится утро нам в окно,
И растворить окно отрадно,
И выжать в рот почти вино.

О, соглашайся, что недаром
Я жить направился на юг,
Где груша кажется гитарой,
Как самый музыкальный фрукт.

Где мы с деревьями играем,
Шутя, в каленую лапту
И лунным яблоком пятнаем,
К забору гоним темноту.

Для нас краснеет земляника
Своим веснушчатым лицом,
Вспухает до крови клубника,
На грядках спит перед крыльцом.

И гроздья черно-бурых капель
Висят в смородинных кустах,
Как будто дождь держал их в лапах,
Следы оставил на листах.

И ноздреватая малина,
Гуртом в корзине разместясь,
Попав ко мне на именины,
Спешит понравиться гостям.

Все, кроме пареной брусники
И голубичного вина,
Они знавали лишь по книгам,
Видали только в грезах сна.

* * *

Боже ты мой, сколько
Солнечных осколков
На тугом снегу,
Для кого же нужно
Скатертью жемчужной
Застилать тайгу?

Крепко спят медведи
Цвета темной меди
В глубине берлог.

Меховым, косматым
Нипочем зима-то,
Каждый спать залег.

Зайцам и лисицам
Скатерть не годится,
Слишком ярок блеск,
Слишком блеск тревожен.
Заяц осторожен
И укрылся в лес.

Заячьей дорогой,
Подождав немного,
Поплелась лиса.
Снова молчаливы,
До смерти пугливы
Белые леса.

Достают олени,
Вставши на колени,
Из-под снега мох.
Кто бы, видя это,
Воспитать эстета
Из оленя мог?

Куропаток стадо
Бродит меж кустами,
Пастбище ища.
В целях маскировки
Зимние плутовки
В снеговых плащах.

Куропатки падки
На зерна остатки
И нашли овес.
Губа-то не дура,
Были бы вы куры —
Рыли бы навоз.

Приучилась белка
Презирать безделки,
Слишком занята,
Прыгает, как кошка,
Разница немножко
В качестве хвоста.

И приличья птичьи
Явно безразличны
Спящим глухарям.
Дрыхнут вон на сучьях,
Благо лапы-крючья
Им даны не зря.

Ну, а нынче все же
Кто же видит, Боже,
Краски красоты?
Кто понять их может,
Кто же, светлый Боже, —
Только я да Ты.

* * *

С кочки, с горки лапкой заячьей
Здешний ангел мне махнет.
Он нисколько не кусается,
А совсем наоборот.

Он волчиной — человечиной
Сам напуган на сто лет.
По тропе он ходит вечером
И петлит свой легкий след.

Для моей души охотничьей
Он имеет интерес
Тем, что слишком озабоченно
Изучает здешний лес.

Его лапкой перемечены
Все лесные уголки.
Где и делать ему нечего,
Попадается в силки.

* * *

Сыплет снег и днем и ночью,
Это, верно, строгий бог
Старых рукописей клочья
Выметает за порог.

Все, в чем он разочарован —
Ворох песен и стихов, —
Увлечен работой новой,
Он сметает с облаков.

* * *

Жилье почуяв, конь храпит,
Едва волочит ноги,
Нас будто съемкою «рапид»
Снимали по дороге.

Мы едем, едем и молчим,
Вполне глухонемые,
Друг другу в спину постучим,
Пока еще живые.

Мне трудно повернуть лицо
К горящим окнам дома,
Я лучше был бы мертвецом,
Меня внесли бы на крыльцо
К каким-нибудь знакомым.

* * *

Костры и звезды. Синий свет
Снегов, улегшихся в распадке
На тысячу, наверно, лет
После метельного припадка.

Не хватит силы у ветров
С метлой ворваться в нашу яму,
Засыпать снегом дым костров,
Шипящее качая пламя.

Не хватит солнца и тепла
У торопящегося лета,
Чтоб выжечь здешний лед дотла,
Дотла — хотя бы раз в столетье.

А мы — мы ищем тишины,
Мы ищем мира и покоя,
И, камнем скал окружены,
Мы спим в снегу. Дурные сны
Отводим в сторону рукою.

* * *

Ты капор развяжешь олений,
Ладони к огню повернешь,
И, встав пред огнем на колени,
Ты песню ему запоешь!

Ты молишься в мертвом молчанье
Видавших морозы мужчин,
Какого-нибудь замечанья
Не сделает здесь ни один.

ГОСТЬЯ

Не забудь, что ты накрашена
И напудрена слегка,
И одежда не по-нашему,
Не по-зимнему легка.

Горло ты, тонкоголосая,
Крепче кутай в теплый шарф,
Оберни льняными косами,
Чтобы севером дышать.

* * *

Наше счастье, как зимняя радуга
После тяжести туч снеговых,
Прояснившимся небом обрадует
Тех, кто смеет остаться в живых.

Хоть на час, но бенгальским, огненным
Загорится среди снегов
На краях ветрами разогнанных,
Распахнувшихся облаков.

НОВОГОДНЕЕ УТРО

Рассвет пока еще в полнеба,
Бледнеет медленно луна,
И видно даже из окна:
Вселенная разделена
На ночь и день, просящий хлеба.
Его судьба еще темна,
А ночь прошла уже, как ребус,
Мной не разгаданный вполне
Ни при луне, ни при огне.
И все, что было, все, что сплыло,
Гитарной бешеной струной
Сбивают с ног, мешают с пылью
И топчут в пляске за стеной.

* * *

Конечно, Оймякон
Не звездное пространство.
Космический закон
Не будет столь пристрастным,

Чтобы заставить нас
Узнать температуру
Далеких звездных масс,
Обжечь земную шкуру.

Далеко за Луной,
В окрестностях Сатурна,
Там абсолютный ноль
Земной температуры.

Там во владеньях звезд
(Расчет космогониста)
Господствует мороз,
Так градусов на триста.

А здесь — за шестьдесят,
И спиртовой термометр
В бессилии иссяк,
Не справился с зимою.

Конструктор заводской
Его не приспособил
Учитывать такой
Мороз весьма особый.

Заметили ли вы,
Отсюда, как ни странно,
Дорога до Москвы
Длинней, чем до Урана.

Оптический обман —
Изнанка ностальгии,
Морозный наш туман
Масштабы дал другие.

В рулетках и часах,
В любви и в преступленье,
Чтоб мы о чудесах
Имели представленье.

* * *

Не дождусь тепла-погоды
В ледяном саду.
Прямо к Богу черным ходом
Вечером пойду.

Попрошу у Бога места,
Теплый уголок,
Где бы мог я слушать песни
И писать их мог.

Я б тихонько сел у печки,
Шевелил дрова,
Я б выдумывал без свечки
Теплые слова.

Тают стены ледяные,
Тонет дом в слезах.
И горят твои ночные
Влажные глаза.

* * *

Поднесу я к речке свечку —
И растает лед.
Больше мне, наверно, нечем
Удивить народ.

Это сделать очень просто,
Если захочу.
Лишь свеча бы с речку ростом,
Речка — со свечу.

* * *

Собаки бесшумно, как тени,
Мелькают на лунном снегу.
Седые ложатся олени,
Почуявшие пургу.

А вечер безоблачен, светел,
Но в сторону клонится дым,
И чуть ощутимый ветер
К ногам подползает моим.

И надо уже торопиться,
Защиту в ущелье искать.
Минута — и не пробиться
Сквозь снеговой каскад.

Все бьет, все слепит и воет,
Пронзительно свищут леса,
И близко над головою
Изорванные небеса.

Упругая, ледяная
Идет ветровая стена.
А ты и на ощупь не знаешь —
Земля это или луна.

В оленьем мешке на память
Стихи читай и учи,
Пока ледяная заметь
Беснуется и кричит.

Пурга устанет не скоро,
Внезапно замолкнет она.
И снова — тишайшие горы
И ласковая луна.

Из гор выползают собаки,
Олени в упряжку встают.
И в меховой рубахе
Подходит к саням каюр.

* * *

Скользи, оленья нарта,
Взлетай, хорей,
Метельной ночью марта.
Скорей, скорей, скорей!

Какие тут уж карты,
Какой компас,
Ремнем привязан к нарте,
И слезы льют из глаз.

Одна с другою схожи
Вершины гор.
Мы путь найти не можем,
Запутанный пургой.

Вперед летит упряжка
В метельной тьме.
Олени дышат тяжко,
Уже конец зиме.

Оленям все знакомо.
В пути лесном
Они везде — как дома,
Тайга — их дом.

Бежать устанут — лягут,
Не побегут,
А голодны — так ягель
Выроют в снегу.

Карманы моей шубы
Набиты молоком,
Полны вчерашним супом —
Мороженым пайком.

Скользи, оленья нарта,
Морозной тьмой,
Бурлящей ночью марта.
Домой, домой, домой...

* * *

Все те же снега Аввакумова века.
Все та же раскольничья злая тайга,
Где днем и с огнем не найдешь человека,
Не то чтобы друга, а даже врага.

* * *

Спектральные цвета
Сверкают в лунном нимбе,
Земная красота
На небеса проникла.

Ее поднял мороз,
Тянущий к небу дымы
От труб печных до звезд
Ночных неудержимо.

И на седых кустах,
Недвижных точно в склепе,
Морозный тот хрусталь
Блестит великолепьем.

Зубчатый синий лед —
Модель речного плеска,
Его пурга метет
И ватой трет до блеска.

Лег иней на камнях,
Еще тепло хранящих,
Забыв о летних днях
Среди воды бурлящей.

Мы тоже, как они,
В серебряной одежде.
В лесу мы видим сны,
А не в лесу, так где же?

ШКОЛА В БАРАГОНЕ

Из лиственниц жестких и голых,
Блистательных мерзлых кустов
Выходим к бревенчатой школе
Окошками на восток.

Внутри — застекленные двери,
Уроков идет тишина.
Слышны лишь скрипящие перья,
И тишина слышна.

Мы сядем за школьную парту,
Тетрадки ребят развернем,
Вот это, наверное, — нарта,
А это — высотный дом.

Дома городские рисуют,
Масштабы по-детски дают,
И даже у самых разумных
Заметно влияние юрт.

Они уточняют задачу,
На конус строенья свели.
Жилье — это юрта, значит,
Да здравствует реализм!

И дверь этой стройки высотной
До крыши, как в юрте, дошла.
Художник, взволнованный, потный,
Лежит поперек стола.

Так мы рисовали когда-то
Таинственный эвкалипт,
С детьми капитана Гранта
Входили в морской залив...

Вертится новешенький глобус,
Пробирки в штативе блестят...
Ребята, глядящие в оба,
Учительница ребят...

Классный журнал для отметок,
Бумаги целая десть...
Школа как школа. И в этом
Самое чудо и есть.

* * *

Не гляди, что слишком рано,
Все равно нам спать пора.
Завели басы бурана
И метели тенора.

От симфоний этих снежных,
Просвистевших уши мне,
Никогда не буду нежным,
Не доверюсь тишине.

* * *

Визг и шелест ближе, ближе,
Завивается снежок.
Это к нам идет на лыжах
Снеговой якутский бог.

Добрый вечер, бог метели,
Ты опять, как в прошлый раз,
Нас запрешь на две недели,
От лихих укроешь глаз.

Хлопья снега птичьей стаей
За тобою вслед летят.
Визг метели нарастает,
И густеет снегопад.

ЕДУ

Олений мех, как будто мох,
Набросан на зверей.
Такие шкуры кто бы мог
Поставить у дверей.

Запрячь их в легкий экипаж —
Нельзя уж легче быть,
Легко и ехать, и упасть,
И прямо к ангелам попасть —
Хранителям судьбы.

Куда спокойней самолет,
Брезентовый биплан.
С него не грохнешься на лед,
Пока пилот не пьян.

Каюр, привязывай меня!
Лечу! Мне все равно
Погибнуть где-нибудь в камнях
Предсказано давно.

* * *

Где же детское, пережитое,
Вываренное в щелоках.
То, чего теперь я не достоин,
По уши увязший в пустяках.

Матери моей благословенье,
Невеселые прощальные слова
Память принесла как дуновенье,
Как дыханье — будто ты жива...

* * *

Я тебе — любой прохожей,
Женщина, — махну рукой,
Только было бы похоже,
Что знакома ты с тоской.

Ты поймешь меня с намека
И заплачешь о своем,
О схороненном глубоко,
Неожиданно родном.

Только так, а не иначе,
А иначе закричу.
В горле судороги плача,
Целоваться не хочу.

* * *

Я сплю в постелях мертвецов
И вижу сны, как в детстве.
Не все ль равно, в конце концов,

В каком мне жить соседстве.
Любой мертвец меня умней,
Серьезней и беспечней.
И даже, кажется, честней,
Но только не сердечней.

* * *

Погляди, городская колдунья,
Что придумала нынче луна.
Георгинов, тюльпанов, петуний
Незнакомые, злые тона.

Изменился не цвет, не рисунок,
Изменилась душа у цветов.
Напоил ее тлеющий сумрак
Ядовитою росной водой.

Ты стряхни эту грусть, эту горесть,
Утешенья цветам нашепчи.
В пыль стряхни этот яд, эту хворость,
Каблуками ее затопчи.

* * *

Чем ты мучишь? Чем пугаешь?
Как ты смеешь предо мной
Хохотать почти нагая,
Озаренная луной?

Ты, как правда, — в обнаженье
Останавливаешь кровь.
Мне мучительны движенья
И мучительна любовь...

* * *

В закрытой выработке, в шахте,
Горю остатками угля.
Здесь смертный дух, здесь смертью пахнет
И задыхается земля.

Последние истлеют крепи,
И рухнет небо мертвеца,
И, рассыпаясь в пыль и пепел,
Я домечтаю до конца.

Я быть хочу тебя моложе.
Пока еще могу дышать.
Моя шагреневая кожа —
Моя усталая душа.

* * *

Басовый ключ. Гитарный строй.
Григорьева отрава.
И я григорьевской струной
Владеть имею право.

И я могу сыграть, как он,
С цыганским перебором.
И выдать стон за струнный звон
С веселым разговором.

На ощупь нота найдена
Дрожащими руками.
И тонко тренькает струна,
Зажатая колками.

И хриплый аккомпанемент
Расстроенной гитары
Вдруг остановит на момент
Сердечные удары.

И я, что вызвался играть,
Живу одной заботой
Чтоб как-нибудь не потерять
Найденной верной ноты.

* * *

Я отступал из городов,
Из деревень и сел,
Средь горных выгнутых хребтов
Покоя не нашел.

Здесь ястреб кружит надо мной,
Как будто я — мертвец,
Мне места будто под луной
Не стало наконец.

И поведенье ястребов
Не удивит меня,
Я столько видел здесь гробов,
Закопанных в камнях.

Тот, кто проходит Дантов ад,
Тот помнит хорошо,
Как трудно выбраться назад,
Кто раз туда вошел.

Сквозь этот горный лабиринт
В закатном свете дня
Протянет Ариадна нить
И выведет меня

К родным могилам, в сад весны,
На теплый чернозем,
Куда миражи, грезы, сны
Мы оба принесем.

ВОЛШЕБНАЯ АПТЕКА

Блестят стеклянные шары
Серебряной латынью,
Что сохранилась от поры,
Какой уж нет в помине.

И сумасбродный старичок,
Почти умалишенный,
Откинул ласково крючок
Дверей для приглашенных.

Он сердце вытащил свое,
Рукой раздвинул ребра,
Цедит целебное питье
Жестоким и недобрым.

Там литер — черный порошок
В пробирках и ретортах,
С родной мечтательной душой
Напополам растертый.

Вот это темное питье —
Состав от ностальгии.
Учили, как лечить ее,
Овидий и Вергилий.

А сколько протянулось рук
За тем волшебным средством,
Что вопреки суду наук
Нас возвращает в детство.

Аптекарь древний, подбери,
Такие дай пилюли,
Чтоб декабри и январи
Перевернуть в июли.

И чтобы, как чума, дотла
Зараза раболепства
Здесь уничтожена была
Старинным книжным средством.

И чтоб не видел белый свет
Бацилл липучей лести,
И чтоб свели следы на нет
Жестокости и мести...

Толпа народа у дверей,
Толпа в самой аптеке,
И среди тысячи людей
Не видно человека,

Кому бы не было нужды
До разноцветных банок,
Что, молча выстроясь в ряды,
Играют роль приманок.

РОНСЕВАЛЬ

Когда-то пленен я был сразу
Средь выдумок, бредней и врак
Трагическим гордым рассказом
О рыцарской смерти в горах.

И звуки Роландова рога
В недетской, ночной тишине
Сквозь лес показали дорогу
И Карлу, и, может быть, мне.

Пришел я в ущелья такие,
Круты, и скользки, и узки,
Где молча погибли лихие
Рыцарские полки.

Я видел разбитый не в битве,
О камень разломанный меч —
Свидетель забытых событий,
Что вызвались горы стеречь.

И эти стальные осколки
Глаза мне слепили не раз,
В горах не тускнеет нисколько
О горьком бессилье рассказ.

И рог поднимал я Роландов,
Изъеденный ржавчиной рог.
Но темы той грозной баллады
Я в рог повторить не мог.

Не то я трубить не умею,
Не то в своей робкой тоске
Запеть эту песню не смею
С заржавленным рогом в руке.

* * *

Шагай, веселый нищий,
Природный пешеход,
С кладбища на кладбище
Вперед. Всегда вперед!

РЫЦАРСКАЯ БАЛЛАДА

Изрыт копытами песок,
Звенит забрал оправа,
И слабых защищает Бог
По рыцарскому праву.

А на балконе ты стоишь,
Девчонка в платье белом,
Лениво в сторону глядишь,
Как будто нет и дела

До свежей крови на песке,
До человечьих стонов.
И шарф, висящий на руке,
Спускается с балкона.

Разрублен мой толедский шлем,
Мое лицо открыто.
И, залит кровью, слеп и нем,
Валюсь я под копыта.

И давит грудь мое копье,
Проламывая латы.
И вижу я лицо твое,
Лицо жены солдата.

Как черный ястреб на снегу,
Нахмуренные брови
И синеву безмолвных губ,
Закушенных до крови.

И бледность вижу я твою,
Горящих глаз вниманье.
Шатаясь, на ноги встаю
И прихожу в сознанье.

Тяжел мой меч, и сталь крепка,
Дамасская работа.
И тяжела моя рука
Вчерашнего илота.

Холодным делается зной
Полуденного жара,
Остужен мертвой тишиной
Последнего удара.

Герольд садится на коня
Удар прославить меткий,
А ты не смотришь на меня
И шепчешься с соседкой.

Я кровь со лба сотру рукой,
Иду, бледнее мела,
И поднимаюсь на балкон —
Встаю пред платьем белым.

Ты шарф узорный разорвешь
И раны перевяжешь.
И взглянешь мне в глаза и все ж
Ни слова мне не скажешь.

Я бился для тебя одной,
И по старинной моде
Я назову тебя женой
При всем честном народе.

* * *

Квадратное небо и звезды без счета.
Давно бы на дно провалилось оно,
И лишь переплеты железных решеток
Его не пускают в окно.

Весь мир на цепи. Он сюда не прорвется
К свободе, что жадно грызет сухари,
И ждет, пока ей в этом черном колодце
Назначат свиданье цари.

* * *

В этой стылой земле, в этой каменной яме
Я дыханье зимы сторожу.
Я лежу, как мертвец, неестественно прямо
И покоем своим дорожу.

Нависают серебряной тяжестью ветви,
И метелит метель на беду.
Я в глубоком снегу, в позабытом секрете.
И не смены, а смерти я жду.

* * *

Воспоминания свободы
Всегда тревожны и темны.
В них дышат ветры непогоды,
И душат их дурные сны.

Избавлен от душевной боли,
От гнета были сохранен
Кто не свободу знал, а волю
Еще с ребяческих времен.

Она дана любому в детстве,
Она теряется потом
В сыновних спорах о наследстве,
В угрозах местью и судом.

* * *

Я пил за счастье капитанов,
Я пил за выигравших бой.
Я пил за верность и обманы,
Я тост приветствовал любой.
Но для себя, еще не пьяный,
Я молча выпил за любовь.

Я молча пил за ожиданье
Людей, затерянных в лесах,
За безнадежные рыданья,
За веру только в чудеса!
За всемогущество страданья,
За снег, осевший в волосах.

Я молча пил за почтальонов,
Сопротивлявшихся пурге,
Огнем мороза опаленных,
Тонувших в ледяной шуге,
Таща для верных и влюбленных
Надежды в кожаном мешке.

Как стая птиц взлетят конверты,
Вытряхиваемые из мешка,
Перебираемые ветром,
Кричащие издалека,
Что мы не сироты на свете,
Что в мире есть еще тоска.

Нечеловеческие дозы
Таинственных сердечных средств

Полны поэзии и прозы,
А тем, кто может угореть,
Спасительны, как чистый воздух,
Рассеивающий бред.

Они не фраза и не поза,
Они наука мудрецам,
И их взволнованные слезы —
Вода живая мертвецам.
И пусть все это только грезы,
Мы верим грезам до конца.

БАРАТЫНСКИЙ

Робинзоновой походкой
Обходя забытый дом,
Мы втроем нашли находку —
Одинокий рваный том.

Мы друзьями прежде были,
Согласились мы на том,
Что добычу рассудили
Соломоновым судом.

Предисловье на цигарки.
Первый счастлив был вполне
Неожиданным подарком,
Что приснится лишь во сне.

Из страничек послесловья
Карты выклеил второй.
Пусть на доброе здоровье
Занимается игрой.

Третья часть от книги этой —
Драгоценные куски,
Позабытого поэта
Вдохновенные стихи.

Я своей доволен частью
И премудрым горд судом...
Это было просто счастье —
Заглянуть в забытый дом.

* * *

Платочек, меченный тобою,
Сентиментальный твой платок
Украшен строчкой голубою,
Чтобы нежнее быть я мог.

Твоей рукой конвертом сложен,
И складки целы до сих пор,
Он на письмо твое похожий,
На откровенный разговор.

Я наложу платок на рану,
Остановлю батистом кровь.
И рану свежую затянет
Твоя целебная любовь.

Он бережет прикосновенья
Твоей любви, твоей руки.
Зовет меня на дерзновенья
И подвигает на стихи.

* * *

Лезет в голову чушь такая,
От которой отбиться мне
Можно только, пожалуй, стихами
Или все утопить в вине.

Будто нет для меня расстояний
И живу я без меры длины,
Будто худшим из злодеяний
Было то, что наполнило сны.

Будто ты поневоле близко
И тепло твоего плеча
Под ладонью взорвется, как выстрел,
Злое сердце мое горяча.

Будто времени нет — и, слетая
Точно птица ко мне с облаков,
Ты по-прежнему молодая
Вдохновительница стихов.

Это все суета — миражи,
Это — жить чтобы было больней.
Это бред нашей ямы овражьей,
Раскалившейся на луне.

КАМЕЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,
И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

* * *

Я песне в день рождения
Ее в душе моей
Дарю стихотворение —
Обломок трудных дней.

Дарю с одним условьем,
Что, как бы ни вольна,
Ни слез, ни нездоровья
Не спрятала б она.

По-честному не стоит
И думать ей о том,
Что все пережитое
Покроется быльем.

* * *

Небеса над бульваром Смоленским
Покрывали такую Москву,
Что от века была деревенской,
И притом напоказ, наяву.

Та, что верила снам и приметам
И теперь убедилась сама:
Нас несчастье не сжило со света,
Не свело, не столкнуло с ума.

* * *

Сколько писем к тебе разорвано!
Сколько пролито на пол чернил!
Повстречался с тоскою черною
И дорогу ей уступил.

Ты, хранительница древностей,
Милый сторож моей судьбы,
Я пишу это все для верности,
А совсем не для похвальбы.

* * *

Мостовая моя торцовая,
Воровские мои места.
Чем лицо твое облицовано,
Неумытая красота?

Где тут спрятаны слезы стрелецкие,
Где тут Разина голова?
Мостовая моя недетская,
Облицованная Москва.

И прохожих плевки и пощечины
Водяной дробленой струей
Смоют дворники, озабоченно
Наблюдающие за Москвой.

* * *

Я, как мольеровский герой,
Как лекарь поневоле,
И самого себя порой
Избавлю ли от боли.

О, если б память умерла,
А весь ума остаток,
Как мусор, сжег бы я дотла
И мозг привел в порядок.

Я спал бы ночью, ел бы днем
И жил бы без оглядки,
И в белом сумраке ночном
Не зажигал лампадки.

А то подносят мне вино
Лечить от огорченья,
Как будто в том его одно
Полезное значенье.

* * *

Ради бога, этим летом
В окна, память, не стучи,
Не маши рукой приветы.
А пришла, так помолчи.

И притом, почем ты знаешь,
Память глупая моя,
Чем волнуюсь, чем страдаю,
Чем болею нынче я?

Проноси скорее мимо,
Убирай навеки с глаз
И альбом с видами Крыма,
И погибельный Кавказ.

Злые призраки столицы
В дымном сумраке развей,
Скрой томительные лица
Подозрительных друзей.

Открывай свои шкатулки,
Покажи одно лицо,
В самом чистом переулке
Покажи одно крыльцо.

Хочешь, память, отступного,
Только с глаз уйди скорей,
Чтобы к самому больному
Не открыла ты дверей.

* * *

Как ткань сожженная, я сохраняю
Рисунок свой и внешний лоск,
Живу с людьми и чести не роняю
И берегу свой иссушенный мозг.

Все, что казалось вам великолепьем,
Давно огонь до нитки пережег.
Дотронься до меня — и я рассыплюсь в пепел,
В бесформенный, аморфный порошок.

* * *

Я нынче вновь в исповедальне,
Я в келье каменной стою
В моем пути, в дороге дальней
На полпути — почти в раю.

Ошибкой, а не по привычке
Я принял горные ключи
За всемогущие отмычки,
Их от ключей не отличил.

Дорогой трудной, незнакомой
Я в дом стихов вошел в ночи.
Так тихо было в мертвом доме,
Темно — ни лампы, ни свечи.

Я положил на стол тетрадку
И молча вышел за порог.
Я в дом стихов входил украдкой
И сделать иначе не мог.

Я подожду, пока хлеб-солью
Меня не встретят города,
И со своей душевной болью
Я в города войду тогда.

ПЕС

Вот он лежит, поджавши лапы,
В своей немытой конуре,
Ему щекочет ноздри запах
Следов неведомых зверей.

Его собачьи дерзновенья
Умерит цепь, умерит страх,
А запах держится мгновенье
В его резиновых ноздрях.

Еще когда он был моложе,
Он заучил десяток слов,
Их понимать отлично может
И слушать каждого готов.

А говорить ему не надо,
И объясняться он привык
То пантомимою, то взглядом,
И ни к чему ему язык.

Пожалуй, только лишь для лая,
Сигнала для ночных тревог,
Чтобы никто к воротам рая
Во тьме приблизиться не мог.

Его зубастая улыбка
Не нарушает тишины.
Он подвывает только скрипке,
И то в присутствии луны.

Он дорожит собачьей службой
И лает, лает что есть сил,
Что вовсе было бы не нужно,
Когда б он человеком был.

* * *

Стой! Вращенью Земли навстречу
Телеграмма моя идет.
И тебе в тот же час, в тот же вечер
Почтальон ее принесет.

Поведи помутившимся взглядом,
Может быть, я за дверью стою
И живу где-то в городе, рядом,
А не там, у земли на краю.

Позабудь про слова Галилея,
От безумной надежды сгори
И, таежного снега белее,
Зазвеневшую дверь отвори.

* * *

Синей дали, милой дали
Отступает полукруг,
Где бы счастье ни поймали —
Вырывается из рук.

И звенящие вокзалы,
И глухой аэродром —
Все равно в них толку мало,
Если счастье бросит дом.

Мы за этим счастьем беглым
Пробираемся тайком,
Не верхом, не на телегах.
По-старинному — пешком.

И на лицах пешеходов
Пузырится злой загар,
Их весенняя погода
Обжигает, как пурга.

* * *

Я жаловался дереву,
Бревенчатой стене,
И дерева доверие
Знакомо было мне.

С ним вместе много плакано,
Переговорено,
Нам объясняться знаками
И взглядами дано.

В дому кирпичном, каменном
Я б слова не сказал,
Годами бы, веками бы
Терпел бы и молчал.

АВГУСТ

Вечер. Яблоки литые
Освещают черный сад,
Точно серьги золотые,
На ветвях они висят.

Час стремительного танца
Листьев в вихрях ветровых,
Золоченого багрянца
Неба, озера, травы.

И чертят тревожно птицы
Над гнездом за кругом круг,
То ли в дом им возвратиться,
То ли тронуться на юг.

Медленно темнеют ночи,
Еще полные тепла.
Лето больше ждать не хочет,
Но и осень не пришла.

* * *

Есть состоянье истощенья,
Где незаметен переход
От неподвижности к движенью
И — что странней — наоборот.

Все дело здесь такого рода,
Как вы легко понять могли:
Дождем крапленная колода
Ва-банк играющей земли.

Где грош и то поставлен на кон,
Ведь вся земная красота
Не признает бумажных знаков
И кровь меняет на металл.

Свой рубль, волшебный, неразменный,
Я бросил в эту же игру,
Чтоб заползти вполне нетленным
В любую снежную нору.

* * *

Старинной каменной скульптурой
Лес окружен со всех сторон.
В деревьев голых арматуру
Прольется воздух как бетон.

За тучу, прямо в поднебесье,
Зацепит месяца багор,
И все застынет в дикой смеси
Земли и неба, туч и гор.

И мы глядим на ту картину,
Пока глаза не заболят.
Она нам кажется рутиной,
Рутиной сказок и баллад.

* * *

Все так. Но не об этом речь,
Что больно навзничь в камни лечь.
Ведь успокоится любой
Сближеньем с далью голубой.

Но, прячась за моей спиной,
Лежит и дышит шар земной,
Наивно веря целый день
В мою спасительную тень.

Как будто все его грехи
Я мог бы выплакать в стихи
И исповедался бы сам
Самолюбивым небесам.

Он знает хорошо, что я —
Не только искренность моя.
Слова чужие, как свои,
Я повторяю в забытьи.
Он знает, что не так, как с ним, —
Мы проще с небом говорим...

СУМКА ПОЧТАЛЬОНА

* * *

В часы ночные, ледяные,
Осатанев от маеты,
Я брошу в небо позывные
Семидесятой широты.

Пускай геолог бородатый,
Оттаяв циркуль на костре,
Скрестит мои координаты
На заколдованной горе,

Где, как Тангейзер у Венеры,
Плененный снежной наготой,
Я двадцать лет живу в пещере,
Горя единственной мечтой,

Что, вырываясь на свободу
И сдвинув плечи, как Самсон,
Обрушу каменные своды
На многолетний этот сон.

* * *

Я коснулся сказки —
Сказка умерла,
Ей людская ласка
Гибелью была.

Мотыльком в метели
Пряталась она,
На свету летела
Около окна.

Хлопья снега были
Вроде мотыльков,
Пущенных на крыльях
С низких облаков.

Выйду в дали снежные,
Слезы по лицу.
Сдую с пальцев нежную
Белую пыльцу.

* * *

Память скрыла столько зла —
Без числа и меры.
Всю-то жизнь лгала, лгала.
Нет ей больше веры.

Может, нет ни городов,
Ни садов зеленых,
И жива лишь сила льдов
И морей соленых.

Может, мир — одни снега,
Звездная дорога.
Может, мир — одна тайга
В пониманье Бога.

* * *

Как Архимед, ловящий на песке
Стремительную тень воображенья,
На смятом, на изорванном листке,
Последнее черчу стихотворенье.

Я знаю сам, что это не игра,
Что это смерть... Но я и жизни ради,
Как Архимед, не выроню пера,
Не скомкаю развернутой тетради.

АТОМНАЯ ПОЭМА

Вступление

Хрустели кости у кустов,
И пепел листьев и цветов
Посеребрил округу.

А то, что не пошло на слом,
Толкало ветром и огнем
В объятия друг другу.

Мне даже в детстве было жаль
Лесную выжженную даль,
И черный след пожара

Всегда тревожит сердце мне.
Причиной может быть вполне
Сердечного удара.

Когда деревья-мертвецы
Переплетались, как борцы
На цирковой арене,

Под черным шелковым трико
Их мышцы вздыбились клубком,
Застыв в оцепененье.

А вечер был недалеко,
Сливал парное молоко,
Лечил бальзамом раны.

И слой за слоем марлю клал
И вместо белых одеял
Закутывал туманом.

Мне все казалось, что они
Еще вернутся в наши дни
Со всей зеленой силой,

Что это только миг, момент,
Они стоят, как монумент,
На собственной могиле,

Что глубоко в земле, в корнях
Живет мечта о новых днях,
Густеют жизни соки.

И вновь в лесу, что был сожжен,
Сомкнутся изумруды крон,
Поднявшихся высоко.

I

Ведь взрослому еще слышней
Шуршанье уходящих дней —
Листочков календарных,

Все ярче боль его замет,
Все безотвязней полубред
Его ночей угарных.

А боль? Что делать нынче с ней?
Обличье мира все грозней.
Научные разгадки

Одну лишь смерть Земле несут,
Как будто близок Страшный суд
И надо бросить прятки.

И от ковчеговых кают
Ракеты мало отстают
В своем стремленье к звездам.

И каждый отыскать бы рад
На Бетельгейзе Арарат,
Пока еще не поздно.

Он там причалит на ночлег
Свой обтекаемый ковчег,
И, слезы вытирая,

Там, перед новою луной,
Протянет руки новый Ной,
Избавленный от рая,

И дунет в чуткую зурну,
И дернет тонкую струну,
Дрожащую в миноре,

И при звездах и при луне
На ближней радиоволне
Он запоет про горе.

И, перемножив ширину
Площадки звездной на длину,
В уме расчет прикинув,

Он снова вспомнит старину
И пожалеет ту страну,
Которую покинул...

II

Исчезли, верно, без следа
И сказкой кажутся года
И выглядят, как небыль,

Когда хватало хлеба всем,
Когда подобных странных тем
Не выносило небо.

Когда усталыми людьми,
Как на работе лошадьми,
Не управляли плетью,

Когда в сырой рассветной мгле
Не видно было на земле
Двадцатого столетья.

Когда так много было Мекк
И человека человек
Назвать пытался братом,

Когда не чествовалась лесть
И не растаптывалась честь,
Не расщеплялся атом.

III

То расщепленное ядро
Нам мира вывернет нутро —
Гремучую природу.

Отяжелевшая вода,
Мутясь, откроет без труда
Значенье водорода.

Липучей зелени листок,
Прозрачный розы лепесток —
Они — как взрыв — в засаде.

И, приподняв покров земной,
Мир предстает передо мной
Артиллерийским складом.

Мы лишь теперь понять могли
Все лицемерие земли,
Коварство минерала.

И облака, и чернозем,
Что мы материей зовем, —
Все стало матерьялом

Убийства, крови и угроз,
И кажутся разряды гроз
Ребяческой игрушкой.

И на опушке в тишине
Нам можно сравнивать вполне
С любой хлопушкой пушку.

Мир в существе своем хранит
Завороженный динамит,
В цветах таится злоба,

И наша сонная сирень
Преодолеет сон и лень
И доведет до гроба.

И содрогнется шар земной,
И будет тесно под луной,
И задрожит сейсмолог.

К виску приблизит пистолет,
И Новый грохнется Завет
На землю с книжных полок.

IV

В масштабе малом иногда
Показывала нам вода
Капризы половодья.

Сметая зданья и леса,
Их возносила в небеса,
В небесные угодья.

Но это были пустяки,
Годились только на стихи.
И бедный Всадник Медный,

Когда покинул пьедестал,
Внезапно сам от страха стал
Зеленовато-бледный.

Когда же нам концерт давал
Какой-нибудь девятый вал —
Подобье преисподней,

То только на морской волне,
Вдруг устремившийся к луне
И к милости Господней.

Без уваженья к сединам
Подчас взрывало сердце нам
Отвергнутой любовью.

Мы покупали пистолет
И завещали наш скелет
На доброе здоровье

В анатомический музей,
А для романтиков-друзей
На пепельницу череп.

И с честной горечью в крови
Мы умирали от любви,
Какой теперь не верят...

Но эти выпады реки
Бывали слабы и мелки
И зачастую личны.

Такая ж сила, как любовь,
Не часто проливала кровь,
Удержана приличьем.

V

Что принимал я сорок лет
Лишь за черемуховый цвет,
За вербные початки,

Все нынче лезет в арсенал —
Вполне военный матерьял —
Подобие взрывчатки.

И это страшное сырье
В мое ворвалось бытие
В зловещей смертной маске,

Готово убивать и мстить,
Готово силой рот закрыть
Состарившейся сказке.

Но я не знаю, как мне жить,
И я не знаю, как мне быть:
Травиться иль топиться,

Когда ядро в любом цветке,
В любом точеном лепестке
Готово расщепиться.

VI

У нас отнимут желтый клен,
У нас отнимут горный склон
И капли дождевые.

Мы больше не поверим им,
Мы с недоверием глядим.
Ведь мы еще живые.

Мы ищем в мире для себя,
Чему бы верили, любя,
И наших глаз опорой

Не будут лилий лепестки
И сжатые в руках реки
Задумчивые горы.

Но нам оставят пульс планет,
Мерцающий небесный свет,
Почти что невесомый,

Давленье солнца и луны,
Всю тяжесть звездной тишины,
Так хорошо знакомой.

Мы ощущали ярче всех
Значенье этих светлых вех,
Их странное давленье.

И потому для наших мук
Оставят только свет и звук
До светопреставленья.

Ведь даже в тысячу веков
Нам не исчерпать всех стихов,
Просящихся на перья.

И, потеряв привычный мир,
Мы требуем для арф и лир
Особого доверья.

VII

Все то, что знал любой поэт
Назад тому пять тысяч лет,
Теперь ученый-физик,

Едва не выбившись из сил,
Лабораторно воскресил,
Снабдил научной визой.

Ему медали и венки,
Забыты древние стихи,
Овидия прозренье,

Что удивить могло бы свет,
Как мог вместить его поэт
В одно стихотворенье.

И слишком страшно вспоминать,
Как доводилось умирать
Чудесным тем провидцам.

Их отправляли много раз
Кончать пророческий рассказ
В тюрьму или в больницу.

И в наши дни науке дан,
Подсказан гениальный план
Каким-нибудь Гомером.

И озаряют сразу, вдруг
Путь положительных наук
Его стихи и вера,

Его могущество и власть,
Которым сроду не пропасть,
Навек не размельчиться,

Хотя бы все, что под рукой,
Дыша и злобой, и тоской,
Желало б расщепиться.

VIII

И раньше Божия рука
Карала мерзости греха,
Гнала из рая Еву.

И даже землю сплющил Бог,
Когда Он удержать не мог
Прорвавшегося гнева.

Быть может, у природы есть
Желанье с нами счеты свесть
В физическом явленье

За безнаказанность убийц,
За всемогущество тупиц
И за души растленье.

За всю людскую ложь, обман,
Природа мстить любой из стран
Уже давно готова.

За их поруганную честь
Готовит атомную месть,
Не говоря ни слова.

IX

У всех свое добро и зло,
Свой крест и кормчее весло.
Но есть закон природы,

Что всех, кого не свалит с ног,
Тех разгоняет жизни ток
К анодам и катодам.

Родится жесткий разговор
Больному сердцу вперекор
О долге и о славе.

Но как же сплавить те мечты
И надмогильные кресты
В кладбищенской оправе?

И это, верно, не про нас
Тот умилительный рассказ
И Диккенса романы.

Ведь наши версты велики,
Пещеры наши глубоки
И холодны лиманы,

И в разности температур
Гренландии и Эстремадур —
Такая есть чрезмерность,

Что каждому не хватит сил,
Чтоб мог, умел и воскресил
Свою былую верность,

Чтоб были снова заодно.
Не называли жизни дно
Благоуханным небом.

А если это не дано —
Не открывали бы окно,
Не подавали хлеба.

Ведь даже дружба и семья
Служить опорой бытия
Подчас уже не могут.

И каждый ищет в темноте
Своей обманутой мечте
Особую дорогу.

Мне впору только в петлю лезть,
Мне надоели ложь и лесть
И рабские поклоны.

Но где ж мне отыскать надежд,
Чтобы заполнить эту брешь
Совместной обороны?

И на обрывистом краю
Преодолею я свою
Застенчивость и робость.

Не веря век календарю,
Я с удивлением смотрю
На вырытую пропасть.

Но я туда не упаду,
Я удержусь на скользком льду,
На тонком и на ломком,

Где дует ветер прежних лет
И заметает чей-то след
Крутящейся поземкой.

X

Провозглашают петухи
Свои наивные стихи,
Дерут петушьи глотки,

И вздрагивают от волны,
Еще удерживая сны,
Прикованные лодки.

А морю кажется, что зря
Их крепко держат якоря
Заржавленною цепью,

Что нам пора бы плыть туда,
Где молча горбится вода
Распаханною степью,

Где море то же, что земля,
Оно похоже на поля
С поднятой целиною,

Как будто Божия соха,
Архангеловы лемеха
Копались в перегное,

Что, если б лодки настигал
На полпути бродячий шквал,
Он по добросердечью

Их обошел и пощадил,
Не закопал бы в мутный ил
И сохранил от течи.

А если б за живых гребцов
В них посадили мертвецов,
Отнюдь не самозванцев,

Они блуждали б среди шхер
Не хуже прочих на манер
Летучего Голландца.

XI

Когда-нибудь на тусклый свет
Бредущих по небу планет
И вытащат небрежно

Для опознания примет
Скелет пятидесяти лет,
Покрытый пылью снежной.

Склепают ребра кое-как,
И пальцы мне сведут в кулак,
И на ноги поставят,

Расскажут, как на пустыре
Я рылся в русском словаре,
Перебирал алфавит,

Как тряс овсяным колоском
И жизнь анютиным глазком
Разглядывал с поляны,

Как ненавидел ложь и грязь,
Как кровь на лед моя лилась
Из незажившей раны.

Как выговаривал слова,
Какие знают дерева,
Животные и птицы,

А человеческую речь
Всегда старался приберечь
На лучшие страницы.

И — пусть на свете не жилец —
Я — челобитчик и истец
Невылазного горя.

Я — там, где боль, я — там, где стон,
В извечной тяжбе двух сторон,
В старинном этом споре.

* * *

Не старость, нет, — все та же юность
Кидает лодку в валуны
И кружит в кружеве бурунов
На гребне выгнутой волны.

И развевающийся парус,
Как крылья чайки, волны бьет,
И прежней молодости ярость
Меня бросает все вперед.

И сохраняющая смелость
И гнев галерного раба —
Такой сейчас вступает в зрелость
Моя горящая судьба.

Ее и годы не остудят,
И не остудят горы льда,
У ней и старости не будет,
По-видимому, никогда...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Какою необъятной властью
Ты в этот день облечена,
Поборница простого счастья,
Как мать, как женщина, жена...

Но, как ни радуется сердце,
А в глубине, на самом дне,
Живет упрямство иноверца,
Оно заветно только мне.

Ты на лице моем не сможешь
Разгладить складок и морщин —
Тайгой протравленный на коже
Рельеф ущелий и лощин.

Твоей — и то не хватит силы,
Чтоб я забыл, в конце концов,
Глухие братские могилы
Моих нетленных мертвецов.

И, понимая с полуслова
Мои желанья и мечты,
Готова вся природа снова
Вписаться в скорбные листы,

Чтоб, выполняя назначенья
Моих знахарок и врачей,
Она сама была леченьем
От одиночества ночей.

Здесь суть и высшее значенье,
И все покорно служит ей:
И шорох трав, и рек теченье,
И резкость солнечных лучей.

Тому, кто выпросил, кто видел
Ее пророческие сны,
Людские боли и обиды
Бывают вовсе не страшны.

И солнце выйдет на заставы,
Забыв про камень городской,
Сушить заплаканные травы
Своей родительской рукой.

. . . .

Во всяком счастье, слишком зрелом,
Есть червоточинка, изъян,
И только с ним, по сути дела,
Оно вмещается в роман.

Вулканом трещины застонут,
И лава хлынет через край,
Тогда чертит рука Мильтона
Потерянный и возвращенный рай.

И возмечтать о счастье полном
Решались только дураки,
Что вспять повертывают волны
И шепчут грустные стихи.

Во всяком счастье, порознь жданном,
Есть неоткрытый материк,
Чужая звездная туманность,
Непобежденный горный пик.

Но, не наскучив восхожденьем,
Стремимся к новой высоте,
И каждое твое движенье
Под стать душевной красоте.

Земля нехоженые тропы
Оберегает от людей,
По гроб напуганных потопом
И толкотней ковчежных дней.

На устаревшие двухверстки
Мы полагаться не должны,
И ни Чарджуя, ни Обдорска
Нам измеренья не нужны.

Мы карту новую начертим
Для нашей выдумки — земли,
Куда пути сильнее смерти
Неотвратимо привели.

И в такт лирическим балладам
Романса вздрагивает ритм:
Она идет со мною рядом
И про любовь мне говорит.

* * *

Мы дышим тяжело,
Мы экономим фразы,
Спустившись вниз, в тепло
Сгустившегося газа.

Но здешний кислород,
Расхваленный рекламой,
Почти не лезет в рот,
Хотя он тот же самый,

Который много раз
Когда-то мы вдыхали,
Еще не пяля глаз
На сумрачные дали.

Мы ищем на земле
Соснового озона,
Расцвеченных полей
И летнего сезона.

Целебный кислород
Собрав с лесной опушки,
Сосем, прижавши рот
К резиновой подушке.

* * *

Едва вмещает голова
Круженье бреда
И эти горькие слова
Тверской беседы.

Иероглиф могильных плит
В дыму метели.
Мы сами тоже, как гранит,
Оледенели.

И лишь руки твоей тепло
Внушит надежду,
Что будет все, судьбе назло,
Таким, как прежде.

И мимо слов и мимо фраз
Вдвоем проходим,
И ты ведешь скупой рассказ
Каким-то кодом.

И у окна придется мне
Пред Новым годом
На лунном корчиться огне
За переводом.

Круженье лет, круженье лиц
И снега бисер,
Клочки разорванных страниц
Последних писем.

И одинокий старый храм
Для «Всех Скорбящих»,
И тот, ненужный больше нам,
Почтовый ящик.

* * *

Чтоб торопиться умирать,
Достаточны причины,
Но не хочу объектом стать
Судебной медицины.

Я все еще люблю рассвет
Чистейшей акварели,
Люблю луны латунный свет
И жаворонков трели...

* * *

Я с лета приберег цветы
Для той могилы,
Куда легли бы я и ты
Совсем нагими.

Но я — я все еще живу,
И я не вправе
Лечь в эту мертвую траву
Себя заставить.

Своими я похороню
Тебя руками,
Я ни слезы не уроню
На мерзлый камень.

Я повторю твои слова,
Твои проклятья,
Пускай седеет голова,
Ветшает платье.

И колют мне глаза кусты,
Где без дороги
Шагали только я и ты
Путями Бога.

* * *

Иду, дорогу пробивая
Во мгле, к мерцающей скале,
Кусты ольховые ломая
И пригибая их к земле.

И жизнь надломится, как веха
Путей оставшихся в живых,
Не знавших поводов для смеха
Среди скитаний снеговых.

* * *

Цветка иссушенное тело
Вторично встретилось с весной,
Оно худело и желтело,
Дрожа под коркой ледяной.

Все краски смыты, точно хлором
Белели пестрые цветы.
Остались тонкие узоры,
Растенья четкие черты.

И у крыльца чужого дома
Цветок к сырой земле приник,
И он опасен, как солома,
Что может вспыхнуть каждый миг.

ПЕРЕД НЕБОМ

Здесь человек в привычной позе
Зовет на помощь чудеса,
И пальцем, съеденным морозом,
Он тычет прямо в небеса.

Тот палец — он давно отрезан.
А боль осталась, как фантом,
Как, если высказаться трезво,
Химера возвращенья в дом...

И, как на цезарской арене,
К народу руки тянет он,
Сведя в свой стон мольбы и пени
И жалобный оставив тон.

Он сам — Христос, он сам — распятый.
И язвы гнойные цинги —
Как воспаленные стигматы
Прикосновения тайги.

ПОЭТУ

В моем, еще недавнем прошлом,
На солнце камни раскаля,
Босые, пыльные подошвы
Палила мне моя земля.

И я стонал в клещах мороза,
Что ногти с мясом вырвал мне,
Рукой обламывал я слезы,
И это было не во сне.

Там я в сравнениях избитых
Искал избитых правоту,
Там самый день был средством пыток,
Что применяются в аду.

Я мял в ладонях, полных страха,
Седые потные виски,
Моя соленая рубаха
Легко ломалась на куски.

Я ел, как зверь, рыча над пищей.
Казался чудом из чудес
Листок простой бумаги писчей,
С небес слетевший в темный лес.

Я пил, как зверь, лакая воду,
Мочил отросшие усы.
Я жил не месяцем, не годом,
Я жить решался на часы.

И каждый вечер, в удивленье,
Что до сих пор еще живой,
Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.

И я шептал их, как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой.

Они единственною связью
С иною жизнью были там,
Где мир душил житейской грязью
И смерть ходила по пятам.

И средь магического хода
Сравнений, образов и слов
Взыскующая нас природа
Кричала изо всех углов,

Что, отродясь не быв жестокой,
Успокоенью моему
Она еще назначит сроки,
Когда всю правду я пойму.

И я хвалил себя за память,
Что пронесла через года
Сквозь жгучий камень, вьюги заметь
И власть всевидящего льда

Твое спасительное слово,
Простор душевной чистоты,
Где строчка каждая — основа,
Опора жизни и мечты.

Вот потому-то средь притворства
И растлевающего зла
И сердце все еще не черство,
И кровь моя еще тепла.

* * *

С годами все безоговорочней
Суждений прежняя беспечность,
Что в собранной по капле горечи
И есть единственная вечность.

Затихнут крики тарабарщины,
И надоест подобострастье,
И мы придем, вернувшись с барщины,
Показывать Господни страсти.

И, исполнители мистерии
В притихшем, судорожном зале,
Мы были то, во что мы верили,
И то, что мы изображали.

И шепот наш, как усилителем
Подхваченный сердечным эхом,
Как крик, ударит в уши зрителя,
И будет вовсе не до смеха.

Ему покажут нашу сторону
По синей стрелочке компаса,
Где нас расклевывали вороны,
Добравшись до живого мяса,

И где черты ее фантазии,
Ее повадок азиатских
Не превзошли ль в разнообразии
Какой-нибудь геенны адской.

Хранили мы тела нетленные,
Как бы застывшие в движенье,
Распятые и убиенные
И воскрешенные к сраженьям.

И бледным северным сиянием
Качая призрачные скалы,
Светили мы на расстоянии
Как бы с какого пьедестала.

Мы не гнались в тайге за модами,
Всю жизнь шагая узкой тропкой,
И первородство мы не продали
За чечевичную похлебку.

И вот, пройдя пути голгофские,
Чуть не утратив дара речи,
Вернулись в улицы московские
Ученики или предтечи.

КОПЬЕ АХИЛЛА

Когда я остаюсь один,
Я вышибаю клином клин,
Рисую, словно не нарочно,
Черты пугающих картин,
Недавно сделавшихся прошлым.

Былые боли и тщеты
Той молчаливой нищеты
Почти насильно заставляю
Явиться вновь из темноты
Глухого призрачного края.

И в укрепленье чьих-то воль
Здесь героическую роль
Всему дает воспоминанье,
Что причиняло раньше боль.
Что было горем и страданьем.

А мне без боли нет житья,
Недаром слышал где-то я,
Что лечит раны за могилой
Удар целебного копья
Оружья мертвого Ахилла.

ПЕРСТЕНЬ

Смейся, пой, пляши и лги,
Только перстень береги.
Ласковый подарок мой
Светлою слезой омой.

Если ты не веришь мне,
При ущербной злой луне
Палец с перстнем отруби,
В белый снег пролей рубин.

И, закутавшись в туман,
Помни — это не обман,
Не закрыть рассветной мглой
Ненаглядный перстень мой.

Проведи перед лицом
Окровавленным кольцом
И закатный перстня цвет
Помни много, много лет.

УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ

В предсмертных новеньких рубахах
В пасхальном пламени свечей
Стрельцы готовы лечь на плаху
И ожидают палачей.

Они — мятежники — на дыбе
Царю успели показать
Невозмутимые улыбки
И безмятежные глаза.

Они здесь все — одной породы,
Один другому друг и брат,
Они здесь все чернобороды,
У всех один небесный взгляд.

Они затем с лицом нездешним
И неожиданно тихи,
Что на глазах полков потешных
Им отпускаются грехи.

Пускай намыливают петли,
На камне точат топоры.
В лицо им бьет последний ветер
Земной нерадостной поры.

Они с Никитой Пустосвятом
Увидят райский вертоград.
Они бывалые солдаты
И не боятся умирать.

Их жены, матери, невесты
Бесслезно с ними до конца.
Их место здесь — на Лобном месте,
Как сыновьям, мужьям, отцам.

Твердят слова любви и мести,
Поют раскольничьи стихи.
Они — замес того же теста,
Закваска муки и тоски.

Они, не мудрствуя лукаво,
А защищая честь и дом,
Свое отыскивают право
Перед отечества судом.

И эта русская телега
Под скрип немазаных осей
Доставит в рай еще до снега
Груз этой муки, боли всей.

В руках, тяжелых, как оглобли,
Что к небу тянут напослед,
С таких же мест, таких же лобных,
Кровавый разливая свет.

Несут к судейскому престолу
Свою упрямую мольбу.
Ответа требуют простого
И не винят ни в чем судьбу.

И несмываемым позором
Окрасит царское крыльцо
В национальные узоры
Темнеющая кровь стрельцов.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Попрощаться с сонною Москвою
Женщина выходит на крыльцо.
Бердыши тюремного конвоя
Отражают хмурое лицо.

И широким знаменьем двуперстным
Осеняет шапки и платки.
Впереди — несчитанные версты,
И снега — светлы и глубоки.

Перед ней склоняются иконы,
Люди — перед силой прямоты
Неземной — земные бьют поклоны
И рисуют в воздухе кресты.

С той землей она не будет в мире,
Первая из русских героинь,
Знатная начетчица Псалтыри,
Сторож исторических руин.

Возвышаясь над толпой порабощенной,
Далеко и сказочно видна,
Непрощающей и непрощеной
Покидает торжище она.

Это — веку новому на диво
Показала крепость старина,
Чтобы верил даже юродивый
В то, за что умрет она.

Не любовь, а бешеная ярость
Водит к правде Божию рабу.
Ей гордиться — первой из боярынь
Встретить арестантскую судьбу.

Точно бич, раскольничье распятье
В разъяренных стиснуто руках,
И гремят последние проклятья
С удаляющегося возка.

Так вот и рождаются святые,
Ненавидя жарче, чем любя,
Ледяные волосы сухие
Пальцами сухими теребя.

РАССКАЗ О ДАНТЕ

Мальчишка промахнулся в цель,
Ребячий мяч упал в купель.
Резьба была хитра, тонка.
Нетерпеливая рука

В купель скользнула за мячом,
Но ангел придавил плечом
Ребенка руку. И рука
Попала в ангельский капкан.
И на ребячий плач и крик
Толпа людей сбежалась вмиг.
И каждый мальчика жалел,
Но ссоры с Богом не хотел.
Родная прибежала мать,
Не смея даже зарыдать,
Боясь святыню оскорбить,
Навеки грешницею быть.
Но Данте молча взял топор
И расколол святой узор,
Зажавший в мрамора тиски
Тепло ребяческой руки.
И за поступок этот он
Был в святотатстве обвинен
Решеньем папского суда
Без колебанья и стыда...
И призрак Данте до сих пор
Еще с моих не сходит гор,
Где жизнь — холодный мрамор слов,
Хитро завязанных узлов.

* * *

Скоро мне при свете свечки
В полуденной тьме
Греть твои слова у печки.
Иней на письме.

Онемело от мороза
Бедное письмо.
Тают буквы, точат слезы
И зовут домой.

ВЕРЮ

Сотый раз иду на почту
За твоим письмом.
Мне теперь не спится ночью,
Не живется днем.

Верю, верю всем приметам,
Снам и паукам.
Верю лыжам, верю летом
Узким челнокам.

Верю в рев автомобилей,
Бурных дизелей,
В голубей почтовых крылья,
В мачты кораблей.

Верю в трубы пароходов,
Верю в поезда.
Даже в летную погоду
Верю иногда.

Верю я в оленьи нарты,
В путевой компас
У заиндевевшей карты
В безысходный час.

В ямщиков лихих кибиток,
В ездовых собак...
Хладнокровию улиток,
Лени черепах...

Верю щучьему веленью,
Стынущей крови...
Верю своему терпенью
И твоей любви.

* * *

Затлеют щеки, вспыхнут руки,
Что сохраняют много лет
Прикосновения разлуки
Неизгладимый, тяжкий след.

Их жгучей болью помнит кожа,
Как ни продублена зимой.
Они с клеймом, пожалуй, схожи,
С моим невидимым клеймом,

Что на себе всю жизнь ношу я
И только небу покажу.
Я по ночам его рисую,
По коже пальцем обвожу.

Мое лицо ты тронешь снова,
Ведь я когда-нибудь вернусь,
И в память нового былого
От старой боли исцелюсь.

* * *

Скоро в серое море
Ворвется зима,
И окутает горы
Лиловая тьма.

Скоро писем не будет.
И моя ли вина,
Что я верил, как люди,
Что бывает весна.

* * *

Четвертый час утра. Он — твой восьмой,
Вечерний час. И день твой — день вчерашний.
И ночь, тебя пугающая тьмой,
Придет сюда отцветшей и нестрашной.

Она в дороге превратится в день,
В почти что день. Веленьем белой ночи
Деревья наши потеряют тень.
И все так странно, временно, непрочно...

Она ясна мне, северная ночь,
Она безукоризненно прозрачна.
Она могла бы и тебе помочь,
Тогда б у вас не красили иначе.

На вашей долготе и широте
Она темна и вовсе не бессонна.
Она чужда моей ночной мечте
Другого цвета и другого тона.

* * *

Февраль — это месяц туманов
На северной нашей Земле,
Оптических горьких обманов
В морозной блистающей мгле.

Я женской фигурою каждой,
Как встречей чудесной, смущен.
И точно арктической жаждой
Мой рот лихорадкой сожжен.

Не ты ли сошла с самолета,
Дороги ко мне не нашла.
Стоишь, ошалев от полета,
Еще не почувствовав зла.

Не ты ли, простершая руки
Над снегом, над искристым льдом,
Ведешь привиденье разлуки
В заснеженный маленький дом.

СКРИПАЧ

Скрипач играет на углу.
А снег метет,
И ветер завивает мглу
И кружево плетет.
Но в этот искрящийся плащ

Со своего плеча
Мороз, наверно, для тепла
Укутал скрипача.
Все гуще снег, визгливей плач,
Тревожней вой...
В него вплетает и скрипач
Дрожащий голос свой.
И звука гибкая волна
Такой тоски полна,
Что нам одна она слышна,
Скрипичная струна...

* * *

Не откроем песне двери,
Песня нынче не нужна.
Мы не песней горе мерим
И хмелеем без вина.

Камнем мне на сердце ляжет
Гул тяжелый хоровой.
Песни русская протяжность,
Всхлипы, аханье и вой...

* * *

Мы несчастье и счастье
Различаем с трудом.
Мы бредем по ненастью,
Ищем сказочный дом,

Где бы ветры не дули,
Где бы крыша была,
Где бы жили июли
И где б не было зла.

Этим сказочным домом
Бредит каждый, и вот
Он находит хоромы
И в хоромы идет.

Но усталые взоры
Не заметят впотьмах —
Это иней узоры
Налепил на дверях.

Невеселая келья
Холодна и темна.
Здесь его новоселье
Без огня, без вина.

Но, согрев своим телом
Ледяную кровать,
Он решает несмело
Все же здесь ночевать.

И опять на дорогу
Он выходит с утра
И помолится Богу,
Как молился вчера...

* * *

Мы спорим обо всем на свете
Затем, что мы — отцы и дети,
И, ошалев в семнадцать лет,
В угрозы улицы поверив,
К виску подносим пистолет
Иль хлопаем на память дверью.
Но, испугавшись новизны,
В которой чуем неудачу,
Мы видим дедушкины сны,
Отцовскими слезами плачем.

* * *

Мне что ни ночь — то море бреда.
Без лампы, в полной темноте
Мне чудится, что я все еду
Навстречу узнанной мечте.

И мне мерещится — все реки,
Как в океан, втекают в дверь,
Чтоб сжалось сердце человека
Всей невозвратностью потерь.

Как будто прорвана плотина,
Вода становится мутней,
Всплывают водоросли, тина,
Обломки старых кораблей.

И мира некая изнанка,
Его задворок грязь и муть
Ко мне вернется спозаранку,
И ни минуты не уснуть.

Но расступившиеся волны
Дорогу открывают мне.
Спасения блаженством полный,
Живым шагаю в тишине.

Не гидравлическим насосом
От затопленья я спасен.
Мне Моисей дорожный посох
Бросает в океанский сон.

СВИДАНИЕ

Растворила таежные двери,
Распахнула руками кусты.
Заметались тревожные звери,
Тополей встрепенулись листы.

И захлопали крыльями птицы,
Затрясли головами цветы.
Ты пришла, понимаю, проститься,
Но зачем же так ласкова ты?

Звери раньше меня угадали,
Что на сердце таится твоем.
Они знать не хотят оправданий,
Нас с тобой оставляют вдвоем.

Зазвенят на тебе ожерелья
И браслеты твои зазвенят.
Чья ж вина в том, что мы постарели,
Да и есть ли такая вина?

Ты скажи мне последнее слово,
Пока солнце еще не зашло,
Без обмана, без всяких уловок,
Что же все-таки произошло?

Ты скажи — успокоятся птицы,
Станет шелковой злая трава.
В свои норы зверье возвратится,
Они все еще верят в слова.

Ты скажи — и не будет обмана
В дружелюбном пожатье руки.
Ты скажи — и не будет тумана,
Поднимающегося от реки.

Повтори же заклятье Навина,
Солнце в небе останови,
Чтоб я верил хотя б вполовину
Увереньям твоим в любви.

* * *

Лес гнется ветровым ударом.
И каждый ясень, каждый клен
Дрожит и стонет, как гитара,
И сам гитарой бредит он.

Ведь у него не только юность,
А даже старость на уме.
И для нее-то рвутся струны,
Остатки звуков в полутьме.

Еще вчера при невниманье
Он пошумел бы и затих.
И я б не знал его страданий,
И он не чувствовал моих.

А нынче он сам — друг со мною
И даже просится в родство.
Его сочувствие земное —
Лекарство, а не колдовство.

* * *

Засыпай же, край мой горный,
Изогнув хребет.
Ночью летней, ночью черной,
Ночью многих лет.

Чешет ветер, как ребенку,
Волосы ему,
Светлой звездною гребенкой
Разрывая тьму.

И во сне он, как собака,
Щурит лунный глаз,
Ожидая только знака
Зарычать на нас.

* * *

Зима уходит в ночь, и стужа
От света прячется в леса.
И в колеи дорожной лужах
Вдруг отразились небеса.

И дым из труб, врезаясь в воздух,
Ослабевая в высоте,
Уже не так стремится к звездам,
И сами звезды уж не те,

Что раньше призрачным мерцаньем
Всю ночь нам не давали спать.
И только в силу расстоянья
Умели вышнее внушать.

Как те далекие пророки,
Чья сила все еще жива,
Что на стене рукою рока
Писали грозные слова.

И звезды здесь порою вешней
Не так, как прежде, далеки.
Они, как горы наши, — здешни
И неожиданно мелки.

Весною мы гораздо ближе
Земле — и теплой и родной,
Что некрасивой, грязной, рыжей
Сейчас встречается со мной.

И мы цветочную рассаду
Тихонько ставим на окно
Сигнал весне, что из засады
Готова выскочить давно.

* * *

Дождя невидимою влагой
Обмыта пыльная рука,
И в небе белом, как бумага,
В комки катают облака.

Вся пожня ежится от стужи,
Сырой щетинится травой.
И зябко вздрагивают лужи
От каждой капли дождевой.

И ветер, встретив пешехода,
Толкает с хода прямо в грудь,
Сменить торопится погоду
И светом солнечным блеснуть.

* * *

Там где-то морозом закована слякоть,
И крепость не будет взята.
Там где-то весны захлебнулась атака
В березовых черных кустах.

В обход поползло осторожное лето
И вот поскользнулось на льду.
И катится вниз по окраине света,
Краснея у всех на виду...

* * *

На краю лежим мы луга
У зажженного костра,
И деревья друг за другом
Исчезают до утра.

Визг рязанского страданья
Прорезает тишину.
Все свиданья, ожиданья
И рыданья на луну.

Комары поют в два тона,
Ухо режут без ножа.
Насекомых и влюбленных
Как от песни удержать?

Слышен тише вполовину
После всех денных трудов
Звук развернутой пружины
Заведенных оводов.

Под ногой жужжит, тревожит
Запоздавшая пчела
И цветок найти не может —
Помешала сбору мгла.

Мыши, слепы и крылаты,
Пролетают над огнем,
Что они притом горбаты,
Кто подумал бы о том.

Им не надо опасаться,
Что сучок ударит в глаз.
Тайну радиолокаций
Мыши знают лучше нас.

Вот и все, пожалуй, звуки,
Что содержит тишина.
Их достаточно для муки,
Если хочешь только сна.

* * *

Остановлены часы
Каплей утренней росы.
Я стряхнул ее с цветка,
С расписного лепестка.

Напряженьем росных сил
Я часы остановил.
Время, слушаясь меня,
Не начнет сегодня дня.

Здесь со мной лесной рассвет,
И домой дороги нет.

* * *

Откинув облачную крышку,
Приподнимают небосвод.
И ветер, справившись с одышкой,
Из моря солнце достает.

И первый луч скользнет по морю
И птицу белую зажжет.
И, поднимаясь выше — в горы,
Гранита вытирает пот...

БУХТА

Дальней лодки паруса
Тянет ветер в небеса.
И завязла в валунах
Одинокая волна.

Крылья птиц и крылья волн,
Задевающие мол,
Парохода резкий бас,
Отгоняющий баркас.

Хруст намокшего песка
Под давленьем каблука.
И веселый детский смех
Там, где радоваться — грех.

* * *

Что стало близким? Что далеким?
У всех прохожих на виду
Я подержу тебя за локоть,
В метели улиц проведу.

Я не подам тебе и виду,
Что я отлично знаю сам,
Как тяжело беречь обиду,
Не доверяя небесам.

И мы идем без всякой цели.
Но, выходя на лунный свет,
Мы улыбнемся вслед метели,
Что не могла сдержать секрет.

* * *

Деревья зажжены, как свечи,
Среди тайги.
И горы сломаны на печи,
На очаги.

Вот здесь и мне горящей вехой
Намечен путь,
Сквозь путешествия помеху,
Тумана муть.

И, как червяк, дорога вьется
Через леса
Со дна библейского колодца
На небеса.

И недалекая равнина,
Глаза раскрыв,
Глядит тоскливо и ревниво
На этот миф.

Казалось ей, что очень скоро
Настанет час —
Прикроют взорванные горы
Умерших нас.

Но, зная ту тщету столетий,
Что здесь прошли,
Тщету борьбы зимой и летом
С душой земли,

Мы не поверили в надежды,
В равнины бред.
Мы не сильней, чем были прежде
За сотни лет.

* * *

Пред нами русская телега,
Наш пресловутый примитив,
Поэтов альфа и омега,
Известный пушкинский мотив.

Запряжка нынче необычна.
В оглобли, пятясь, входит бык.
И равнодушье видно бычье,
И что к телеге он привык.

Вздувая розовые ноздри,
Ременным сжатые кольцом,
Храпит и втягивает воздух —
Не распрощается с крыльцом.

И наконец вздохнет глубоко,
Скосит по-конски бычий глаз,
Чтоб, начиная путь далекий,
В последний раз взглянуть на нас.

А впереди, взамен каюра,
Якут шагает налегке,
Иль, подстелив оленью шкуру,
Верхом он едет на быке.

Ну что ж! Куда нам мчаться рысью,
Какой отыскивать уют.
Плетутся медленно и мысли,
Но от быков не отстают.

* * *

Нет, тебе не стать весною
Синеокою, лесною,
Ни за что не стать.

Не припомнить то, что было,
Только горько и уныло
Календарь листать.

Торопить движенье суток
Хриплым смехом прибауток,
Грубою божбой.

И среди природы спящей
Быть не только настоящей,
Но самой собой.

* * *

Я, как рыба, плыву по ночам,
Поднимаясь в верховье ключа.
С моего каменистого дна
Мне небес синева не видна.

Я не смею и двинуться дном
Разговорчивым сумрачным днем
И, засыпанный донным песком,
Не могу шевельнуть плавником.

Пусть пугает меня глубина.
Я, пока пролетает волна,
Постою, притаившись в кустах,
Пережду набегающий страх.

Так, течению наперерез
Поднимаюсь почти до небес,
Доплыву до истоков реки,
До истоков моей тоски.

* * *

Изменился давно фарватер,
И опасности велики
Бесноватой и вороватой
Разливающейся реки.

Я простой путевой запиской
Извещаю тебя, мечта.
Небо низко, и скалы близко,
И трещат от волны борта.

По глубинным судить приметам,
По кипению пузырьков
Могут лоцманы — и поэты,
Если слушаться их стихов.

* * *

Мне одежда Гулливера
Все равно не по плечу,
И с судьбою Агасфера
Я встречаться не хочу.

Из окошка общих спален
Сквозь цветной рассветный дым
Я лицом повернут к далям
И доверюсь только им.

В этом нервном потрясенье,
В дрожи пальцев, рук и век
Я найду свое спасенье,
Избавление навек.

Это — мизерная плата
За сокровище во льду,
Острие штыка солдата
И заветную руду.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

В староверском дому я читаю Шекспира,
Толкованье улыбок, угрозы судьбе.
И стиху откликается эхо Псалтыри
В почерневшей, продымленной темной избе.

Я читаю стихи нараспев, как молитвы.
Дочь хозяина слушает, молча крестясь
На английские страсти, что еще не забыты
И в избе беспоповца гостят.

Гонерилье осталась изба на Кубани.
Незамужняя дочь разожгла камелек.
Тут же сушат белье и готовится баня.
На дворе леденеют туши кабаньи...

Облака, как верблюды, качают горбами
Над спокойной, над датской землей.

* * *

Луна свисает, как тяжелый
Огромный золоченый плод,
С ветвей моих деревьев голых,
Хрустальных лиственниц — и вот

Мне кажется — протянешь руку,
Доверясь детству лишний раз,
Сорвешь луну — и кончишь муку,
Которой жизнь пугает нас.

ПРОЩАНИЕ

Вечор стояла у крылечка,
Одета пылью золотой,
Вертела медное колечко
Над потемневшею водой.

И было нужно так немного:
Ударить ветру мне в лицо,
Вернуть хотя бы с полдороги
На это черное крыльцо.

УТРО

По стенке шарит желтый луч,
Раздвинувший портьеры,
Как будто солнце ищет ключ,
Забытый ключ от двери.

И ветер двери распахнет,
И впустит птичье пенье,
Всех перепутавшихся нот
Восторг и нетерпенье.

Уже, взобравшись на скамью
Иль просто на подклетье,
Петух, как дьякон ектенью,
Заводит многолетье.

И сквозь его «кукареку»,
Арпеджио и трели
Мне видно дымную реку,
Хоть я лежу в постели.

Ко мне, скользка и холодна,
Едва я скину платье,
Покорно кинется волна
В горячие объятья.

Но это — лишь в полубреду,
Еще до пробужденья.
И я купаться не пойду,
Чтобы не встретились в саду
Ночные привиденья.

А ветер покидает дом,
Пересчитав посуду,
Уже пронесся над прудом,
Уже свистит повсюду.

Перебирает воду он,
Как клавиши рояля,
Как будто он открыл сезон
В моем концертном зале.

И нынче летом — на часах
Ты, верно, до рассвета,
Ты молча ходишь в небесах,
Подобная планете.

Облокотившись на балкон,
Как будто на свиданье,
Протягивает лапы клен
К любимому созданью.

И ты стоишь, сама лучась
В резной его оправе.
Но даже дерево сейчас
Тебя задеть не вправе.

Всю силу ревности моей
И к дереву и к ветру
Своим безмолвием залей,
Своим блаженным светом.

И ветер рвет твои чулки
С веревки возле дома.
И, как на свадьбе, потолки
На нас крошат солому.

* * *

Неосторожный юг
Влезает нам в тетради
И солнцем, как утюг,
Траву сырую гладит...

Свет птичьего пера,
Отмытого до блеска,
И дятла-столяра
Знакомая стамеска.

Проснувшихся стихов
И тополей неспящих,
Зеленых языков,
Шуршащих и дразнящих,

Мой заоконный мир,
Являйся на бумагу,
Ходи в тиши квартир
Своим звериным шагом.

Иль лебедем склонись,
Как ледяная скрипка,
С небес спускаясь вниз
Размеренно и гибко.

Вся комната полна
Таким преображеньем,
И ночи не до сна
От слез и напряженья.

Но в мире место есть,
Где можно спозаранку
Раскинуть эту смесь,
Как скатерть-самобранку.

* * *

Какой заслоню я книгой
Оранжевый небосвод,
Свеченье зеленое игол,
Хвои заблестевший пот,

Двух зорь огневое сближенье,
Режущее глаза.
И в капле росы отраженье
Твоей чистоты, слеза.

* * *

Я разорву кустов кольцо,
Уйду с поляны.
Слепые ветки бьют в лицо,
Наносят раны.

Роса холодная течет
По жаркой коже,
Но остудить горячий рот
Она не может.

Всю жизнь шагал я без тропы,
Почти без света.
В лесу пути мои слепы
И неприметны.

Заплакать? Но такой вопрос
Решать же надо.
Текут потоком горьких слез
Все реки ада.

* * *

Ведь только длинный ряд могил —
Мое воспоминанье,
Куда и я бы лег нагим,
Когда б не обещанье

Допеть, доплакать до конца
Во что бы то ни стало,
Как будто в жизни мертвеца
Бывало и начало.

* * *

Приподнятый мильоном рук,
Трепещущих сердец
Колючей проволоки круг,
Терновый твой венец.

Я все еще во власти сна,
Виденья юных лет.
В том виновата не луна.
Не лунный мертвый свет.

Не еле брезжущий рассвет,
Грозящий новым днем,
Ему и места даже нет
В видении моем.

ЛИЧНО И ДОВЕРИТЕЛЬНО

* * *

Я, как Ной, над морской волною
Голубей кидаю вперед,
И пустынною белой страною
Начинается их полет.

Но опутаны сетью снега
Ослабевшие крылья птиц,
Леденеют борта ковчега
У последних моих границ.

Нет путей кораблю обратно,
Он закован навек во льду,
Сквозь метель к моему Арарату,
Задыхаясь, по льду иду.

* * *

Бог был еще ребенком, и украдкой
От взрослых Он выдумывал тайгу:
Он рисовал ее в своей тетрадке,
Чертил пером деревья на снегу,

Он в разные цвета раскрашивал туманы,
Весь мир был полон ясной чистоты,
Он знать не знал, что есть другие страны,
Где этих красок может не хватить.

Он так немного вылепил предметов:
Три дерева, скалу и несколько пичуг.
Река и горные непрочные рассветы —
Изделье тех же неумелых рук.

Уже не здесь, уже как мастер взрослый,
Он листья вырезал, Он камни обтесал,
Он виноградные везде развесил гроздья,
И лучших птиц Он поселил в леса.

И, надоевшее таежное творенье
Небрежно снегом закидав,
Ушел варить лимонное варенье
В приморских расписных садах.

Он был жесток, как все жестоки дети:
Нам жить велел на этом детском свете.

* * *

Живого сердца голос властный
Мне повторяет сотый раз,
Что я живу не понапрасну,
Когда пытаюсь жить для вас.

Я, как пчела у Метерлинка,
Как пресловутая пчела,
Которой вовсе не в новинку
Людские скорбные дела.

Я до рассвета собираю,
Коплю по капле слезный мед,
И пытке той конца не знаю,
И не отбиться от хлопот.

И чем согласней, чем тревожней
К бумаге просятся слова,
Тем я живу неосторожней
И горячее голова.

ПТИЦЕЛОВ

Согнулась западня
Под тяжестью синицы,
И вся ее родня
Кричит и суетится.

И падает затвор
Нехитрого снаряда,
А я стою, как вор,
И не спускаю взгляда

С испуганных пичуг
И, вне себя от счастья,
Разламываю вдруг
Ловушку ту на части.

И в мертвой тишине,
В моем немом волненье,
Я жду, когда ко мне
Приблизятся виденья.

Как будто Васнецов
Забрел в мои болота,
Где много мертвецов
И сказке есть работа.

Где терем-теремок —
Пожалуй, по созвучью
Назвал тюрьмою Бог,
А не несчастный случай.

Где в заводях озер
Зеленых глаз Алены
Тону я до сих пор —
Охотник и влюбленный.

Где, стоя за спиной
Царевича Ивана,
Объеду шар земной
Без карты и без плана.

Уносит серый волк
К такой стране нездешней,
Где жизнь — не только долг,
Но также и надежда.

В морщинах скрыта грусть,
Но я не беспокоюсь:
Я солнцем оботрусь,
Когда росой умоюсь...

* * *

Замлела в наступившем штиле
Вся в белых рубчиках вода,
Как будто жизнь остановили
На синем море навсегда.

Быть может, это пароходы,
Как паровые утюги,
Разгладили морские воды
В гладильне матушки-тайги,

Чтоб на полночной гофрировке,
Средь мелких складок волновых,
Рыбачьей лодке дать сноровку
Держаться до сих пор в живых.

Перетерпевшая все шквалы,
Вчерашний грохот штормовой,
Девятым вымытая валом,
Она живой плывет домой.

Плывет на некий берег дальний,
Еще невидимый пока,
Ища в ночи причалов скальных
И заезжая в облака.

ПОХОРОНЫ

Под Новый год я выбрал дом,
Чтоб умереть без слез.
И дверь, оклеенную льдом,
Приотворил мороз.

И в дом ворвался белый пар
И пробежал к стене,
Улегся где-то возле нар
И лижет ноги мне.

Лохматый пудель, адский дух,
Он изменяет цвет;
Он бел, как лебединый пух,
Как новогодний дед.

В подсвечнике из кирпича,
У ночи на краю,
В углу оплывшая свеча
Качала тень мою.

И всем казалось — я живой,
Я буду есть и пить,
Я так качаю головой,
Что собираюсь жить.

Сказали утром наконец,
Промерзший хлеб деля:
Быть может, он такой мертвец,
Что не возьмет земля!

Вбивают в камни аммонал,
Могилу рыть пора.
И содрогается запал
Бикфордова шнура.

И без одежды, без белья,
Костлявый и нагой,
Ложусь в могилу эту я,
Поскольку нет другой.

Не горсть земли, а горсть камней
Летит в мое лицо.
Больных ночей, тревожных дней
Смыкается кольцо.

* * *

Здесь первым искренним стихом
Я разжигал костер,
И пепел от людей тайком
В ладонях я растер.

Но, отогревшись, я не мог
Припомнить этих жарких строк.

И если снова тяжела
Рука колючих вьюг,

И если мертвый холод зла
Опять стоит вокруг,

Я снова — в новую пургу —
Костер стихами разожгу.

* * *

К так называемой победе,
Назло медведю и лисе,
Проеду на велосипеде
Вдоль по обочинам шоссе.

И вот земли-стенографистки
Рассказ на глине и песке:
Ее предсмертная записка,
Забытая невдалеке,

Зарытая в дорожных ямах,
В геологических шурфах.
Все, что не высказалось прямо,
Закоченело на губах...

Но кто прочтет иероглифы,
Какой придет Шамполион,
Чтоб разгадать глухие мифы, —
Услышать человечий стон.

ГОРА

В сияющем известняке,
В граните черно-буром,
Гора спускается к реке,
Зажав подснежники в руке,
Навстречу людям хмурым.

Остановившись над ключом,
Как и во время оно,
Она не грезит нипочем
Ни силикатным кирпичом,
Ни железобетоном.

* * *

Он сменит без людей, без книг,
Одной природе веря,
Свой человеческий язык
На междометья зверя.

Руками выроет ночлег
В хрустящих листьях шалых
Тот одичалый человек,
Интеллигент бывалый.

И выступающим ребром
Натягивая кожу,
Различья меж добром и злом
Определить не может.

Но вдруг, умывшись на заре
Водою ключевою,
Поднимет очи он горé
И, точно волк, завоет...

ЕЩЕ ИЮЛЬ

Ты лжешь, что, запрокинув голову,
Я синий воздух жадно пью, —
Небес расплавленное олово
В июле в глотку льют мою,

Чтобы себя не выдал голосом,
Чтоб удивляться перестал,
Чтобы похожи были волосы
На этот льющийся металл.

* * *

Возможно ль этот тайный спор
Меня с самим собою
Простому сердцу вперекор
Назвать моей судьбою?

Возможно ль подчиниться мне
Какой-то тяжкой силе,
Чтобы не изнутри — извне
Пришла и воскресила?

Или спасенье только есть
В мечтаниях бродяги,
В оберегаемых, как честь,
Клочках моей бумаги.

ИЮЛЬ

Все соловьи осоловели
И не рокочут ввечеру,
Они уж целых две недели
В плетеной нежатся постели
На охлаждающем ветру.

Колючим колосом усатым
Трясет раскормленный ячмень,
И день малиной ноздреватой,
Черносмородинным агатом
Синиц заманивает в тень.

Здесь сущий рай для птиц бездомных,
Для залетевших далеко,
Им от прохлады полутемной
В кустах, достаточно укромных,
Бывает на сердце легко.

И я шепчу стихи синицам,
Губами тихо шевеля,
И я разыгрываю в лицах,
В зверях, растениях и птицах,
Что сочинила мне земля.

Она к моей спине прижалась
И мне готова передать
Все, что в душе у ней осталось,
Всю нерастраченную малость —
Всю неземную благодать.

Жарой коробятся страницы,
Тетрадка валится из рук,
И в поле душно, как в больнице,
И на своих вязальных спицах
Плетет ловушку мне паук.

И мотыльки щекочут щеку,
Перебивая мой рассказ,
И на ветру скрипит осока,
И ястреба кружат высоко,
Меня не упуская с глаз.

ГРОЗА

Смешались облака и волны,
И мира вывернут испод,
По трещинам зубчатых молний
Разламывается небосвод.

По желтой глиняной корчаге
Гуляют грома кулаки,
Вода спускается в овраги,
Держась руками за пеньки.

Но, в сто плетей дубася тело
Пятнистой, как змея, реки,
Гроза так бережно-умело
Цветов расправит лепестки.

Все то, что было твердой почвой,
Вдруг уплывает из-под ног,
И все земное так непрочно,
И нет путей, и нет дорог.

Пока прохожий куст лиловый
Не сунет руку сквозь забор,
И за плечо не остановит,
И не завяжет разговор.

И вот я — дома, у калитки,
И все несчастья далеки,
Когда я, вымокший до нитки,
Несу за пазухой стихи.

Гнездо стихов грозой разбито,
И желторотые птенцы
Пищат, познав крушенье быта,
Его начала и концы.

ТАЙГА

Тайга — молчальница от века
И рада быть глухонемой,
Она не любит человека
И не зовет его домой.

Ей благозвучней вопли сычьи,
Чем нарушающее сон
Крикливое косноязычье
Всех человеческих племен.

Но если голосом ребенка
Попросят помощи у ней,
Она тотчас бежит вдогонку
И будет матери нежней.

Она заманит чудесами,
Грозы покажет фейерверк
И птиц над черными лесами,
Шутя, подбрасывает вверх.

Раскрашенные безделушки
Цветов качает на лугу.
У ней и камни — погремушки...
Алмазы брошены в снегу.

А гам, смещая все масштабы,
Со здравым смыслом не в ладу,
Смущает взрослым душу, дабы
Потом не жечь ее в аду.

И в этих знаках, в этих жестах
Воинствующей немоты
Я вижу истинное место
Моей ребяческой мечты.

Тайга смещает все масштабы
И наши путает пути,
Хотя воистину могла бы
Сердечно к взрослым подойти.

И тот, кто, в сущности, не молод,
Кто, безусловно, не юнец,
Тот видит лишь гранит и холод,
Что достигает дна сердец.

И в снеговом однообразье
Гора проходит за горой.
Уж лучше б вымазала грязью,
Землей испачкала сырой.

А здесь лишь камень известковый
И снег небесной чистоты,
И мы горды такой обновой,
Таким подобием мечты.

СОСНЫ СРУБЛЕННЫЕ

Пахнут медом будущие бревна —
Бывшие деревья на земле,
Их в ряды укладывают ровно,
Подкатив к разрушенной скале.

Как бесславен этот промежуток,
Первая ступень небытия,
Когда жизни стало не до шуток,
Когда шкура ближе всех — своя.

В соснах мысли нет об увяданье,
Блещет светлой бронзою кора.
Тем страшнее было ожиданье
Первого удара топора.

Берегли от вора, от пожара,
От червей горбатых берегли —
Для того внезапного удара,
Мщенья перепуганной земли.

Дескать, ждет их славная дорога —
Лечь в закладке первого венца,
И терпеть придется им немного
На ролях простого мертвеца.

Чем живут в такой вот час смертельный
Эти сосны испокон веков?
Лишь мечтой быть мачтой корабельной,
Чтобы вновь коснуться облаков!

* * *

Он из окна своей квартиры
С такой же силой, как цветы,
Вдыхает затхлый воздух мира,
Удушье углекислоты.

Удушье крови, слез и пота,
Что день-деньской глотает он,
Ночной таинственной работой
Переплавляется в озон.

И, как источник кислорода,
Кустарник, чаща и трава,
Растут в ночи среди народа
Его целебные слова.

Он — вне времен. Он — вне сезона.
Он — как сосновый старый бор,
Готовый нас лечить озоном
С каких-то очень давних пор.

Нам все равно — листы ли, листья —
Как называется предмет,
Каким — не только для лингвистов —
Дышать осмелился поэт.

Не грамматические споры
Нас в эти горы завлекли —
Глубокое дыханье бора
Целительницы земли.

О ПЕСНЕ

Темное происхожденье
Наших песен и баллад —
Давнего грехопаденья
Неизбежный результат.

С тем же, кем была когда-то
Жизнь оплодотворена,
В этот властный миг расплаты
Как бы соединена.

Что доношено до срока,
До бессонниц января,
Что рождается в потоке
Слез и слов у фонаря

На коробке папиросной,
Подстеленной кое-как,
На листке, а то и просто
На газеты уголках,

То, что вовсе ждать не может,
Шага не дает шагнуть,
То, что лезет вон из кожи
И чего нельзя вернуть.

Ты отрежешь пуповину,
В темноте остановясь,
Станет легче вполовину —
Лишь порвется эта связь.

И, покончив с полубредом
Этих самых древних мук,
Втопчешь в снег клочки последа
И оглянешься вокруг...

. . . .

Много лет пройдет. И песне
Снова встретиться с тобой,
Может быть, нужней и лестней,
Чем наследнице любой.

Вот она идет по тропке,
Опустивши долу взгляд,
Неуверенно и робко
И со сверстницами в ряд.

Ты глядишь, не понимая,
Кто она в твоей судьбе,
Вся теперь как бы чужая,
Незнакомая тебе.

Где-то в давке, в книжной лавке
Разглядишь, в конце концов,
Бывшей золушки-чернавки
Позабытое лицо.

И по родинкам, приметам,
По разрезам губ и глаз
Ты узнаешь дочь поэта
В первый и последний раз.

* * *

Над трущобами Витима,
Над косматою землей,
Облаков зловещих мимо
Я лечу к себе домой.

И во чреве самолета,
Как Иона у кита,
Я прошу у шеф-пилота:
Ради Господа Христа,

Донеси меня до юга,
Невредимым донеси,
Пусть меня забудет вьюга
Хоть на месяц на Руси.

Я срисовывал бы чащи,
Только в них войдет гроза,
Солнцу б я как можно чаще
Попадался на глаза.

В посрамленье злой мороки,
В просветление ума,
Я б успел составить строки,
Что шептала мне зима.

Перед аэровокзалом
Горло сдавит тошнота:
Снова — пропасти, провалы,
Под ногами — пустота.

У меня сейчас воочью,
А не только между строк,
Неустойчивую почву
Выбивают из-под ног.

Вижу, как, вращая крылья,
Самолетный вьется винт,
С давней раны, с давней боли
Мне разматывают бинт.

Открывая, обнажая,
Растревоженную вновь,
Чтоб могла рука чужая
Разодрать ту рану в кровь.

Там, в своей пурге-тумане,
Мне не стоило труда
Кровь любой подобной раны
Удержать кусками льда.

Я стою, не веря в лето,
И искать не знаю где
Медицинского совета,
Чтоб помочь моей беде.

Но твое рукопожатье
Так сердечно горячо;
Птицы ситцевого платья
Мне садятся на плечо.

И знакомое лекарство
Тихо капает из глаз —
Драгоценное знахарство,
Исцеляющее нас.

Вот я таю, как ледышка,
От проклятых этих слез,
Душу мне еще не слишком
Остудил земной мороз.

КОНЦЕРТ

Скрипка, как желтая птица,
Поет на груди скрипача;
Ей хочется двигаться, биться,
Ворочаться у плеча.

Скрипач ее криков не слышит,
Немыми толчками смычка
Он скрипку все выше, все выше
Забрасывает в облака.

И в этой заоблачной выси
Естественный климат ее,
Ее ощущенья и мысли —
Земное ее бытие.

Но всякий, имеющий уши,
Да слышит отчаянья крик,
Который нам в уши обрушит
До слез побледневший старик.

Он — гения душеприказчик,
Вспотевший седой виртуоз,
Пандоры окованный ящик
Он в зал завороженный внес.

Он смело сундук открывает
Одним поворотом ключа,
Чтоб нас отогнали от рая
Видения скрипача.

Чтоб после небесной поездки
Вернуться на землю опять
И небу чужому в отместку
Заплакать и загоревать.

И мы, возвращаясь к земному,
Добравшись по старым следам
К родному знакомому дому,
Мы холод почувствуем там.

Мы чем-то высоким дышали.
Входили в заветную дверь...
Мы многое людям прощали,
Чего не прощаем теперь.

* * *

Мы гуляем средь торосов
В голубых лучах луны,
Все проклятые вопросы,
Говорят, разрешены.

Но луна, как пряник мятный,
Детский пряник ледяной,
Вдруг покатится обратно,
И — покончено с луной.

И, встревоженное чудом,
Сердце дрогнет у меня,
Я достану из-под спуда,
Из подполья злого дня,

Все, что плакало и пело,
Путевую жизни нить,
Что своим усталым телом
Я пытался заслонить

От чужих прикосновений,
От дурных тяжелых глаз,
Откровенных нападений
И двусмысленности фраз.

Наступает тихий вечер,
Звезды тают на снегу.
И породой человечьей
Я гордиться не могу.

* * *

Среди холодной тьмы
Мы — жертвы искупленья.
И мы — не только мы,
А капелек сцепленье.

Стакан поставь в туман,
Тянущийся по саду,
И капли на стакан
Тотчас, как дождь, осядут.

Стакан сберег тепло,
Ему родное снится,
И мутное стекло
Слезой засеребрится.

* * *

Я здесь живу, как муха, мучась,
Но кто бы мог разъединить
Вот эту тонкую, паучью,
Неразрываемую нить?

Я не вступаю в поединок
С тысячеруким пауком,
Я рву зубами паутину,
Стараясь вырваться тайком.

И, вполовину омертвелый,
Я вполовину трепещу,
Еще ищу живого дела,
Еще спасения ищу.

Быть может, палец человечий
Ту паутину разорвет,
Меня сомнет и искалечит
И все же на небо возьмет.

* * *

Кому-то нынче день погожий,
Кому — томящая жара,
А я, наверно, проморожен
Тайгой до самого нутра.

И мне все кажется, что лето
Напрасно силы бережет,
Напрасно раскаленным светом
Дотла всю землю не сожжет...

* * *

Клен и рослый, и плечистый
В дрожи с головы до пят,
Перепуганные листья
До рассвета шелестят.

Их протягивает лето,
И холодный ветерок
Отрывает, как билеты,
И бросает на песок.

И по железнодорожной
Желтой насыпи крутой
Их сметает осторожно
В ямы с мутною водой.

Это — право пешехода
Разбираться, чье нужней,
Чье полезней время года —
Весен или осеней,
И похваливать погоду,
Размышляя не о ней.

* * *

Приходят с улиц, площадей,
Все глохнет, как в лесном загоне,
Ладони будто бы людей
Моей касаются ладони.

И мне, пожалуй, все равно,
Что тут — мечта и что — обманы,
Я вижу темное вино,
Уже разлитое в стаканы.

Я вижу женщины глаза,
Которых чище не бывает;
И непослушная слеза
Напрасно зренье застилает...

ПЕРСЕЙ И МУЗА

Она еще жива, Расея,
Опаснейшая из Горгон,
Заржавленным щитом Персея
Не этот облик отражен.

Химер, ничуть не виноватых,
Кентавров рубит сгоряча,
Он голову родного брата
Надел на острие меча.

В ушах героя шум победы,
Он пьяный мед, как воду, пьет,
И негритянка Андромеда
Лиловый подставляет рот...

Но дом Горгон находит Муза,
И — безоружная — войдет,
И поглядит в глаза Медузе,
Окаменеет — и умрет.

* * *

Я нынче с прежнею отвагой
Все глубже, глубже в темный лес
Иду. И прибавляю шагу,
Ища не знаний, но чудес.

И по тропе, глухой и личной,
Войду в такую тишину,
Где нынче всю породу птичью
Еще с утра клонит ко сну.

* * *

Затерянный в зеленом море,
К сосне привязанный, стою,
Как к мачте корабля, который
Причалит, может быть, в раю.

И хвои шум, как шум прибоя,
И штормы прячутся в лесу,
И я земли моей с собою
На небеса не унесу...

* * *

Сплетают ветви полукруг
Трепещущего свода.
Под тысячей зеленых рук
На четырехугольный луг
Ведет меня природа.

Иду — уже не в первый раз
Под триумфальной аркой.
А луг — пока хватает глаз —
Конвертом кажется сейчас,
Весь в разноцветных марках.

И каждый вылеплен цветок
В почтовом отделенье.
И до востребования мог
Писать мне письма только Бог
Без всякого стесненья.

* * *

Вечерней высью голубою
До дна пропитана река.
Клочками порванных обоев
Свисают с неба облака.

И в опустевшую квартиру
По тропке горной я вхожу
И в первый раз согласье мира
С моей душою нахожу.

* * *

В мозгу всю ночь трепещут строки,
И вырываются из сна
Признанья, жалобы, намеки,
Деревья, листья и луна.

И песне миг до появленья,
И кажется, теперь она
Одним физическим движеньем
Рукою будет рождена.

Казалось, мускулами кисти,
Предплечья, локтя и плеча
Я удержал бы всплески листьев
И трепет лунного луча.

Но, спугнутые светом спички,
Слова шарахаются прочь,
Звериным верные привычкам,
Предпочитают мрак и ночь.

И песня, снившаяся ночью,
Как бы я небо ни просил,
Со мною встретиться воочью
Не может, не имеет сил.

* * *

Потухнут свечи восковые
В еще не сломанных церквах,
Когда я в них войду впервые
Со смертной пеной на губах.

Меня несут, как плащаницу,
Как легкий шелковый ковер.
И от врачей и от больницы
Я отвращу свой мутный взор.

И тихо я дышу на ладан,
Едва колебля дым кадил.
И больше думать мне не надо
О всемогуществе могил.

* * *

Я видел все: песок и снег,
Пургу и зной.
Что может вынесть человек —
Все пережито мной.

И кости мне ломал приклад,
Чужой сапог.
И я побился об заклад,
Что не поможет Бог.

Ведь Богу, Богу-то зачем
Галерный раб?
И не помочь ему ничем,
Он истощен и слаб.

Я проиграл свое пари,
Рискуя головой.
Сегодня, что ни говори,
Я с вами — и живой.

* * *

Ушло почтовой бандеролью,
С каким-то траурным клеймом
Все то, что было острой болью
И не бывало вовсе сном.

Скорей бессонницей, пожалуй,
Или рискованной игрой,
Затеянной метелью шалой
Земною зимнею порой.

Со мною, все еще мальчишкой,
Еще витавшим в облаках,
Ушло все то, что было слишком
И не удержано в руках,

Что было вырванной страницей
Из сердца, что меня потом
Чуть не направило в больницу,
В ближайший сумасшедший дом.

Все малолетнее, родное...
И так тревожен дальний путь,
Что сердце вздрагивает, ноет
И до утра не даст уснуть.

* * *

Кто домик наш, подруга,
Назвал пустой мечтой,
Обвел Полярным кругом,
Магической чертой?

Кто дверь в него, подруга,
Заколотил крестом,
Завеял дымной вьюгой
В урочище пустом?

И хохотало эхо
Среди немых лесов,
Как радиопомеха
Для наших голосов.

Какое же страданье
Готовят нам за то,
Что, людям в назиданье,
Доверием свиданья
Мы стерли быль в ничто?

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Бродят ночью волчьей стаей,
К сердцу крадутся слова.
Вой звериный нарастает,
Тяжелеет голова.

Я запомнил их привычку
Подчинения огню.
Я возьму, бывало, спичку,
Их от сердца отгоню.

Изловлю в капкан бумажный
И при свете, при огне
Я сдеру с них шкуру даже
И распялю на стене.

Но, едва глаза закрою
И залягу в темноту,
Вновь разбужен волчьим воем,
И опять невмоготу.

И не будет мне покоя
Ни во сне, ни наяву
Оттого, что этим воем,
Волчьим воем — я живу.

* * *

Я мальчиком умру,
И, верно, очень скоро.
На ангельском пиру
Я слышал разговоры,

Что, дескать, на земле
Таким не будет места.
Напрасно столько лет
Их молча ждут невесты.

От этих женихов
Невестам мало проку,
Дорогою стихов
Они зайдут далеко.

Им взрослыми не стать,
Не выучиться жизни.
Их детская мечта
Не обретет отчизны.

* * *

Не успокоит, не согреет,
Не утишит обид и бед
Зари, смешавшейся с кипреем,
Малиновый тяжелый цвет.

О, потерпи еще немного,
Слезой стеклянною блесни,
Слабеющие руки Бога
Над горизонтом подними,

Чтоб, каменея в двоеперстном
Благословляющем кресте,
Он был, как твой двойник и сверстник,
В рожденье, жизни и мечте...

* * *

Вся даль весенняя бродила,
По всей земле искала брод.
Деревья терла пенным мылом
И их несла в водоворот.

Исторгнутые смертной мукой,
Прощанья слышались слова.
И корни, как чудовищ руки,
Тянули к небу дерева.

Рыданья, хрипы, междометья
Средь воя, шума, суеты,
Когда их вездесущий ветер
Сбивал по-своему в плоты.

Тащил вперед на перекаты,
И рвал одежду им в клочки,
И гнал, как гонят в бой солдата,
Вниз по течению, в толчки.

И, черной ошалелой массой
Наваливаясь на скалу,
Они с рычаньем несогласным
Ныряли в утреннюю мглу.

* * *

Он пальцы замерзшие греет,
В ладонь торопливо дыша,
Становится все быстрее
Походка карандаша.

И вот, деревянные ноги
Двигая, как манекен,
По снегу, не помня дороги,
Выходит на берег к реке,

Идет к полынье, где теченье
Ускорили родники,
Он хочет постигнуть значенье
Дыхания зимней реки.

И хриплым, отрывистым смехом
Приветствует силу свою.
Ему и мороз не помеха,
Морозы бывают в раю.

* * *

Белое небо. Белые снега.
Ходит по ущельям девочка-пурга.

Босая, оступается, камни шевеля,
Под ее ногами горбится земля.

Девочка-растрепа, красавица моя,
Ты — моя родина, ты — моя семья.

Лесами ты проходишь — и гнутся леса,
На небо ты глядишь — и дрожат небеса,

Долго ль заблудиться мне в белых камнях,
Возьми меня за руку и выведи меня

На тихие, зеленые, теплые луга,
Девочка-растрепа, красавица пурга!

* * *

В болотах стелются туманы,
И сердце бьется все сильней,
И знаки ночи долгожданной
Все громогласней, все видней.

Мне все дневные проволочки
Так очевидно нелегки.
Я кое-как дойду до точки,
До красной, стало быть, строки.

Меняют вещи цвет и форму,
И в новой сущности своей
Они не так уже бесспорны,
Как в свете слишком ярких дней.

Ведь одиночества отрада
Не ощущенье мертвеца,
Она — моя Робинзонада
Без милосердного конца.

Так после кораблекрушенья,
С самим собой наедине
Находят счастье и решенье
Во всем довериться волне.

Но, вспоминая ежечасно
Свой каменистый путь земной,
Роптавший в горести напрасно
Не соглашается со мной.

* * *

Сломав и смяв цветы
Своим тяжелым телом,
В лесу свалился ты
Таким осиротелым,

Что некий грозный зверь
Открыл свою берлогу
И каменную дверь
Приотвалил немного.

Но что тебе зверья
Наивные угрозы,
Ему — печаль твоя,
Твои скупые слезы?

Вы явно — в двух мирах,
И каждый — сам собою.
Не волен рабий страх
Сегодня над тобою...

* * *

Как будто маятник огромный
Раскачивается вода.
Но скал моих — сухих и темных —
Не достигает никогда.

Давно изучены границы
Морских угроз, морских страстей,
И волн горбатых вереницы
Пугать способны лишь детей.

Валы, как тигры в зоосаде,
Летят прыжком на парапет.
И вниз срываются в досаде,
И оставляют пенный след.

И луч, как нож, с кормы баркаса
Разрежет небо пополам.
И тучи, точно туши мяса,
По всем навалены углам.

И берега закатом тусклым
Не обозначены еще.
И труп какого-то моллюска
Багровым светом освещен...

* * *

Ты упадешь на снег в метель,
Как на пуховую постель,
Взметенную погромом.

И ты заплачешь обо мне,
Отворотясь лицом к стене
Бревенчатого дома.

И ты не слышишь — я зову,
Я, как в лесу, кричу «ау»,
Охрипший и усталый.

Сжимаю, бурей окружен,
В застывших пальцах медальон
Из белого металла.

Так много в жизни было зла,
Что нам дорога тяжела
И нет пути друг к другу.

И если после стольких вьюг
Заговорит над нами юг —
Мы не поверим югу.

* * *

Мне б только выболеть немножко,
Суметь довериться врачам.
Лекарством, как ребенка, с ложки
Меня поили б по ночам.

Но разве был событьем частным
Тот фантастический рассказ,
Что между двух припадков астмы
Припоминается сейчас,

Когда я стиснут был в ущелье
Камнями, небом и ручьем,
Не помышляя о прощенье
И снисхождении ничьем...

* * *

Нет, не для нас, не в нашей моде
Писалось мира бытие,
И расточительность природы,
И пышность грубая ее.

И не раченьем садовода,
Избытком силы мир живет,
Любую пользуя погоду,
Какую вынес небосвод.

Мир не вмещается в картины,
Но, на полотна не просясь,
С любым из нас на миг единый
Провозгласить хотел бы связь.

Зачем роса порою ранней
На неподвижном лепестке
Висит слезой, зовя в бескрайней
Такой мучительной тоске...

* * *

Всюду мох, сухой, как порох,
Хрупкий ягелевый мох,
И конические горы
Вулканических эпох.

Здесь на зов весны несмелой
Откликаются едва
И гранит позеленелый,
И зеленая трава.

Но рога свои олени
Смело сбрасывают в снег.
Исчезают сны и тени,
И добреет человек.

* * *

Я на этой самой тропке
Подбирал когда-то робко
Бедные слова.

Я сгибал больное тело,
Чтоб в ушах зашелестела
Сонная трава.

Ныне я сквозь лес багровый,
Опалив ресницы, брови,
Проскачу верхом.

Ведь, выходит, ты недаром
Угрожала мне пожаром,
Красным петухом.

Бьется, льется дождь горящий,
И кричит от боли чаща,
И кипит река.

Камни докрасна нагреты.
Не попасть домой к рассвету
Без проводника...

ОТТЕПЕЛЬ

Деревьям время пробудиться,
Смахнуть слезинку и запеть,
Воды по капельке напиться
И завтра же зазеленеть.

Сырые запахи гашенья
Так мимолетны, так легки.
Березам тленье, и растленье,
И все на свете пустяки.

Едва ли черные березы
Свою оплакивают честь.
Ведь капли, как людские слезы,
Морозом осушают здесь.

И будто целый сад, с досады
На запоздавшую весну,
Не хочет становиться садом
И возвращается ко сну.

Своим внезапным пробужденьем
Он, как ребенок, устрашен.
Он весь — во мгле, он весь — в сомненье,
И зеленеть не хочет он.

* * *

Пережидаем дождь
В тепле чужого дома.
Ложится навзничь рожь,
Боясь ударов грома.

И барабанит град
Крупней любой картечи
И может, говорят,
Нам приносить увечья.

А небу все равно,
Что будет нынче с нами.
И тополь бьет в окно
Намокшими ветвями.

Летят из всех щелей
Обрывы конопатки.
Мигает все быстрей
Зажженная лампадка...

ЛУЧ

Будто кистью маховою
Пробежав по облакам,
Красит киноварью хвою
И в окошко лезет к нам.

И, прорезав занавески,
Он уходит в зеркала,
И назад отброшен резко
Тайной силою стекла.

Он с геранью и с морковью
Натюрморта заодно.
Он в глаза мне брызжет кровью,
Не дает смотреть в окно.

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Хожу, вздыхаю тяжко,
На сердце нелегко.
Я дергаю ромашку
За белое ушко.

Присловья и страданья
Неистребимый ход,
Старинного гаданья
С ума сводящий счет.

С общипанным букетом
Я двери отворю.
Сейчас, сейчас об этом
Я с ней заговорю.

И Лида сморщит брови,
Кивая на букет,
И назовет любовью
Мальчишеский мой бред.

РЕКВИЕМ

Ты похоронена без гроба
В песке, в холщовой простыне.
Так хоронили в катакомбах
Тогда — у времени на дне.

И в среднеазиатских, диких
Песках, сосущих арыки,
Ты тем была равновелика,
Кто нес под землю огоньки

Своей неистребимой веры
В такие будущие дни,
Где нет «эпохи», нету «эры»
И что не мастера ли Мстеры
Когда-то поняли одни.

Куда теперь уйти и деться,
Куда мне преклонить главу,
В каком дожить мне жизнь соседстве
И с кем загрезить наяву?

Ты слепла в черных лабиринтах
Моей безвыходной земли,
Какие ж сказочные ритмы
Тебя к спасению вели,

Что в этой музыке душевной
Ты проявила на свету
Такой простой и совершенной
Твою седую красоту.

Доколе, Боже мой, доколе,
Предав все лучшее тщете,
Нам ставить памятники боли
И распинаться на кресте?

Опять граненым адамантом
Заколешь крепко кружева,
Опять прославишься талантом,
Простым талантом — быть жива,

Чтоб делать всех людей живыми,
Чтоб делать всех людей — людьми,
Чтобы всю жизнь браниться с ними
И хлопать в ярости дверьми.

А может быть, твоею смертью
В бегах, от дома вдалеке,
Вся жизнь нам говорит: не верьте,
Что очутились в тупике.

Что всеми мелочами быта
Не будет подвиг затемнен,
Что этот был тобой испытан
И самовластно побежден.

И этот подвиг незаметный,
Великий материнский долг
Как подчеркну чертой отметной,
Когда еще «не втолкан толк».

Когда догадкою Толстого
Весь мир еще не одарен,
Когда любовь, как Божье слово,
Зашелестит со всех сторон,

Неся отнюдь не всепрощенье,
А только ненависти зло,
Когда души моей смятенье
Растеньем тянется в тепло,

Когда, заверчен и закручен
За солнцем, светом и теплом,
Я вижу в боли только случай
И средство для борьбы со злом.

Тогда твоим последним шагом
Куда-то вверх, куда-то вдаль
Оставишь на моей бумаге
Неизгладимую печаль.

* * *

Густеет темный воздух,
И видно в вышине,
Как проступают звезды
На синем полотне.

Походною палаткой
Натягивают ночь.
Пилюли и облатки
Не могут мне помочь.

И я один на свете,
Седеет голова.
И брошены на ветер
Бумажные слова...

* * *

Стучался я в калитку,
Просился в райский сад.
Бесплодная попытка —
Вернулся я назад.

Там горькая услада,
Секрет моей беды.
Мальчишеского сада
Незрелые плоды.

Казалось мне, что руку
Довольно протянуть,
Исчезнет моя мука
За несколько минут.

Их вкус живет доселе
В моем иссохшем рту.
И к той же самой цели
Я взрослым подойду.

И яблоки литые
К моим ногам летят,
Как солнца золотые,
И озаряют сад.

Лирично то, что лично,
Что пережил я сам.
Едва ли нам прилично
Не верить чудесам.

ФОРТИНБРАС

Ходят взад-вперед дозоры,
Не сводя солдатских глаз
С дальних спален Эльсинора,
Где ночует Фортинбрас.

Королевские террасы
Темный замысел таят,
Здесь, по мненью Фортинбраса,
В каждой склянке налит яд.

Здесь фамильные портреты,
Притушив тяжелый взгляд,
Поздней ночью с датским ветром
Об убийстве говорят.

В спальне на ночь стелет шубу
Победитель Фортинбрас
И сует усы и губы
В ледяной прозрачный квас.

Он достиг заветной цели,
Все пред ним склонились ниц
И на смертных спят постелях
Восемь действующих лиц.

Он не верит даже страже,
Сам выходит на балкон.
И готов с любым миражем
Завести беседу он.

Он не будет слушать глупых
Увещаний мертвеца,
Что́ ему наследство трупов,
Страсти сына и отца.

Что́ ему цветы Офелий,
Преступления Гертруд.
Что́ ему тот, еле-еле
Сохранивший череп шут.

Он не будет звать актеров,
Чтоб решить загадку ту,
То волнение, в котором
Скрыла жизнь свою тщету.

Больше нет ни планов адских,
Ни высоких скорбных дум,
Все спокойно в царстве датском,
Равномерен моря шум.

Фортинбрас идет обратно,
Потушив огонь свечи.
На полу, чертя квадраты,
Скачут лунные лучи.

Кто же тронул занавеску,
Кто прижался у стены,
Озарен холодным блеском
Наблюдательной луны?

Кто сумел войти в покои
И его развеял сны
Нарушителем покоя
Покорителя страны?

Чья-то речь, как волны, бьется,
Как морской прибой шумит,
И над ухом полководца
Чей-то голос говорит:

«Ты пришел за древним троном
В самый знатный из дворцов,
Ты спешил почтить поклоном
Неостывших мертвецов.

Знаю, ты боишься смерти,
Не солдатской, не простой
И не той, что жаждут черти
За могильною чертой.

Ты боишься смерти славы,
Смерти в памяти людей —
Где частенько прав неправый
И святым слывет злодей.

Только я даю бессмертье,
Место в вечности даю.
Запишу сестру Лаэрта
В Книгу Светлую мою...

Год пройдет — не будет флага,
Фортинбрасова значка,
Но отравленная шпага
Проблестит еще века.

Лишь свидетельство поэта,
Вдохновенного творца —
Книга Жизни, Книга Света
Без предела и конца.

Может быть, язык библейский
В совершенстве простоты,
Суете, вполне житейской,
Дал значенье и мечты.

Подчинить себе я властен,
Мудреца и дурака,
Даже тех, кто не согласен
Уходить со мной в века.

Разбегутся сны и люди
По углам музейных зал,
Даже те, кто здесь о чуде
Никогда и не мечтал.

Может быть, глаза портретов
Старых рыцарских времен
Шлют проклятие поэтам,
Разбудившим вечный сон.

Может, им не надо славы,
Их пугает кисть и стих,
Может быть, они не вправе
Выдать горестей своих.

Но художника ли дело
Человеческий покой,
Если чувство завладело
Задрожавшею рукой.

Даст ответ не перед веком,
Перед собственным судом —
Почему завел калеку
В королевский пышный дом...

Ты в критическом явленье
В пьесу ввел свои войска,
Создавая затрудненье
Для финального стиха.

Без твоих военных акций
Обойдется наш спектакль.
Я найду других редакций
Черновой последний акт.

Все, что сказано на сцене,
Говорилось не тобой,
Не тебе шептали тени,
Что диктовано судьбой.

Знай, что принца монологи
И отравленная сталь
Без тебя найдут дорогу
В расколдованную даль,

Если совести поэта
Доверяешь жизнь и честь,
Если ждешь его совета,
Ненавидя ложь и лесть...

Выбирай судьбу заране,
Полководец Фортинбрас.
Будет первой датской данью
Мой эпический рассказ...»

Снова слышен шелест шелка
Занавески золотой.
Пляшут лунные осколки
В темной комнате пустой.

Фортинбрас, собравшись с духом,
Гонит бредовые сны.
Не слова звучали глухо,
А далекий плеск волны.

Ходят взад-вперед солдаты.
В замке — тишь и благодать.
Он отстегивает латы,
Опускаясь на кровать.

ЗЛАТЫЕ ГОРЫ

ЛИЛОВЫЙ МЕД

Упадет моя тоска,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.

На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек,
Путник одинокий.

И, мешая грязный пот
С чистотой слезинки,
Осторожно соберет
Крашеные льдинки.

Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

ИНСТРУМЕНТ

До чего же примитивен
Инструмент нехитрый наш:
Десть бумаги в десять гривен,
Торопливый карандаш —

Вот и все, что людям нужно,
Чтобы выстроить любой
Замок, истинно воздушный,
Над житейскою судьбой.

Все, что Данту было надо
Для постройки тех ворот,
Что ведут к воронке ада,
Упирающейся в лед.

* * *

Тебя я слышу, слышу, сердце,
Твой слабый стук из тайника.
И в клетке ребер нету дверцы,
Чтоб отомкнуть ключом стиха.

И я прочту в зловещем стуке,
В твоих ослабленных толчках
Рассказ о той, о смертной муке
В далеких горных рудниках.

Ты замуровано, как вечник.
Все глуше, глуше ты стучишь,
Пока под пыткой спазм сердечных
Ты навсегда не замолчишь.

У КРЫЛЬЦА

У крыльца к моей бумаге
Тянут шеи длинные
Вопросительные знаки —
Головы гусиные.

Буквы приняли за зерна
Наши гуси глупые.
Та ошибка не зазорна
И не так уж грубая.

Я и сам считаю пищей,
Что туда накрошено,
Что в листок бумаги писчей
Неумело брошено.

То, что люди называли
Просто — добрым семенем,
Смело сеяли и ждали
Урожай со временем.

* * *

Так вот и хожу
На вершок от смерти.
Жизнь свою ношу
В синеньком конверте.

То письмо давно,
С осени, готово.
В нем всего одно
Маленькое слово.

Может, потому
И не умираю,
Что тому письму
Адреса не знаю.

* * *

Шепот звезд в ночи глубокой,
Шорох воздуха в мороз
Откровенно и жестоко
Доводил меня до слез.

Я и до сих пор не знаю,
Мне и спрашивать нельзя:
Тропка узкая лесная —
Это стежка иль стезя?

Я тогда лишь только дома,
Если возле — ни души,
Как в хрустальном буреломе,
В хаотической глуши.

* * *

Отчего на этой даче
Не решается задача
Из учебника тайги?

Подгонять ее к ответу
У меня таланта нету.
Боже правый, помоги!

Сколько формул, сколько знаков,
Каждый знак — не одинаков,
Не таков, как был вчера.

А об истинном значенье
Думать мне — одно мученье
И, конечно, не игра.

Дело было бы попроще,
Если б пели в наших рощах
Птицы, вроде соловья.

Я б доверил птичьим горлам
Изложенье важных формул
Содержанья бытия.

Ведь любых чудес загадка
Решена во мгле распадка
И до ужаса проста.

Что ж дрожит полярной ночью,
Разорвав рубаху в клочья,
Онемевшая мечта?

В ШАХТЕ

Жизнь, дорожащая мгновеньем,
Где напряжен до боли слух,
Где даже ветра дуновенье
И то захватывает дух.

Нет, не затем я рос все выше,
Чтоб, упираясь в потолок,
Паденье этой тяжкой крыши
Сдержать и выдержать я мог.

Того чудовищного веса
Свисающего потолка
Не удержать крепежным лесом
Хотя б и лучшего стиха.

Но рифм пугливое смещенье
И треск ломающихся строф
Звучит сигналом приближенья
Неотвратимых катастроф.

И кто успеет двинуть бровью
И доберется до норы,
Покамест грохнет, рухнет кровля
И слышен грузный вздох горы.

Предупрежден моей судьбою,
Где хруст костей — ему сигнал,
Он припадет к груди забоя,
Чтоб уцелеть от гнева скал.

И, стоя в каменной метели,
Белее меловых пород,
Поймет мои мечты и цели,
Мою беспомощность поймет.

И возвратит свое значенье
Тому, что звал он пустяком,
Пустым воскресным развлеченьем,
А не спасительным стихом.

ЗЛАТЫЕ ГОРЫ

Когда я плелся еле-еле
На зов обманный огонька,
В слепящей и слепой метели
Меня вела моя тоска.

Я повторял твои простые,
Твои прощальные слова.
Кружились горы золотые,
Моя кружилась голова.

В голодном головокруженье,
В знобящей дрожи рук и ног
Двоилось каждое движенье
Ветрам упрямым поперек.

Но самой слабости сердечной
Такая сила придана,
Что будь метель метелью вечной,
Со мной не сладила б она.

Мне все казалось — вместе, рядом
С тобой в пурге вдвоем идем,
Глядим двойным горячим взглядом
На землю, залитую льдом.

И вдвое я тогда сильнее,
И вдвое тверже каждый шаг.
Пускай и боль вдвойне больнее —
Мне легче севером дышать.

Едва ли, впрочем, в той метели
Хотя б один бывает звук
Похож на стон виолончели,
На глубину скрипичных мук.

Но мы струне не очень верим,
И жизни выгодно сейчас
Реветь на нас таежным зверем,
Пургой запугивая нас.

Я верю в жизнь любой баллады,
Любой легенды тех веков,
Какие смело в двери ада
Входили с томиком стихов.

Я приведу такие сказки,
Судьбу Танкредов и Армид,
И жизнь пред ними снимет маску
И сходством нас ошеломит.

* * *

Я с отвращением пишу,
Черчу условленные знаки...
Когда б я мог карандашу
Велеть не двигаться к бумаге!

Не успеваю за моей
В губах запутавшейся злостью,
Я испугался бы гостей,
Когда б ко мне ходили гости.

И в угол из угла стихи
Шагают, точно в одиночке.
И не могу поднять руки,
Чтобы связать их крепкой строчкой.

Чтоб оттащить их в желтый дом,
В такую буйную палату,
Где можно бредить только льдом,
Где слишком много виноватых.

* * *

Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.

Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

* * *

Мы ночи боимся напрасно —
Цветы изменяют свой цвет
Затем, чтобы славить согласней
Полуночный, лунный ли свет.

Хочу, чтобы красок смятенье
И смену мгновенную их
На коже любого растенья
Поймал мой внимательный стих.

Оттенки тех огненных маков,
Чернеющих в лунных лучах,
Как рукопись полная знаков,
Еще не прочтенных в ночах.

Что резало глаз и пестрело,
Теперь для того смягчено,
Чтоб смело из ночи смотрело
В раскрытое настежь окно.

И встретится с ищущим взглядом,
И в дом мой поспешно войдет
Шагать и поддакивать рядом,
Покамест не рассветет.

* * *

О тебе мы судим разно.
Или этот емкий стих
Только повод для соблазна,
Для соблазна малых сих.

Или он пути планетам
Намечает в той ночи,
Что злорадствует над светом
Догорающей свечи.

Может, в облике телесном,
В коже, мышцах и крови
Показалось слишком тесно
Человеческой любви.

Может, пыл иносказанья
И скрывает тот секрет
Прометеева страданья,
Зажигающего свет.

И когда б тому порукой
Был огарок восковой,
Осветивший столько муки,
Столько боли вековой.

РОМАНС

В заболоченной Чукотке,
У вселенной на краю
Я боюсь одной чахотки —
Слишком громко я пою,

Доставая из-под спуда,
Из подполья злого дня
Удивительные руды
С содержанием огня.

Для моих усталых легких
Эти песни — тяжелы.
Не найду мелодий легких
Средь сырой болотной мглы.

Кровь густая горлом хлынет,
Перепачкав синий рот,
И у ног моих застынет,
Не успев всосаться в лед.

* * *

Вернувшись в будни деловые
С обледенелых синих скал,
Сегодня, кажется, впервые
Я о тайге затосковал.

Там измерять мне было просто
Все жизни острые углы,
Там сам я был повыше ростом
Среди морозной, жгучей мглы,

Где люди, стиснутые льдами,
В осатанелом вое вьюг
Окоченевшими руками
Хватались за Полярный круг.

И где подобные миражи
Не сказка и не болтовня,
Подчас ясней бывали даже
Видений яви, света, дня.

Где руки мне, прощаясь, жали
Мои умершие друзья,
Где кровью налиты скрижали
Старинной книги бытия.

И где текли мужские слезы,
Мутны, покорны и тихи,
Где из кусков житейской прозы
Сложил я первые стихи.

* * *

Вернись на этот детский плач,
Звенящий воем вьюг,
Мой исповедник, мой палач,
Мой задушевный друг.

Пусть все надежды, все тщеты,
Скользящие с пера,
Ночное счастье — только ты
До раннего утра.

Прости мне бедность языка,
Бессилие мое,
И пребывай со мной, пока
Я доскажу свое.

* * *

Ты смутишься, ты заплачешь,
Ты загрезишь наяву.
Ты души уже не спрячешь
По-июльскому — в траву.

И листы свои капуста
Крепко сжала в кулаки,
И в лесу светло и пусто,
И деревья — высоки.

Раскрасневшаяся осень
Цепенеет на бегу,
Поскользнувшись на откосе
В свежевыпавшем снегу.

* * *

Упоительное бегство
Прямо с поезда — и в лес,
Повторять лесные тексты
Ускользающих чудес.

То, на что способны астры,
Пробужденные от сна,
То, что лилий алебастру
Сообщает тишина.

То, что каждое мгновенье
Изменяет вид и цвет.
Для его изображенья
И возможности-то нет.

Может — это просто звуки
В совершенстве чистых нот,
Как цветы, сплетают руки,
Затевая хоровод.

Старой тайны разрешенье,
Утвержденье и ответ
В беспорядочном круженье
Этих маленьких планет.

Над развернутой бумагой
Что-то тихо прошуршав,
Наклоняются, как флаги
Не знакомых мне держав.

И сквозь ветви, как Юпитер,
Треугольный солнца луч
Осветит мою обитель
До высот нагорных круч.

Вот и сердцу легче стало,
Ветра теплая рука
По листу перелистала
Книгу клена-старика.

* * *

Мне все мои болезни
Давно не по нутру.
Возьму я ключ железный
И сердце отопру.

Открою с громким звоном,
Со стоном и огнем.
Паду земным поклоном,
Заплачу о своем —

О всем, что жизнь хранила,
Хранила, хмуря бровь,
И вылила в чернила
Темнеющую кровь.

Химический анализ
И то не разберет,
Что вылилось, как наледь,
Не всасываясь в лед.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Свет, как в первый день творенья, —
Без мучительных светил
И почти без напряженья
Пресловутых вышних сил.

Будто светит воздух самый,
Отражая светлый лед,
И в прозрачной райской драме
Освещает людям вход.

Там стоят Адам и Ева,
Не найдя теплей угла,
Чем у лиственницы — древа
Знания добра и зла.

СОЛЬВЕЙГ

Зачем же в каменном колодце
Я столько жил?
Ведь кровь почти уже не бьется
О стенки жил.

Когда моей тоски душевной
Недостает,
Чтобы открыть для воли гневной
Пути вперед.

И только плеть воспоминаний
Бьет по спине,
Чтобы огни былых страданий
Светили мне.

Навстречу новым униженьям
Смелей идти,
Ростки надежд, ростки сомнений
Сметя с пути.

Чтобы своей гордилась ролью
Века, века
Лесная мученица Сольвейг
Издалека.

* * *

Опять сквозь лиственницы поросль
Мне подан знак:
Родных полей глухая горесть —
Полынь и мак.

Я притворюсь сейчас растеньем,
Чтоб самому
Понять всю подлинность цветенья.
И я — пойму.

Все, что лежит в душе народной,
В душе земной,
Сейчас у края преисподней
Навек со мной.

Мне не дано других решений,
Иных путей,
Иных надежд, иных свершений,
Иных затей.

Я на лесной расту тропинке,
От мира скрыт.
Единой маковой росинкой
Я буду сыт.

Я знаю — сердце не остынет
От злых обид,
Пока сухой язык полыни
Еще шуршит.

* * *

Все людское — мимо, мимо.
Все, что было, — было зря.
Здесь едино, неделимо
Птичье пенье и заря.

Острый запах гретой мяты,
Дальний шум большой реки.
Все отрады, все утраты
Равноценны и легки.

Ветер теплым полотенцем
Вытирает щеки мне.
Мотыльки-самосожженцы
В костровом горят огне.

ВОСПОМИНАНИЕ

Соблазнительные речи
До рассветных янтарей.
Новый день — судьбе навстречу
По следам богатырей.

Жизни сказочное зелье,
Выпитое за углом,
И отравленным весельем
Наполняющее дом.

Я с тобой, Россия, рядом
Собирать пойду цветы,
Чтоб встречать косые взгляды
И презрительные рты...

* * *

В тарелке оловянной
Нам солнце подают,
По блюдечкам стеклянным
Небрежно разольют.

Чтоб завтраком отличным
Доволен был любой,
Несут кисель брусничный
На льдинке голубой.

* * *

Я знаю мое чувство емкое,
Вмещающее все на свете:
И заберега кромки ломкие,
И склеивающий льдины ветер.

И ветер рвется в небо бледное,
Чтоб сосны, пользуясь моментом,
Звучали точно струны медные
Величественного инструмента.

Играет сломанными ветками
В нетерпеливом ожиданье
Такого горького и редкого,
Обещанного мной свиданья.

А там, в стране метаний маетных,
Настойчиво и неизменно
Качают солнце, словно маятник
Медлительных часов вселенной.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОМОНОСОВА

Бессмертен только минерал,
И это всякому понятно.
Он никогда не умирал
И не рождался, вероятно.

Могучее здоровье есть
В обличье каменной породы,
И жизнь, быть может, лишь болезнь,
Недомогание природы.

* * *

Сумеешь, так утешь
И утиши рыданья.
Увы! Сильней надежд
Мои воспоминанья.

Их ворон бережет
И сам, поди, не знает,
Что лед лесных болот
Вовеки не растает.

Под черное стекло
Болота ледяного
Упрятано тепло
Несказанного слова.

ЖИЛ-БЫЛ

Что ж! Зажигай ледяную лампаду
Радужным лунным огнем.
Нынешней ночью и плакать не надо —
Я уж отплакался днем.

Нет, не шепчи и не бойся огласки,
Громко со мной говори.
Эту старинную страшную сказку
В тысячный раз повтори.

Голосом ночи, лунного света,
Горных обрывов крутых:
— Жил-был Король, недостойный поэтов
И недостойный святых...

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ

Разве я такой уж грешник,
Что вчера со мной
Говорить не стал орешник
На тропе лесной?

Разве грех такой великий,
Что в рассветный час
Не поднимет земляника
Воспаленных глаз?

Отчего бегут с пригорка,
Покидая кров,
Хлопотливые восьмерки
Черных муравьев?

Почему шумливый ясень
С нынешнего дня
Не твердит знакомых басен
Около меня?

Почему глаза отводят
В сторону цветы.
Взад-вперед там быстро ходят
Пестрые кусты?

Как меня — всего за сутки
По часам земли
Васильки и незабудки
Позабыть могли?

Я-то знаю, в чем тут дело,
Кто тут виноват.
Отчего виски седели
И мутился взгляд.

Отчего в воде озерной
Сам не узнаю
И прямой и непокорной
Молодость мою.

* * *

Нет, не рука каменотеса,
А тонкий мастера резец
Из горных сладивший откосов
Архитектуры образец.

И что считать судьбой таланта,
Когда узка его тропа,
Когда земля, как Иоланта,
Сама не зная, что слепа,

К его ногам, к ногам поэта,
Что явно выбился из сил,
Несет цветы другого цвета,
А не того, что он просил.

Где легендарные сюжеты
Дают любому напрокат,
И солнце там по белу свету
Полгода ищет свой закат.

Календаря еще не зная,
Земля полна своих хлопот,
Она пургой в начале мая
Любые песни заметет.

Но у кого же нет запаса,
Запаса горя в дальний путь,
Чтобы скитаться без компаса,
Чтоб жить хотя бы как-нибудь.

И где ему искать расплаты?
Зачем он думал, чем он жил?
Его друзья не виноваты,
Что не выходят из могил.

Ведь эти двери — в ад ли, в рай ли —
Дано открыть его ключам.
Он, будто по системе Брайля,
Бумагу колет по ночам.

И, подвергая расшифровке
Все то, что ночью написал,
Он ищет крюк, чтоб на веревке
Взлететь поближе к небесам.

И он хотел такие муки,
Забыв о ранней седине,
Отдать — но только прямо в руки
Родной неласковой стране.

И, ощутив тепло живое,
Страна не выронит из рук
Его признание лесное,
Завеянное дымом вьюг.

* * *

На улице волки
Заводят вытье.
На книжную полку
Кладется ружье,

Чтоб ближе, чем книги,
Лежать и помочь
В тревожные миги,
В беззвездную ночь,

Где сонной метелью
Рассеянный снег
Улегся под елью
На вечный ночлег.

Где лед еще крепче,
Чем горный гранит,
Горячие речи
И судьбы хранит.

Где слышно рыданье
В подземных ключах,
Где нет состраданья
В делах и речах.

Где тень от кибитки
Возка Трубецкой
Мучительней пытки
Обычной людской.

Где солнце не греет,
А яростно жжет,
Где горы стареют
Средь мерзлых болот.

Где небо, бледнея,
Ушло в высоту,
Став трижды роднее
Зовущим мечту

На помощь, чтоб робость
Свою побороть,
Не кинуться в пропасть
И в водоворот.

Где волны качает
Живое весло,
Розовой чайки
Витое крыло.

Где нету ненужных
Для здешних людей
Тяжелых, жемчужных
Весенних дождей.

К медведям в соседи
Спокойно сойти,
В беседе медведей
Отраду найти.

Где бешеный кречет
Пугает зайчат,
Где тополи — шепчут,
А люди — молчат...

Из нотного пенья
Для музы зимы
Годны, без сомненья,
Одни лишь псалмы.

* * *

На приморском побережье
Поднимаюсь на плато.
Грудь мне режет ветер свежий,
Разрывающий пальто.

Все, что сунется навстречу,
Пригибает он к земле.
Деревам крутые плечи
Не расправить на скале.

Но я знаю тот таежный,
Чудодейственный пароль.
Кину песню осторожно,
Преодолевая боль.

И подхватит ветер песню,
Так и носит на руках.
Это песне много лестней,
Чем скрипеть на чердаках.

Чем шептать под одеялом
Неуместные слова —
Все о бывшем, о бывалом
Лепетать едва-едва.

И под песенной защитой
Я пройду своим путем,
Неожиданно забытый
Ветром, полночью и льдом.

* * *

Я — море, меня поднимает луна,
И волны души отзываются стоном.
Пропитанный болью до самого дна,
Я — весь на виду. Я стою на балконе.

Лунатик ли, пьяный ли — может, и так.
Отравленный белым далеким простором,
Я знаю, что ночь — далеко не пустяк,
Не повод к застольным пустым разговорам.

И только стихов я писать не хочу,
Пускай летописец, историк, не боле.
Но что мне сказать моему палачу —
Луне, причинившей мне столько боли?

* * *

Пичужки песня так вольна,
Как будто бы не в клетке
Поет так радостно она,
А где-нибудь на ветке

В лесу, в моем родном лесу,
В любимом чернолесье,
Где солнце держат на весу,
Достав до поднебесья,

Дубы кряжистые и луч,
Прорвав листву резную,
Скользнув с обрывов, туч и круч,
Дробит волну речную.

И отражен водой речной,
Кидается обратно.
И солнце на листве сквозной
Бросает всюду пятна.

И кажется, кусты задень,
Задень любую ветку,
Прорвется, заблистает день,
И только птица — в клетке.

Но все миражи и мечты
Раскрыты птичьей песней,
Достойной большей высоты,
Чем даже поднебесье.

* * *

Копытят снег усталые олени,
И синим пламенем огонь костра горит,
И, примостившись на моих коленях,
Чужая дочь мне сказку говорит.

То, может быть, не сказка, а моленье
Все обо мне, не ставшем мертвецом,
Чтобы я мог, хотя бы на мгновенье,
Себя опять почувствовать отцом.

Ее берег от мора и от глада,
От клокотанья бледно-серых вьюг,
Чтобы весна была ее наградой,
Подарком из отцовских рук.

И в этом остром, слишком остром чувстве,
Чтоб мог его принять за пустяки,
Я никогда не пользуюсь искусством
Чужую грусть подмешивать в стихи.

И сердца детского волнение и трепет,
И веру в сказку в сумрачном краю,
Весь неразборчивый ребячий лепет
Не выдам я за исповедь свою.

* * *

Гора бредет, согнувши спину
Как бы под бременем забот.
Она спускается в долину,
Неспешно сбрасывая лед.

Она держаться в отдаленье
Привыкла, вечно холодна.
Свои под снег укрыла мненья
И ждет, пока придет весна.

Тогда отчаянная зелень,
Толкая грязный, липкий снег,
Явит служенье высшим целям
И зашумит, как человек.

* * *

Шуршу пустым конвертом,
Письмо пишу тебе,
Прислушиваясь к ветру,
Гудящему в трубе.

И вдруг, вскочив со стула,
Бросаюсь на кровать,
Слова в зловещем гуле
Пытаюсь разобрать.

Что ветер там бормочет,
Не надо бы кричать,
Зачем понять не хочет,
Что лучше б замолчать.

Мучительные строчки
Последнего письма
Довел бы я до точки
И не сошел с ума.

* * *

Зачем холодный блеск штыков
И треск селекторных звонков?

Чего вы испугались вдруг?
Что слышно в злобном гуле вьюг?

Ведь он — не Бог и не герой,
Он даже жалкий трус порой.

Ведь он — один, один, один,
Хотя и дожил до седин.

Его же верные друзья
Не испугаются ружья.

Друзья, и братья, и отцы —
Они ведь только мертвецы!

* * *

Велики ручья утраты,
И ему не до речей.
Ледяною лапой сжатый,
Задыхается ручей.

Он бурлит в гранитной яме,
Преодолевая лед,
И холодными камнями
Набивает полон рот.

И ручья косноязычье
Непонятно никому,
Разве только стае птичьей,
Подлетающей к нему.

И взъерошенные птицы
Прекращают перелет,
Чтоб воды в ручье напиться,
Уцепясь за хрупкий лед...

Чтоб по горлу пробежала
Капля горного питья,
Точно судорога жалоб
Перемерзшего ручья.

* * *

Натурализма, романтизма
Листки смешались на столе.
Я поворачиваю призму
В увеличительном стекле.

Все это ведь не точка зренья
Художника, его перо,
А лишь манера размышленья
Над тем, что — зло и что — добро.

Поэт — не врач, он только донор,
Живую жертвующий кровь.
И в этом долг его, и гонор,
И к человечеству любовь.

Навек запомненную мною
Пережитую злую быль
Перед знакомою луною
Я высыпаю прямо в пыль.

Перебираю, как влюбленный,
Наивный рыцарский словарь,
Комки суждений запыленных
И птичий слушаю тропарь.

Чего хочу? Чтобы писалось,
Чтобы не кончился запой,
Чтоб сердце век не расставалось
Со смелостью и прямотой.

И чтобы стих, подчас топорный,
Был точен — тоже как топор
У лесорубов в чаще черной,
Валящих лес таежных гор.

И чтоб далекие удары,
И вздохи лиственниц моих
Ложились в такт с тоскою старой,
Едва упрятанною в стих.

* * *

Мы отрежем край у тучи
Острым ветром, как ножом,
И десяток ив плакучих
Мы на случай сбережем.

Нам нужней краюха хлеба,
Но и туча — не пустяк,
Но и туча — благо неба,
Если жизнь у нас в гостях.

Мы опустим тучу ниже,
Зацепив за ветки ив
Небо, небо будет ближе,
Ближе каждому, кто жив.

Чтоб плакучих ив не выше
Был свинцовый потолок,
Чтоб рукой к холодной крыше
Прикоснуться каждый мог.

Мы в ущелье — точно дома
И забыли целый свет.
Нам не страшен грохот грома
И зубчатых молний след.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

В избе дородная хозяйка,
Лоснящаяся, как зверь,
Кладет на койку балалайку
И открывает смело дверь.

Она встречает нас как надо,
Как полагается врагу,
Как героиня Илиады,
Она хватает острогу.

Но, приглядевшись к выраженью
Усталых лиц, голодных глаз,
Берет назад свое движенье
И не глядит уже на нас.

А загремев в печи ухватом,
Горячий черпает нектар,
Щекочет ноздри ароматом
Густой качающийся пар.

И, как гомеровская баба,
Она могуча и сильна.
И нам, измученным и слабым,
Чудесной кажется она,

Когда, сменив в светце лучину,
Мурлыча песню, шерсть прядет,
И плечи кутает в овчину,
И вытирает жаркий пот,

И, засыпая над работой,
Не совладавши с дремотой,
Храпит, и в блеске капель пота
Преображается святой.

Мы дружно чавкаем над миской
И обжигаем супом рты,
И счастье к нам подходит близко,
И исполняются мечты.

* * *

Жизни, прожитой не так,
Все обрезки и осколки
Я кидаю на верстак,
Собирая с книжной полки,

Чтоб слесарным молотком
И зазубренным зубилом
Сбить в один тяжелый ком
Все, что жизнь разъединила,

Чтобы молот паровой
Утюгом разгладил за день,
Превратил бы в лист живой
Без кровоточащих ссадин.

* * *

Стихи? Какие же стихи
Годятся для такого дела,
И где хранить черновики,
За пазухой, на голом теле?

Какой тоске отдать черед,
Каким пейзажам предпочтенье,
Какое слово не солжет,
Не выйдет из повиновенья?

И кто же так, как я, поймет
Все одиночество рассвета,
Кто в рот воды не наберет
И не поплатится за это?

* * *

Все молчит: зверье, и птицы,
И сама весна.
Словно вышла из больницы —
Так бледна она.

В пожелтевшем, прошлогоднем
Травяном тряпье
Приползла в одном исподнем,
Порванном белье.

Из ее опухших десен
Выступает кровь.
Сколько было этих весен,
Сколько будет вновь?

* * *

Мне в желтый глаз ромашки
Мучительно и тяжко
Вглядеться иногда,

Когда с душевной дрожью
Иду неспелой рожью
Вдоль черного пруда.

Я помню, как невзгоду,
Морщинистую воду
Стареющих озер

И гроздьями рябины
Нависшие рубины
На белых шеях гор.

Глядеть, глядеть, как в воду,
В погоду и в природу
И там искать ответ

На все мои мученья,
И этим развлеченьям
Конца и краю нет.

* * *

Мне жить остаться — нет надежды.
Всю ночь беснуется пурга,
И снега светлые одежды
Трясет драконова рука.

В куски разорванный драконом,
Я не умру — опять срастусь.
Я поднимусь с негромким стоном
И встану яблоней в цвету.

Я встану яблоней несмелой
С тревожным запахом цветов,
Цветов, как хлопья снега, белых,
Сырых, заплаканных листов.

Я встану тысячей летящих,
Крылами бьющих белых птиц
Запеть о самом настоящем,
Срывающемся со страниц.

Я кое-что прощаю аду
За неожиданность наград,
За этот, в хлопьях снегопада,
Рожденный яблоневый сад.

* * *

Конец надеждам и расплатам,
Откроют двери в ад — и вот,
Как безымянный скромный атом,
Вернусь в земной круговорот.

Что я земле? Я — след слезинки,
Морщинка на лице жены.
Я — нерастаявшая льдинка,
Что в чаще ждет еще весны.

Пускай толкут, как воду в ступке,
Мои враги, мои друзья
Слова мои и те поступки,
Которым был причастен я.

Мне запечалиться о том бы,
Чего не сделали стихи —
Так не похожие на бомбы
Комочки горя и тоски.

* * *

Уйду, уеду в дали дальние
И помолюсь на образа,
На неподвижные, печальные
Твои сиротские глаза.

Но нам не скажет даже зеркало
Отполированного льда,
Чем наше сердце исковеркало
И разделило навсегда.

Ищи, слепая ясновидица,
По карте скрещенных морщин
Все, что болит, что ненавидится,
Чему нет меры и причин.

Чтобы, мои тревожа волосы,
Седые трогая виски,
Грудным опять запела голосом
Слова тоски, слова тоски.

* * *

Светотени доскою шахматной
Развернула в саду заря.
Скоро вы облетите, зачахнете,
Клены светлого сентября.

Где душа? Она кожей шагреневой
Уменьшается, гибнет, гниет.
Песня? Песня, как Анна Каренина,
Приближения поезда ждет...

* * *

Ты шел, последний пешеход,
По каменистой речке вброд.

И сопки, как морской прибой,
Гнались упорно за тобой.

Обрушивалась гор гряда
Над теми, кто забрел сюда.

Но ты — ничтожен, слишком мал
Для мести дыбящихся скал.

Ты пощажен в краю родном
И помнишь только об одном —

Не позабыть свой стыд, свой страх,
Гудящий глухотой в ушах.

* * *

Ведь мы — не просто дети
Земли.
Тогда бы жить на свете
Мы не могли.

В родстве с любым — и небо,
И облака.
А то укрылась где бы
Тоска?

И в горле песни птичьей
Подчас тона.
И кажется сугубо личной
Луна...

* * *

Может быть, твое движенье
В полутьме навстречу мне —
Это только отраженье,
Тень деревьев на стене,

Что свои ломают руки,
Умоляя и грозя,
Потому что им от муки,
От земли уйти нельзя.

Им свои не вырвать корни,
Уцепившись за меня...
Все, что просто, что бесспорно,
Принимаю, не кляня.

ВЕТКА

Наклонись ко мне, кленовая,
Ветка милая моя.
Будь негаданной основою
Обновленья бытия.

Не твоя ли зелень клейкая
Так горька и горяча?
Ты нагнулась над скамейкою
Возле самого плеча.

Я шепчу признанья пылкие,
К твоему тянусь листу,
Что дрожит здесь каждой жилкою,
Ясно видной на свету.

* * *

Я твой голос люблю негромкий,
Путешественница моя.
Зазвучит ли — глухой и ломкий,
И услышу ли голос я?

Пусть попросит воды напиться,
Пусть шагнет за чужой порог,
Пусть забьется в руках, как птица,
Крепко пойманная в силок.

Непослушное слово скажет
Пусть другому — совсем не мне.
На мое оно сердце ляжет
В темной сказочной тишине.

Пусть другому — я сам докончу,
Я додумаю — для себя,
Еще громче и еще звонче,
Чем выдумывают, любя...

* * *

Любая из вчерашних вьюг
Мне не грозит бедою.
И окроплен иссохший луг
Целебною водою.

И птицы робкие поют
Псалмы об избавленье,
И дождевую воду пьют
В каком-то вожделенье.

Задумалась у норки мышь
О человечьем счастье,
Как мы, поверив в гладь и тишь
Навек после ненастья.

Здесь до моих страстей и мук
Кому какое дело.
Свобода тут — из первых рук,
И юность — без предела.

И не касаются меня
Настойчивой рукою
Заботы завтрашнего дня
С их гневом и тоскою.

* * *

О, память, ты — рычаг,
Рычаг второго рода.
С короткого плеча
Вся жуть, вся глубь испода

Событий и людей,
Зарытых и забитых,
Где схимник и злодей
В одних и тех же пытках

Находят смерть свою
И прячутся под камень...
И тонким стоном вьюг,
Гудящих над веками,

Покрыт весь этот срам,
Весь этот мир позора —
Изнанка панорам,
Опершихся на горы.

* * *

Разогреть перо здесь, что ли,
Мерзлый снять налет,
Чтобы крикнула от боли
Песня, вырвавшись на волю,
Наступив на лед.

Опалит босые ноги,
Легкую стопу
Поморозит по дороге
Через горные отроги,
Трогая тропу.

Знаю — злое вдохновенье,
Тайный гений льда,
Может быть, через мгновенье
Выйдет из повиновенья,
И тогда — беда.

Мне и так с природой в битве
Жизни не спасти.
Среди выбоин и рытвин
Под проклятья и молитвы
День и ночь брести.

И махать рубленой прозой,
Выйдя на крыльцо.
Затаенные угрозы
Снегу, ветру и морозу
Выбросить в лицо.

Что мне ждать дыханья почек,
Бормот соловья.
Я не ставлю даже точек,
Так спешит на желоб строчек
Жалоба моя.

И когда б не цепь размера,
Не узда стиха,
Где б нашлась иная мера,
Чтоб моя сдержалась вера,
Убоясь греха.

Ведь на гиблом этом месте
Вечной мерзлоты
Мы с тобой стояли вместе,
До конца сверяя с честью
Помыслы мечты.

* * *

Здесь все, как в Библии, простое —
Сырая глина, ил и грязь.
Здесь умереть, пожалуй, стоит,
Навек скульптурой становясь.

Пусть каждый выглядит Адамом,
Еще не заведенным в рай.
Пусть никаким Прекрасным Дамам
Не померещится наш край.

И прост ответ на те вопросы,
Что даже ставились с трудом,
Как стать холмом или торосом,
Человекоподобным льдом.

Весь мир в снегу в пурге осенней.
Взгляни: на жизни нет лица.
И не обещано спасенье
Нам, претерпевшим до конца.

* * *

Стихи — не просто отраженье
Стихий, погрязших в мелочах.
Они — земли передвиженья
Внезапно найденный рычаг.

Они — не просто озаренье,
Фонарь в прохожей темноте.
Они — настойчивость творенья
И неуступчивость мечте.

Они всегда — заметы детства,
С вчерашней болью заодно.
Доставшееся по наследству
Кустарное веретено.

* * *

Отвали этот камень серый,
Загораживающий путь,
И войди в глубину пещеры
На страданья мои взглянуть.

Ржавой цепью к скале прикован
И похожий на мертвеца.
Этой боли многовековой
Не предвидится и конца.

Наши судьбы — простые маски
Той единой, большой судьбы,
Сказки той, что, боясь огласки,
Приковали к скале рабы.

* * *

Видишь — дрогнули чернила,
Значит, нынче не до сна.
Это — с неба уронила
Счастья капельку луна.

И в могучем, суеверном
Обожанье тех начал,
Что стучат уставом мерным
В жестких жилах по ночам.

Только самое больное
Я в руках сейчас держу.
Все земное, все дневное
Крепко буквами вяжу.

* * *

Лицом к молящемуся миру
Гора выходит на амвон.
Пред этим каменным потиром
Земной отвешу я поклон.

Река отталкивает гору,
И веет запах снеговой,
И переполнены озера
Святой водою дождевой.

И в половодье, как в метели,
Взлетают пенные цветы,
Льняной растрепанной куделью
В меня швыряют с высоты.

А я — я тут же, на коленях,
Я с Богом, кажется, мирюсь.
На мокрых каменных ступенях
Я о спасении молюсь.

* * *

Лезут в окна мотыльки,
Окружая лампу,
Зажигают светляки
Освещенье рампы.

Лес приподнят до небес
Ближнею горою,
Возбуждая интерес
К главному герою.

Затрепещут листья вдруг —
Дождались момента:
Словно тысячами рук
Бьют аплодисменты.

Сосны, сучьями маша,
Гнутся в пантомиме,
Открывается душа
Явственно и зримо:

Устремленье к облакам,
Растопырив руки,
И привязанный к ногам
Груз земли и муки.

И по грифелю доски
Неба грозового
Пишут молнии мелки
Яростное слово.

И, стирая с неба луч
Тряпкою сырою,
Выжимают дождь из туч
Над моей горою.

* * *

Тесно в загородном мире.
Тесно так, что нет житья,
Но не у́же и не шире
Рельс дорожных колея.

Обозначенной дороги
Параллельные черты,
Человеческие ноги,
Стрелки, шпалы и мосты...

И по шалым листьям палым
Дождик палочкой стучит,
И по шпалам бьет устало,
По песочку шелестит.

* * *

В природы грубом красноречье
Я утешение найду.
У ней душа-то человечья
И распахнется на ходу.

Мне близки теплые деревья,
Молящиеся на восток,
В краю, еще библейски древнем,
Где день, как человек, жесток.

Где мир, как и душа, остужен
Покровом вечной мерзлоты,
Где мир душе совсем не нужен
И ненавистны ей цветы.

Где циклопическое око
Так редко смотрит на людей,
Где ждут явления пророка
Солдат, отшельник и злодей.

АВВАКУМ В ПУСТОЗЕРСКЕ

Не в бревнах, а в ребрах
Церковь моя.
В усмешке недоброй
Лицо бытия.

Сложеньем двуперстным
Поднялся мой крест,
Горя в Пустозерске,
Блистая окрест.

Я всюду прославлен,
Везде заклеймен,
Легендою давней
В сердцах утвержден.

Сердит и безумен
Я был, говорят,
Страдал-де и умер
За старый обряд.

Нелепостен этот
Людской приговор:
В нем истины нету
И слышен укор.

Ведь суть не в обрядах,
Не в этом — вражда.
Для Божьего взгляда
Обряд — ерунда.

Нам рушили веру
В дела старины,
Без чести, без меры,
Без всякой вины.

Что в детстве любили,
Что славили мы,
Внезапно разбили
Служители тьмы.

В святительском платье,
В больших клобуках,
С холодным распятьем
В холодных руках

Нас гнали на плаху,
Тащили в тюрьму,
Покорствуя страху
В душе своему.

Наш спор — не духовный
О возрасте книг.
Наш спор — не церковный
О пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать.

Целитель душевный
Карал телеса.
От происков гневных
Мы скрылись в леса.

Ломая запреты,
Бросали слова
По целому свету
Из львиного рва.

Мы звали к возмездью
За эти грехи.
И с Господом вместе
Мы пели стихи.

Сурового Бога
Гремели слова:
Страдания много,
Но церковь — жива.

И аз, непокорный,
Читая Псалтырь,
В Андроньевский черный
Пришел монастырь.

Я был еще молод
И все перенес:
Побои, и голод,
И светский допрос.

Там ангел крылами
От стражи закрыл
И хлебом со щами
Меня накормил.

Я, подвиг приемля,
Шагнул за порог,
В Даурскую землю
Ушел на восток.

На синем Амуре
Молебен служил,
Бураны и бури
Едва пережил.

Мне выжгли морозом
Клеймо на щеке,
Мне вырвали ноздри
На горной реке.

Но к Богу дорога
Извечно одна:
По дальним острогам
Проходит она.

И вытерпеть Бога
Пронзительный взор
Немногие могут
С Иисусовых пор.

Настасья, Настасья,
Терпи и не плачь:
Не всякое счастье
В одеже удач.

Не слушай соблазна,
Что бьется в груди,
От казни до казни
Спокойно иди.

Бреди по дороге,
Не бойся змеи,
Которая ноги
Кусает твои.

Она не из рая
Сюда приползла:
Из адова края
Посланница зла.

Здесь птичьего пенья
Никто не слыхал,
Здесь учат терпенью
И мудрости скал.

Я — узник темничный:
Четырнадцать лет
Я знал лишь брусничный
Единственный цвет.

Но то не нелепость,
Не сон бытия,
Душевная крепость
И воля моя.

Закованным шагом
Ведут далеко,
Но иго мне — благо
И бремя легко.

Серебряной пылью
Мой след занесен,
На огненных крыльях
Я в небо внесен.

Сквозь голод и холод,
Сквозь горе и страх
Я к Богу, как голубь,
Поднялся с костра.

Тебе обещаю,
Далекая Русь,
Врагам не прощая,
Я с неба вернусь.

Пускай я осмеян
И предан костру,
Пусть прах мой развеян
На горном ветру.

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца.

КИПРЕЙ

* * *

Я в воде не тону
И в огне не сгораю.
Три аршина в длину
И аршин в ширину —
Мера площади рая.

Но не всем суждена
Столь просторная площадь:
Для последнего сна
Нам могил глубина
Замерялась на ощупь.

И, теснясь в темноте,
Как теснились живыми,
Здесь легли в наготе
Те, кто жил в нищете,
Потеряв даже имя.

Улеглись мертвецы,
Не рыдая, не ссорясь.
Дураки, мудрецы,
Сыновья и отцы,
Позабыв свою горесть.

Их дворец был тесней
Этой братской могилы,
Холодней и темней.
Только даже и в ней
Разогнуться нет силы.

В настоящем гробу
Я воскрес бы от счастья,
Но неволить судьбу
Не имею я власти.

ЖЕЛАНИЕ

Я хотел бы так немного!
Я хотел бы быть обрубком,
Человеческим обрубком...

Отмороженные руки,
Отмороженные ноги...
Жить бы стало очень смело
Укороченное тело.

Я б собрал слюну во рту,
Я бы плюнул в красоту,
В омерзительную рожу.

На ее подобье Божье
Не молился б человек,
Помнящий лицо калек...

* * *

По нашей бестолковости,
Окроме «Боже мой»,
Ни совести, ни повести
Не вывезешь домой.

* * *

Луна качает море.
Прилив. Отлив...
Качает наше горе
На лодке рифм.

Я рифмами обманут
И потому спасен,
Качаются лиманы,
И душен сон.

СТАНСЫ

Я — гость, я — твой знакомый.
Все это бред, мираж,
Что я в семье и дома,
И горький случай наш
Одна из краж со взломом,
Распространенных краж.

Мы оба невиновны,
Хотя бы потому,
Что кодекс уголовный
Здесь явно ни к чему.
Здесь приговор условный
Не сердцу, но уму.

Ведь сердцу в наказанье
На землю послан я.
На что ему сказанья
Таежного житья?
Когда в его вниманье
Совсем не та семья.

Клеймил событья быта
От века ювелир.
Известен и испытан
Поддельный этот мир.
Хранят бессмертье пыток
Приличия квартир.

И будто некой Плевной
Звучит рассказ простой
О боли задушевной,
Вчера пережитой —
Невысказанной, гневной
И кровью налитой.

И это все не ново,
И дышит день любой,
Живет любое слово
Рылеевской судьбой.

Под крики «Вешать снова!»
Умрет само собой.

И нет ему пощады,
И в шуме площадном
Не ждет оно награды
И молит об одном,
Чтоб жизнь дожить как надо
В просторе ледяном.

Ценя чужие мненья,
Как мненья лиц чужих,
Я полон уваженья
К житейской силе их,
Всю горечь пораженья
Изведав в этот миг.

И я скажу, пугая
Ночные зеркала:
Любовь моя — другая,
Иной и не была.
Она, как жизнь, — нагая
И — точно из стекла.

Она — звенящей стали
Сухая полоса.
Ее калили дали,
Ущелья и леса.
Такой ее не ждали,
Не веря в чудеса.

Какую ж нужно ловкость
И качество ума,
Испытывая ковкость,
Железа не сломать.
В твоем чаду московском
Ты знаешь ли сама?

Не трогай пятен крови,
И ран не береди,
И ночь над изголовьем
Напрасно не сиди.

* * *

Забралась высоко в горы
Вьюга нынешней зимой,
Научила разговору
Синий снег глухонемой.

Вот рассказы так рассказы —
За десяток, верно, лет
В небо высыпаны сразу,
Замутили белый свет.

Будто там живые души
Подгоняют снегопад
И свистят мне прямо в уши,
И глаза мои слепят.

Все, что умерло и скрыто
Снегом, камнем, высотой,
Оживленно и открыто
Вновь беседует со мной.

Шепчет мне свои признанья
И покойников мечты.
Бьют в лицо воспоминанья —
Откровенья нищеты.

Что ты видишь, что ты слышишь,
Путевой товарищ мой?
Отчего так часто дышишь
И торопишься домой?

* * *

Придворный соловей
Раскроет клюв пошире,
Бросая трель с ветвей,
Крикливейшую в мире.

Не помнит Божья тварь
Себя от изумленья,
Долбит, как пономарь,
Хваленья и моленья.

Свистит что было сил,
По всей гремя державе,
О нем и говорил
Язвительный Державин,

Что раб и похвалить
Кого-либо не может.
Он может только льстить,
Что не одно и то же.

* * *

Намеков не лови,
Не верь грозы раскатам,
Хоть горы все в крови,
Запачканы закатом.

Не бойся, не таи
Лесные кривотолки.
Заржавлены хвои
Колючие иголки.

И колют сердце мне,
Чтоб, кровью истекая,
Упал в родной стране,
Навеки затихая.

Когда от смысла слов
Готов весь мир отречься,
Должна же литься кровь
И слезы человечьи.

Моя ли, не моя —
Не в этом, право, дело.
Законы бытия
Прозрачны до предела:

«Все, что сотворено
В последний день творенья,
Давно осуждено
На смертные мученья».

Но дерево-то чем
Пред Богом виновато?
Его-то ждет зачем
Жестокая расплата?

Ухватит ветерок
За рыженькие косы,
Швырнет, сбивая с ног,
Со скального откоса...

* * *

Кусты разогнутся с придушенным стоном,
Лишь клен в затянувшемся низком поклоне
Дрожит напряженней струны,
Но клена поклоны уже не нужны.

А чаща не верит, что кончились муки,
И тычутся ветра холодные руки,
Хватаясь за головы тополей,
И небо становится мела белей.

И видно, ценою каких напряжений,
Каких цирковых, безобразных движений
Держались осины, ворча до конца,
И тяжесть осин тяжелее свинца...

* * *

Свой дом родимый брошу,
Бегу, едва дыша;
По первой по пороше
Охота хороша.

Мир будет улюлюкать:
«Ату его, ату...»
Слюна у старой суки
Пузырится во рту.

Мир песьих, красноглазых,
Заиндевевших морд,
Где каждый до отказа
Собачьей ролью горд.

И я, прижавши уши,
Бегу, бегу, бегу,
И сердце душит душу
В блистающем снегу.

И в вое кобелином,
Гудящем за спиной,
Игрой такой старинной
Закончу путь земной.

* * *

Мои дворцы хрустальные,
Мои дороги дальние,
Лиловые снега...

Мои побаски вольные,
Мои стихи крамольные
И слезы — жемчуга.

Безлюдные, холодные
Урочища бесплодные,
Безвыходные льды,

Где людям среди лиственниц
Не поиск нужен истины,
А поиски еды,

Где мимо голых лиственниц
Молиться Богу истово
Безбожники идут.

Больные, бестолковые
С лопатами совковыми
Шеренгами встают...

Рядясь в плащи немаркие,
С немецкими овчарками
Гуляют пастухи.

Кружится заметь вьюжная,
И кажутся ненужными
Стихи...

* * *

Жизнь — от корки и до корки
Перечитанная мной.
Поневоле станешь зорким
В этой мути ледяной.

По намеку, силуэту
Узнаю друзей во мгле.
Право, в этом нет секрета
На бесхитростной земле.

ЖАР-ПТИЦА

Ты — витанье в небе черном,
Бормотанье по ночам.
Ты — соперничество горным
Разговорчивым ключам.

Ты — полет стрелы каленой,
Откровенной сказки дар
И внезапно заземленный
Ослепительный удар,

Чтоб в его мгновенном свете
Открывались те черты,
Что держала жизнь в секрете
Под прикрытьем темноты.

* * *

На этой горной высоте
Еще остались камни те,
Где ветер высек имена,

Где ветер выбил письмена,
Которые прочел бы Бог,
Когда б читать умел и мог.

СЕЛЬСКИЕ КАРТИНКИ

Синеглазенький ребенок,
Позабытый на скамье,
Невзначай упал спросонок
Прямо на спину свинье.

Но свинья посторонилась,
Отодвинулась быстрей
И не очень удивилась,
Зная здешних матерей.

Но, конечно, завизжала
И на помощь позвала:
И она детей рожала,
Тоже матерью была.

Ей ребенка было жалко,
И поэтому сейчас
По свинье гуляет палка
Благодарности от нас.

Все судачат с важным видом,
И разносится окрест:
Если Бог тебя не выдаст,
То свинья тебя не съест.

* * *

О, если б я в жизни был только туристом,
Разреженный воздух горы
Вдыхал бы, считая себя альпинистом,
Участником некой игры.

Но воздух усталое сердце ломает,
Гоня из предсердий последнюю кровь.
И мир, что меня хорошо понимает,
Щетинится, злобится вновь.

И горы, и лес сговорились заочно
До смерти, до гроба меня довести.
И малое счастье, как сердце, непрочно,
И близок конец пути...

* * *

Ты душу вывернешь до дна,
До помраченья света.
И сдачу даст тебе луна
Латунною монетой.

Увы, не каждому рабу,
Не дожидаясь гроба,
Дано испытывать судьбу —
А мы такие оба.

* * *

И мне, конечно, не найти
Пургой завеянные тропы,
Пургой закопанные трупы,
Потерянные пути...

* * *

Верьте, смерть не так жестока
От руки пурги.
Остановка кровотока —
Это пустяки...

* * *

Два журнальных мудреца
Жарким спором озабочены:
У героя нет лица,
Как же дать ему пощечину?

* * *

По долинам, по распадкам
Пишут письма куропатки.
Клинописный этот шрифт
Разобрал бы только Свифт.

* * *

Всю ночь мои портреты
Рисует мне река,
Когда луна при этом
Доверчиво близка.

Река способна литься
Без славы и следа,
Диплома живописца
Не зная никогда.

Расстегнут ворот шубы,
Надетой кое-как.
Мои кривятся губы,
Рассыпался табак.

Я нынче льда бледнее
В привычном забытьи.
И звезды мне роднее,
Чем близкие мои.

Какой небесной глубью
Я нынче завладел.
И где же самолюбью
И место и предел?

Оно в куски разбито,
Топталось неспроста.
Мучительного быта
Железная пята.

Из склеенных кусочков,
Оно — как жизнь моя —
В любой неловкой строчке,
Какую вывел я.

Житейские волненья,
И приступы тоски,
И птичьи песнопенья,
Сцепленные в стихи,

Где рифмы-шестеренки
Такой вращают вал,
Что с солнцем вперегонки
Кружиться заставлял.

Тяжелое вращенье
Болот, морей и скал,
Земли, чьего прощенья
Я вовсе не искал,

Когда, опережая
Мои мечты и сны,
Вся жизнь, как жизнь чужая,
Видна со стороны.

Брожу, и нет границы
Моей ночной земли.
На ней ни я, ни птицы
Покоя не нашли.

Любой летящий рябчик
Приятней мне иных
Писателей и стряпчих,
И страшно молвить — книг.

И я своим занятьем
Навеки соблазнен:
Не вырасту из платья
Ребяческих времен.

И только в этом дело,
В бессонном этом сне,
Другого нет удела,
И нет покоя мне.

Каким считать недугом
Привычный этот бред?
Блистательным испугом,
Известным с детских лет.

Приклады, пули, плети,
Чужие кулаки —
Что пред ними эти
Наивные стихи?

* * *

Не жалей меня, Таня, не пугай моей славы,
От бумаги не отводи.
Слышишь — дрогнуло сердце, видишь — руки ослабли,
Останавливать погоди.

Я другим уж не буду, я и думать не смею,
Невозможного не захочу.
Или птицей пою, или камнем немею —
Мне любая судьба по плечу.

Эти письма — не бред, и не замок воздушный,
И не карточный домик мой.
Это крепость моя от людского бездушья,
Что построена нынче зимой.

* * *

Тают слабые снега,
Жжет их луч горячий,
Чтоб не вздумала пурга
Забрести на дачу.

Зарыдавшая метель
Как живая дышит,
Льет весеннюю капель
С разогретой крыши.

Только трудно мне понять
Нынешние были.
Звезды дальше от меня,
Чем когда-то были.

* * *

Из тьмы лесов, из топи блат
Встают каркасы рая.
Мы жидкий вязкий мармелад
Ногами попираем.

Нам слаще патоки оно,
Повидло здешней грязи.
Пускай в декабрьское окно
Сверкает безобразье.

Как новой сказки оборот
Ее преображенье.
Иных долгот, иных широт
Живое приближенье.

* * *

Боялись испокон
Бежавшие из ада
Темнеющих икон
Пронзительного взгляда.

Я знаю — ты не та,
Ты вовсе не икона,
Ты ходишь без креста,
И ты не ждешь поклона.

Как я, ты — жертва зла.
И все-таки награда,
Что жизнь приберегла
Вернувшимся из ада.

* * *

В болотах завязшие горы,
В подножиях гор — облака.
И серое, дымное море
В кольце голубого песка.

Я знал Гулливера потехи,
Березы и ели топча,
Рукой вырывая орехи
Из стиснутых лап кедрача.

Я рвал, наклоняясь, рябину
И гладил орлиных птенцов.
Столетние лиственниц спины
Сгибал я руками в кольцо.

И все это — чуткое ухо
Подгорной лесной тишины,
Метель тополиного пуха
И вьюга людской седины.

Все это (твердят мне) — не надо.
Таежная тропка — узка,
Тайга — не предмет для баллады
И не матерьял для стиха...

* * *

В потемневшее безмолвье
Повергая шар земной,
Держит небо связку молний,
Узких молний за спиной.

Небеса не бессловесны —
Издавать способны крик,
Но никак не сложит песни
Громовой небес язык.

Это — только междометья,
Это — вопли, осердясь,
Чтоб, жарой наскучив летней,
Опрокинуть землю в грязь.

И совсем не музыкален,
Что ревет, гудит окрест,
Потрясая окна спален,
Шумовой такой оркестр.

* * *

Кто, задыхаясь от недоверья,
Здесь наклоняется надо мной?
Чья это маска, личина зверья,
Обезображенная луной?

Мне надоело любить животных,
Рук человеческих надо мне,
Прикосновений горячих, потных,
Рукопожатий наедине.

* * *

Нестройным арестантским шагом,
Как будто нехотя, со зла,
Слова заходят на бумагу,
Как на ночевку средь села.

Весь груз манер неоткровенных,
Приобретений и потерь,
Укрыв от зрителей надменных,
Они захлопывают дверь.

Из-за присутствия конвоя
Любая бедная строка
Своей рискует головою,
И если б, если б не тоска,

Влечение к бумаге писчей
И беспорядочность надежд,
Она рвалась бы на кладбище,
Хотя б и вовсе без одежд...

* * *

Скрой волнения секреты
Способом испытанным.
День, закутанный в газету,
Брошен недочитанным.

Будто сорвана на небе
Нежность васильковая.
Отгибает тонкий стебель
Тяжесть мотыльковая.

Озарит лесную темень
Соснами багровыми
Замечтавшееся время
Испокон вековое.

* * *

Смех в усах знакомой ели,
Снег, налипший на усах, —
След бежавшей здесь метели,
Заблудившейся в лесах.

И царапины на теле
Здесь оставила пила,
Что на ели еле-еле
Походила и ушла.

Эти ссадины и раны,
Нанесенные пилой,
Наши ели-ветераны
Бальзамируют смолой.

* * *

К нам из окна еще доносится,
Как испытание таланта,
Глухих времен разноголосица,
Переложенье для диктанта.

Но нам записывать не велено,
И мы из кубиков хотели
Сложить здесь песню колыбельную —
Простую песенку метели.

И над рассыпанною азбукой
Неграмотными дикарями
Мы ждем чудес, что нам показывать
Придут идущие за нами...

* * *

Шатает ветер райский сад,
И ветви — как трещотки,
Смолкают крики бесенят,
Торчащих у решетки.

И ты глядишь в мое лицо,
Не замечая рая,
Холодным золотым кольцом
Насмешливо играя...

* * *

Здесь выбирают мертвецов
Из знаменитых мудрецов.
Здесь жалость вовсе не с руки —
Жалеют только дураки.

Здесь добрым назовется тот,
В котлы смолу кто храбро льет..
Не забывай, что в Дантов ад
Вошел не только Герострат.
Нет — Авиценна и Платон
Дают здесь философский тон...

* * *

Пророчица или кликуша,
Посеяв рознь, посеяв грусть,
Ты нам рвала на части душу
Каким-то бредом наизусть.

У губ твоих вздувалась пена,
Как пузыри, как кружева,
И вырывались в мир из плена
Твои жестокие слова.

Но не сломив судьбы опальной
И встав у времени в тени,
Все отдаленней, все печальней,
Все глуше слышались они...

* * *

Твои речи — как олово —
Матерьял для припоя,
Когда сблизятся головы
Над пропавшей тропою,

Когда следу звериному
Доверяться не надо,
Когда горю старинному
Нет конца и преграды.

Твои речи — как требники —
Среди зла и бесчинства,
«Миротворец враждебников
И строитель единства».

* * *

Вот две — две капли дождевые,
Добравшиеся до земли,
Как существа вполне живые
Раскатываются в пыли.

И ветер прямо с поднебесья
Бросает ключ от сундука,
Где спрятаны все звуки леса,
Ночная летняя тоска.

Сундук открыт — и вся природа,
Сорвав молчания печать,
Ревет о том, что нет исхода,
И листья пробуют кричать.

Осины, вырванные с мясом,
Ольхи пугливый голосок,
И сосны, стонущие басом,
Клонящиеся на песок...

Но буре мало даже шквала,
Она хватается за скалы —
Хрустит и крошится гранит.
И в ветре слышен звук металла,
Когда он с камнем говорит...

* * *

Пусть я, взрослея и старея
В моей стосуточной ночи,
Не мог остола от хорея,
Как ни старался, отличить.

Но иногда оленьи нарты
Сойти, мне кажется, могли
За ученические парты,
За парты на краю земли,

Где я высокую науку
Законов жалости постиг,
Где перелистывали руки
Страницы черных, странных книг.

Людское горе в обнаженье,
Без погремушек и прикрас,
Последнее преображенье,
Однообразнейший рассказ.

Он задан мне таким и на дом.
Я повторяю, я учу.
Когда-нибудь мы сядем рядом —
Я все тебе перешепчу.

* * *

Когда, от засухи измучась,
Услышит деревянный дом
Тяжелое дыханье тучи,
Набитой градом и дождем.

Я у окна откину шторы,
Я никого не разбужу.
На ослепительные горы
Глаза сухие прогляжу.

На фиолетовые вспышки
Грозы, на ливня серебро,
А если гроз и ливня слишком —
Беру бумагу и перо.

* * *

Жизнь другая, жизнь не наша —
Участь мертвеца,
Точно гречневая каша,
Оспины лица.

Синий рот полуоткрытый,
Мутные глаза.
На щеке была забыта —
Высохла слеза.

И на каменной подушке
Стынет голова.
Жмется листьями друг к дружке
Чахлая трава.

Над такою головою,
Над таким лицом —
Ни надзора, ни конвоя
Нет над мертвецом.

И осталось караульных
Нынче только два;
Жесткие кусты — багульник
И разрыв-трава.

* * *

Я двигаюсь, как мышь
Летучая, слепая,
Сквозь лес в ночную тишь,
Стволов не задевая.

Взята напрасно роль
Такого напряженья,
Где ощущаешь боль
От каждого движенья.

Моей слепой мечте
Защиты и оплоты
Лишь в чувства остроте,
В тревожности полета.

И что переживу,
И в чем еще раскаюсь,
На теплую траву
Устало опускаюсь...

* * *

Внезапно молкнет птичье пенье,
Все шорохи стихают вдруг.
Зловещей ястребиной тенью
Описывается круг.

Молчанье, взятое аккордом,
И, высунутые из листвы,
Рогатые оленьи морды,
И добрые глаза совы.

И предстает передо мною
Веленьем птичьего пера,
Лепной готической стеною
Моя зеленая гора.

И я опять в средневековье
Заоблачных, как церкви, гор,
Чистейшей рыцарскою кровью
Еще не сытых до сих пор.

Моей религии убранство,
Зверье, узорную листву
Все с тем же, с тем же постоянством
Себе на помощь я зову.

* * *

Я — актер, а лампа — рампа,
Лапы лиственниц в окне.
Керосиновая лампа
Режет тени на стене.

И, взобравшись мне на плечи,
Легендарный черный кот,
Не имея дара речи,
Умилительно поет.

И без слов мне все понятно
У ночного камелька.
До мучительности внятна
Неразборчивость стиха.

И спасет в метели белой,
Разгулявшейся назло,
Тяжесть кошачьего тела,
Вдохновенное тепло.

* * *

Не хватает чего? Не гор ли,
По колено увязших в пески,
Чтобы песней прочистить горло,
Чтобы выговорить стихи?

Не хватает бумаги писчей,
Или силы любой тщеты,
Или братского, в скалах, кладбища,
О котором не знаешь ты?

Я не верю, не верю крику
В мире, полном кровавых слез,
Проступающих, как земляника,
Сквозь траву возле белых берез.

* * *

Резче взгляды, резче жесты
У деревьев на ветру.
У дороги ржавой жестью
Посыпают ввечеру.

Под дырявым небосводом
Мир имеет вид такой,
Что сравнится не с заводом,
А с жестяной мастерской.

Ветер в угол смел обрезки —
Жестяной осенний сор,
Оборвав движеньем резким
Надоевший разговор.

* * *

На садовые дорожки,
Где еще вчера
На одной скакала ножке
Наша детвора,

Опускаются все ниже
С неба облака.
И к земле все ближе, ближе
Смертная тоска.

Нет, чем выше было небо,
Легче было мне:
Меньше думалось о хлебе
И о седине.

НА ОБРЫВЕ

Скала кричит — вперед ни шагу,
Обрывы скользки и голы,
И дерево, как древко флага,
Зажато в кулаке скалы.

И мгла окутает колени,
Глаза завесит пеленой.
И все огни людских селений
Закроет белою стеной.

Стоять, доколе машет знамя,
Не потонувшее во мгле,
Распластанное над камнями,
Живое знамя на скале.

* * *

Нынче я пораньше лягу,
Нынче отдохну.
Убери же с глаз бумагу,
Дай дорогу сну.

Мне лучи дневного света
Тяжелы для глаз.
Каменистый путь поэта
Людям не указ.

Легче в угольном забое,
Легче кем-нибудь,
Только не самим собою
Прошагать свой путь.

* * *

Вся земля, как поле брани,
Поле битвы вновь.
Каждый куст как будто ранен,
Всюду брызжет кровь.

И высокую когда-то
Синеву небес
Обернут набухшей ватой,
Зацепив за лес.

И сентябрь, устав от бега,
От пустой тщеты,
Пригибает первым снегом
Поздние цветы...

* * *

Нет, нет! Пока не встанет день,
Ты — только тень, ты — только тень
Любой полуночной сосны, —
Ведь сосны тоже видят сны.

И я гляжу в твое лицо,
И я верчу в руках кольцо —
Подарок равнодушный мой, —
И ты б ушла давно домой,

Когда б успела и могла
Сказать, как много было зла,
И если бы ночная мгла
К нам снисходительна была.

Но, начиная холодеть,
Глухая ночь уходит прочь,
Как бы желая мне помочь,
Помочь получше разглядеть

Зрачки бездонные твои
И слез едва заметный след.
И во все горло соловьи
Кричат, что начался рассвет.

* * *

Слабеет дождь, светлеет день,
Бессильны гроз угрозы.
Промокший до костей олень
Не изменяет позы.

И мы поймем, шагнув в поля,
На острова и поймы,
Как независима земля
И как она покойна.

* * *

Я сказанье нашей эры
Для потомков сберегу.
Долотом скребу в пещере
На скалистом берегу.

Тяжело, должно быть, бремя
Героических баллад,
Залетевших в наше время,
Время болей и утрат.

На заброшенных гробницах
Высекаю письмена,
Запишу на память птицам
Даты, сроки, имена.

Мне подсказывают чайки,
Куропатки голосят,
Две сибирских белых лайки,
Трое синеньких лисят.

И, моргая красным глазом,
Над плечом сопит сова.
Умиляется рассказу,
Разобрав мои слова.

* * *

Наклонись к листу березы
И тайком прочти,
Что на нем чертили грозы
По пути.

Ветры яростно трепали,
Пачкая в пыли.
Листьям завтра быть в опале
У земли.

Завтра снег просеют в сито.
И осколки льда
Лягут зеркалом разбитым
У пруда.

О какой жалею доле?
Чья это рука
Сжала горло мне до боли,
Как тоска?

* * *

С моей тоской, сугубо личной,
Ищу напрасно у резца,
У мастерства поры античной
Для подражанья образца.

Античность — это только схема,
Сто тысяч раз одно и то ж.
И не вместит больную тему
Ее безжизненный чертеж.

И не живет в ее канонах
Земная смертная тоска,
И даже скорбь Лаокоона
Ленива и неглубока.

Архитектуры украшенье,
Деталь дорических колонн —
Людских надежд, людских крушений
Чуждающийся Аполлон.

Лишь достоверностью страданья
В красноречивой немоте
Способно быть живым преданье
И путь указывать мечте.

* * *

Слабеют краски и тона,
Слабеет стих.
И жизнь, что прожита до дна,
Видна, как миг.

И некогда цветить узор,
Держать размер,
Ведь старой проповеди с гор
Велик пример.

* * *

Мы дорожим с тобою тайнами,
В одно собранье их поставя
С такими сагами и дайнами,
Которых мы забыть не вправе.

Ведь мне с годами это тождество
До умопомраченья ясно.
Казалось, нам дождаться дождика —
И все в слезах его погаснет.

Но нет, оно — пожара зарево
Над нашей жизнью запылавшей,
Пока еще не разбазарено,
Затоптано, как лист опавший.

* * *

Вдыхаю каждой порой кожи
В лесной тиши предгрозовой
Все, что сейчас назвать не может
Никто — ни мертвый, ни живой.

И то, что так недостижимо,
Что не удержано в руке,
Подчас проходит рядом, мимо,
Зеленой зыбью на реке.

Мир сам себе — талант и гений,
Ведущий нас на поводу,
И ритма тех его смятений
Нам не дано иметь в виду.

Ведь это все — одни отписки:
Баркасы, льдины, облака, —
Все то, что без большого риска
Бросает нам его рука.

* * *

Я жизни маленькая веха,
Метелка, всаженная в снег,
Я голос, потерявший эхо
В метельный, леденящий век.

С горластым бытом в перепалке,
Мне не случалось никогда
Зубрить природу по шпаргалке —
И в этом вся моя беда.

Меня мороз дирал по коже,
И потому в своей судьбе
Я все придирчивей и строже
И к нашим близким, и к себе...

* * *

Где жизнь? Хоть шелестом листа
Проговорилась бы она.
Но за спиною — пустота,
Но за спиною — тишина.

И страшно мне шагнуть вперед,
Шагнуть, как в яму, в черный лес,
Где память за руку берет
И — нет небес.

* * *

Луне, быть может, непонятно
Людское робкое житье,
И ей, пожалуй, неприятно,
Что так глазеют на нее.

Сегодня, кажется, недаром,
Не понапрасну, не зазря
Хрипеть приходится гитарам
В чертополохе пустыря.

Но все же, плечи расправляя,
Покорный сердца прямоте,
Шагну назад из двери рая
В передрассветной темноте.

Шагну туда, где боль и жалость,
Чужая жалость, может быть,
С моей давно перемешалась,
И только так могу я жить.

* * *

Сырая сумрачная мгла —
Убежище от века.
Ведь человеку тяжела
Небесная опека.

Он скрыт от неба и земли
Блистательным туманом,
Его на отдых привели,
И легче стало ранам.

Ему и сердце не сосет
Известный червь сомнений.
Он душу вывернул на лед
Без всяких затруднений.

И он рассвета подождет,
Пока огнем вишневым
Рассвет туманы подожжет,
Сожжет в лесу сосновом.

И он рассмотрит ясно то,
Что ночью так стонало,
Когда не мог помочь никто,
Чтоб сердце замолчало.

А после неба синева —
Прогал в вершинах сосен —
Подскажет новые слова
И новые вопросы.

* * *

Вот так и живем мы, не зная,
Что в небе родятся снега,
Что летняя слякоть земная
До ужаса нам дорога.

Но, первой сентябрьской метели
Явлением потрясены,
Мы прыгаем утром с постели,
В подушке забыв свои сны.

И смотрим, как свежую новость,
Гравюру мороза в окне,
Резную блестящую повесть
О нашем сегодняшнем дне,

Где нет проторенных и гладких,
Знакомых, вчерашних путей,
Где все истоптала вприсядку
Плясавшая ночью метель.

Взъерошенная синица
Стучит в ледяное окно.
Ей надо и жить, и кормиться,
Клевать золотое пшено...

* * *

Дождя, как книги, слышен шелест
В садовой вымокшей тиши.
Сырой землей затянет щели,
Сухие трещины души.

Такие явятся травинки
И удивят здоровьем сад,
В лице которых ни кровинки
Не видно было час назад.

Что в угол загнано жарою,
Кому под солнцем жизни нет,
Что крылось грязною корою,
Умылось и идет на свет.

Дорожкой сада вперегонки,
Из всех сараев и закут
Вприпрыжку гадкие утенки
И даже Золушки бегут.

Кивает мокрой головою
Любой из встречных тополей,
И сад как будто больше вдвое,
Шумнее, ярче и светлей.

* * *

Я — чей-то сон, я — чья-то жизнь чужая,
Прожитая запалом, второпях.
Я изнемог, ее изображая
В моих неясных, путаных стихах.

Пускай внутри, за гипсом этой маски,
Подвижные скрываются черты.
Черты лица естественной окраски,
Окраски застыдившейся мечты.

Все наши клятвы, жалобы и вздохи,
Как мало в них мы видим своего,
Они — дары счастливейшей эпохи,
Прошедшего столетья колдовство.

А что же мы оставили потомству,
Что наши дети примут как свое —
Уловки лжи и кодекс вероломства,
Трусливое житье-бытье.

Я не скажу, я не раскрою тайны,
Не обнажу закрытого лица,
Которое поистине случайно
Не стало ликом — ликом мертвеца...

ПОЛЬКА-БАБОЧКА

Пресловутый туз бубновый,
Номерочек жестяной,
Оскорбительной обновой
Прикрепляют за спиной.

Золотые стонут трубы
Средь серебряного льда,
Музыкантов стынут губы
От мороза и стыда.

Рвутся факелов лохмотья,
Брызжет в черный снег огонь.
Слабый духом, слабый плотью
Кровью кашляет в ладонь.

Тот герой, кто крепок телом,
А душою слабоват,
Тут же кается несмело,
В чем и не был виноват.

Ну а тот, кто крепок духом,
Вынес ужас ледяной,
Тот улавливает ухом
Смысл мелодии двойной.

И, от грохота и шума
Отведя усталый взгляд,
Смотрит он во мглу угрюмо
И разгадывает ад.

ЛЕД

Еще вчера была рекой
И вымерзла до дна,
И под людской хрустит ногой
Застывшая волна.

Она — лишь слепок ледяной
Лица живой волны.
И ей, наверно, не одной
Такие снятся сны.

Весной растает этот лед
Окоченевших строк,
И берега окрест зальет
Разлившийся поток.

* * *

Опоздав на десять сорок,
Хоть спешил я что есть сил,
Я уселся на пригорок
И тихонько загрустил.

Это жизнь моя куда-то
Унеслась, как белый дым,
Белый дым в лучах заката
Над подлеском золотым.

Догоняя где-то лето,
Затихает стук колес.
Никакого нет секрета
У горячих, горьких слез...

* * *

Ты волной морского цвета,
Потемневшей от луны,
Захлестнешь глаза поэта,
Не сдержавшего волны.

И в твоем глубоком взоре,
Взбаламученном до дна,
Может — море, может — горе,
Может — ненависть видна.

Потому что этим цветом,
Северянам на беду,
Красят землю только летом
Два-три месяца в году.

И, хотя с тобой в союзе
Очутились зеркала,
Ты моей послушной музе
Неохотно помогла.

Вот такой тысячеглазой,
Отраженной в зеркалах,
Ты запомнилась мне — сразу,
Находясь во всех углах.

И оптическая сила,
Умножая облик твой,
Взоры все соединила
В яркий фокус световой.

* * *

Бормочут у крыльца две синенькие галки,
И воду воробей из лужи важно пьет.
Щегол уж не творит, а шпарит по шпаргалке —
Я с детства заучил порядок этих нот.

Но прелесть детских лет — не больше, чем невзгода,
Чем тяжесть страшная на памяти моей,
Мне совестно взглянуть под купол небосвода,
Под купол цирковой моих превратных дней,

Дней юности моей, что прожита задаром,
Разорванный, растоптанный дневник,
Соседство смертных стрел, напитанных анчаром,
Опасное соседство книг...

И молодость моя — в рубцах от первых пыток —
Возмездья первородного греха.
Не самородок, нет, а выплавленный слиток
Из небогатых руд таежного стиха.

И зрелость твердая — в крутящейся метели,
Бредущая по лесу с топором...
Я жизнью заболел, и я лежу в постели
И трижды в день глотаю горький бром.

* * *

Что прошлое? Старухой скопидомкой
За мной ты ходишь, что-то бормоча,
И нищенская грязная котомка
Свисает с твоего костлявого плеча.

Что будущее? Ты — заимодавец —
Владелец уймы дутых векселей.
Ты — ростовщик героев и красавиц,
Ты — виноград, какого нет кислей.

А настоящее? Схвати его, попробуй,
Минуты ход в ладонях ощути...
Беги, пока не износилась обувь
И не закрылись торные пути...

* * *

Мечты людей невыносимо грубы,
И им не нужны светлые слова.
Вот почему так немы эти губы
И поседела эта голова.

А жизнь, как зеркало, движению враждебна:
Она хранит лишь мертвое лицо,
Она вошла ошибкою судебной
На это шаткое, крикливое крыльцо...

* * *

Безобразен и бесцветен
Хмурый день под ветром серым.
Все живущее на свете
Разбежалось по пещерам.

И глядят там друг на друга
Люди, лошади, синицы —
Все в один забились угол,
Не хотят пошевелиться.

И на небе невысоком,
Что по пояс горной круче,
Синевой кровоподтека
Набегающие тучи...

* * *

Это все — ее советы,
Темной ночи шепотки,
Обещанья и приветы,
Расширявшие зрачки.

Это жизнь в лесу, вслепую,
Продвиженье наугад,
В темень черно-голубую,
В полуночный листопад,

Где шуршат, как крылья птицы,
Листья старых тополей,
Где на плечи мне садится
Птица радости моей.

* * *

Ни версты, ни годы — ничто нипочем
Не справится с нашим преданьем.
Смотри — небеса подпирает плечом
Северное сиянье.

И нас не раздавит глухой небосвод,
Не рухнет над жизнью овражьей,
Не вплющит в библейский узорчатый лед
Горячие головы наши.

Порукой — столбы ледяного огня,
Держащие небо ночами...
Я рад, что ты все-таки веришь в меня,
Как раньше, как в самом начале...

МАК

Пальцами я отодвинул
Багровые лепестки,
Черное сердце вынул,
Сжал в ладоней тиски.

Вращаю мои ладони,
Как жесткие жернова,
И падают с тихим стоном
Капельками слова.

Мне старики шептали:
Горя людского знак
Этот цветок печали —
Русский кровавый мак.

Это моя эмблема —
Выбранный мною герб —
Личная моя тема
В тенях приречных верб...

* * *

Все плыть и плыть — и ждать порыва
Набравшей мужества волны.
Лететь, волне вцепившись в гриву,
Иль видеть сны, глухие сны.

Где над землею раздраженно
Мигает, щурится гроза
И едкий дым мостов сожженных
Ей набивается в глаза.

* * *

В гремящую грозу умрет глухой Бетховен,
Затмится солнце в Кантов смертный час.
Рассержен мир — как будто он виновен
Или винит кого-нибудь из нас.

Природа не всегда к искусству равнодушна
И гения судьбой подчас возмущена,
Имеешь уши слышать — слушай,
Как затаился гром, как дышит тишина.

* * *

Безымянные герои,
Поднимаясь поутру,
Торопливо землю роют,
Застывая на ветру.

А чужая честь и доблесть,
В разноречье слов и дел,
Оккупировала область
Мемуаров и новелл.

Но новеллам тем не веря,
Их сюжетам и канве,
Бродит честь походкой зверя
По полуночной Москве...

* * *

Пусть в прижизненном изданье
Скалы, тучи и кусты
Дышат воздухом преданья
Героической тщеты.

Ведь не то что очень сильным —
Силы нет уже давно, —
Быть выносливым, двужильным
Мне на свете суждено.

Пить закатной пьяной браги
Розоватое питье,
Над желтеющей бумагой
Погружаться в забытье.

И, разбуженный широким,
Пыльным солнечным лучом,
Я ночным нетрезвым строкам
Не доверюсь нипочем.

Я их утром в прорубь суну
И, когда заледеню,
По-шамански дуну, плюну,
Протяну навстречу дню.

Если солнце не расплавит
Ледяной такой рассказ,
Значит, я и жить не вправе
И настал последний час.

* * *

Не солнце ли вишневое
На торосистый лед,
Как мука наша новая,
Назойливо встает.

Я в угол смел бумажное,
Ненужное хламье,
И в этом вижу важное
Признание мое.

* * *

Сразу видно, что не в Курске
Настигает нас зима.
Это — лиственниц даурских
Ветровая кутерьма.

Голый лес насквозь просвечен
Светом цвета янтаря.
Искалечен, изувечен
Желтым солнцем января.

Здесь деревьям надо виться,
Надо каждому стволу
Подниматься и ложиться,
Изгибаться вслед теплу.

Со своим обледенелым,
По колено вросшим в мох
Изуродованным телом
Кто ж к весне добраться мог?

СТЛАНИК

Л. Пинскому

Ведь снег-то не выпал. И, странно
Волнуя людские умы,
К земле пригибается стланик,
Почувствовав запах зимы.

Он в землю вцепился руками,
Он ищет хоть каплю тепла.
И тычется в стынущий камень
Почти неживая игла.

Поникли зеленые крылья,
И корень в земле — на вершок!..
И с неба серебряной пылью
Посыпался первый снежок.

В пугливом своем напряженье
Под снегом он будет лежать.
Он — камень. Он — жизнь без движенья,
Он даже не будет дрожать.

Но если костер ты разложишь,
На миг ты отгонишь мороз, —
Обманутый огненной ложью,
Во весь распрямляется рост.

Он плачет, узнав об обмане,
Над гаснущим нашим костром,
Светящимся в белом тумане,
В морозном тумане лесном.

И, капли стряхнув, точно слезы,
В бескрайность земной белизны,
Он, снова сраженный морозом,
Под снег заползет — до весны.

Земля еще в замети снежной,
Сияет и лоснится лед,
А стланик зеленый и свежий
Уже из-под снега встает.

И черные, грязные руки
Он к небу протянет — туда,
Где не было горя и муки,
Мертвящего грозного льда.

Шуршит изумрудной одеждой
Над белой пустыней земной.
И крепнут людские надежды
На скорую встречу с весной.

* * *

Кому я письма посылаю,
Кто скажет: другу иль врагу?
Я этот адрес слишком знаю,
И не писать я не могу.

Что ругань? Что благоговенье?
И сколько связано узлов
Из не имеющих хожденья,
Из перетертых старых слов?

Ведь брань подчас тесней молитвы
Нас вяжет накрепко к тому,
Что нам понадобилось в битве, —
Воображенью своему.

Тогда любой годится повод
И форма речи не важна,
Лишь бы строка была как провод
И страсть была бы в ней слышна.

* * *

А тополь так высок,
Что на сухой песок
Не упадет ни тени.
Иссохшая трава
К корням его прижалась.
Она едва жива
И вызывает жалость.

* * *

Осторожно и негромко
Говорит со мной поземка,
В ноги тычется снежок,

Чтобы я не верил тучам,
Чтобы в путь по горным кручам
Я отправиться не мог.

Позабывшая окошко,
Ближе к печке жмется кошка —
Предсказатель холодов.

Угадать, узнать погоду
Помогает лишь природа
Нам на множество ладов.

Глухари и куропатки
Разгадали все загадки,
Что подстроила зима.

Я ж искал свои решенья
В человечьем ощущенье
Кожи, нервов и ума.

Я считал себя надменно
Инструментом совершенным
Опознанья бытия.

И в скитаньях по распадкам
Доверял своим догадкам,
А зверью не верил я.

А теперь — на всякий случай —
Натащу побольше сучьев
И лучины наколю,

Потому что жаркой печи
Неразборчивые речи
Слушать вечером люблю.

Верю лишь лесному бреду:
Никуда я не поеду,
Никуда я не пойду.

Пусть укажут мне синицы
Верный путь за синей птицей
По торосистому льду.

* * *

Я нищий — может быть, и так.
Стихает птичий гам,
И кто-то солнце, как пятак,
Швырнул к моим ногам.

Шагну и солнце подниму,
Но только эту медь
В мою дорожную суму
Мне спрятать не суметь...

* * *

Светит солнце еле-еле,
Зацепилось за забор,
В перламутровой метели
Пробиваясь из-за гор.

И метель не может блеска
Золотого погасить,
И не может ветер резкий
Разорвать метели нить.

Но не то метель ночная:
Черный лес и черный снег.
В ней судьба твоя иная,
Безрассудный человек.

В двух шагах умрешь от дома,
Опрокинутый в сугроб,
В мире, вовсе незнакомом,
Без дорожек и без троп.

* * *

Не в картах правда, а в стихах
Про старое и новое.
Гадаю с рифмами в руках
На короля трефового,

Но не забуду я о том,
Что дальними дорогами
Ходил и я в казенный дом
За горными отрогами.

Слова ложатся на столе
В магической случайности,
И все, что вижу я во мгле,
Полно необычайности.

ВЫСОКИЕ ШИРОТЫ

О ПЕСНЕ

1

Пусть по-топорному неровна
И не застругана строка,
Пусть неотесанные бревна
Лежат обвязкою стиха, —

Тепла изба моих зимовок —
Одноэтажный небоскреб,
Сундук неношеных обновок,
Глубоко спрятанный в сугроб,

Где не чужим заемным светом,
А жарким углем рдеет печь,
Где не сдержать ничьим запретам
Разгорячившуюся речь.

2

И я, и ты, и встречный каждый
На сердце песню бережет.
А жизнь с такою жадной жаждой
Освобожденья песни ждет.

Та песня петь не перестала,
Не потонула в вое вьюг,
И струнный звон сквозь звон металла
Такой же чистый сеет звук.

На чьем пиру ее похмелье?
Каким вином она пьяна?
На новоселье в подземелье
Она тайком приведена.

А может быть, всего уместней
Во избежание стыда
И не расспрашивать о песне,
И не искать ее следа.

3

Я много лет дробил каменья
Не гневным ямбом, а кайлом.
Я жил позором преступленья
И вечной правды торжеством.

Пусть не душой в заветной лире —
Я телом тленья убегу
В моей нетопленой квартире,
На обжигающем снегу.

Где над моим бессмертным телом,
Что на руках несла зима,
Металась вьюга в платье белом,
Уже сошедшая с ума,

Как деревенская кликуша,
Которой вовсе невдомек,
Что здесь хоронят раньше душу,
Сажая тело под замок.

Моя давнишняя подруга
Меня не чтит за мертвеца.
Она поет и пляшет — вьюга,
Поет и пляшет без конца.

4

Не для анютиных ли глазок,
Не для лобастых ли камней
Я сочинил немало сказок
По образцу Четьих Миней?

Но все, что я шептал сердечно
Деревьям, скалам и реке,
Все, что звучало безупречно
На этом горном языке, —

Псалмы, элегии и оды,
Что я для них слагать привык,
Не поддаются переводу
На человеческий язык.

Так в чем решенье той задачи,
Оно совсем не в пустяках.
В том, чтоб тетрадь тряслась от плача
В любых натруженных руках.

И чтоб любитель просвещенья,
Знаток глазастого стиха,
Ценил узорное тисненье
Зеленой кожи лопуха.

И чтоб лицо бросала в краску
От возмущенья и стыда
Земная горечь русской сказки
Среди беспамятного льда.

5

Весною все кричало, пело,
Река гремела возле скал,
И торопливо, неумело
В подлеске ландыш зацветал.

Но день за днем одно ненастье,
И редкий, жгучий солнца луч
Как ослепительное счастье
Порой выглядывал из туч.

За эти солнечные нити
Цветок цеплялся как слепой
И лез туда в поток событий,
Готовый жертвовать собой.

И кое-как листы расправя,
И солнцу выйдя на поклон,
О славе думать был не вправе,
О слове вольном думал он.

6

Так где же песня в самом деле?
Немало стоило труда,
Чтоб разметать слова в метели,
Их завалить кусками льда.

Но песня петь не перестала
Про чью-то боль, про чью-то честь.
У ней и мужества достало
Мученья славе предпочесть.

Она звучит в едином хоре
Зверей, растений, облаков.
Ей вторит Берингово море —
Стихия вовсе не стихов.

И на ветру скрипят ворота
Раскрепощенных городов,
И песня выйдет из болота
И доберется до садов.

Пусть сапоги в грязи и глине,
Она уверенно идет.
И рот ее в лесной малине,
Сведенный судорогой рот.

Она оранжевою пылью
Покрыта с ног до головы,
Она стоит таежной былью
Перед заставами Москвы.

Она свои расскажет сказки,
Она такое пропоет,
Что без профессорской указки
Едва ли школьник разберет.

И ей не нужно хрестоматий —
Ей нужны уши и сердца
И тот, дрожащий над кроватью,
Огонь лучинного светца,

Чтоб в рукописной смутной строчке
Открыть укрывшуюся суть
И не искать ближайшей точки,
А — до рассвета не уснуть.

* * *

Ни шагу обратно! Ни шагу!
Приглушены сердца толчки.
И снег шелестит, как бумага,
Разорванная в клочки.

Сухой, вездесущий, летучий,
Он бьет меня по щекам,
И слишком пощечины жгучи,
Чтоб их отнести к пустякам…

ПЛАВКА

Пускай всем жаром изложенья
Течет в изложницы металл —
Стихов бесшумного движенья
Тысячеградусный накал.

Пускай с самим собою в споре
Так много тратится труда —
Руда, в которой примесь горя,
Не очень плавкая руда.

Но я ее засыплю в строки,
Чтоб раскалилась добела,
Чтоб из огня густым потоком
Жизнь в формы слова потекла.

И пусть в той дерзостной отливке
Смиренье стали огневой
Хранит твоих речей отрывки
И затаенный голос твой.

Ты — как закваска детской сказки
В земной квартирной суетне,
Где страсть совсем не для острастки
Дается жизнью нынче мне.

БУМАГА

Под жестким сапогом
Ты захрустишь, как снег,
Ты пискнешь, как птенец.
Но думать о другом
Не может человек,
Когда он не мертвец.

Напрасно со стола
Упала, шелестя,
Как будто слабый стон
Сдержать ты не могла,
И падаешь, грустя,
На каменный балкон...

ПЕНЬ

Эти россказни среза,
Биографию пня
Прочитало железо,
Что в руках у меня.

Будто свиток лишений
Заполярной судьбы,
Будто карта мишени
Для учебной стрельбы.

Слишком перечень краток
Наслоений годов,
Где тепла отпечаток
И следы холодов,

Искривленье узоров,
Где больные года
Не укрылись от взоров
Вездесущего льда.

Перемят и закручен
Твой дневник путевой,
Скрытый ворохом сучьев,
Порыжелой травой.

Это скатана в трубку
Повесть лет временных
В том лесу после рубки
Среди сказок лесных.

ХРУСТАЛЬ

Хрупка хрустальная посуда —
Узорный рыцарский бокал,
Что, извлеченный из-под спуда,
Резьбой старинной заблистал.

Стекло звенит от колыханья,
Его волнуют пустяки:
То учащенное дыханье,
То неуверенность руки.

Весь мир от шепота до грома
Хотел бы высказаться в нем,
Хотел бы в нем рыдать, как дома,
И о чужом, и о своем.

Оно звенит, стекло живое,
И может вырваться из рук,
И отвечает громче вдвое
На приглушенный сердца стук.

Одно неверное движенье —
Мир разобьется на куски,
И долгим стоном пораженья
Ему откликнутся стихи.

Мы там на цыпочках проходим,
Где счастье дышит и звенит.
Мы дружбу с ангелом заводим,
Который прошлое хранит.

Как будто дело все в раскопках,
Как будто небо и земля
Еще не слыхивали робких,
Звенящих жалоб хрусталя.

И будто эхо подземелий
Звучит в очищенном стекле,
И будто гул лесной метели
На нашем праздничном столе.

А может быть, ему обещан
Покой, и только тишина
Из-за его глубоких трещин
Стеклу тревожному нужна.

* * *

Вхожу в торфяные болота
С судьбою своею вдвоем,
И капли холодного пота
На лбу выступают моем.

Твой замысел мною разгадан,
Коварная парка-судьба,
Пугавшая смолоду адом,
Клейменой одеждой раба.

Ты бродишь здесь с тайною целью,
Покой обещав бытию,
Глушить соловьиною трелью
Кричащую память мою.

* * *

Скажу тебе по совести,
Очнувшейся от сна, —
Не слушай нашей повести —
Не для тебя она.

И не тебе завещаны
В предсмертной бормотне
И сказки эти вещие,
И россказни зловещие
У времени на дне.

Не комнатной бегонии
Дрожанье лепестка,
А дрожь людской агонии
Запомнила рука.

И дружество, и вражество,
Пока стихи со мной,
И нищенство, и княжество
Ценю ценой одной.

ЯСТРЕБ

С тоской почти что человечьей
По дальней сказочной земле
Глядит тот ястреб узкоплечий,
Сутулящийся на скале.

Рассвет расталкивает горы,
И в просветленной темноте
Тот ястреб кажется узором
На старом рыцарском щите.

Он кажется такой резьбою,
Покамест крылья распахнет.
И нас поманит за собою,
Пересекая небосвод.

БЕЛКА

Ты, белка, все еще не птица,
Но твой косматый черный хвост
Вошел в небесные границы
И долетал почти до звезд.

Когда в рассыпчатой метели
Твой путь домой еще далек
И ты торопишься к постели
Колючим ветрам поперек,

Любая птица удивится
Твоим пределам высоты.
Зимой и птицам-то не снится
Та высота, где лазишь ты.

И с ветки прыгая на ветку,
Раскачиваясь на весу,
Ты — акробат без всякой сетки,
Предохраняющей в лесу,

Где, рассчитав свои движенья,
Сквозь всю сиреневую тьму,
Летишь почти без напряженья
К лесному дому своему.

Ты по таинственным приметам
Найдешь знакомое дупло,
Дупло, где есть немножко света,
А также пища и тепло.

Ты доберешься до кладовки,
До драгоценного дупла,
Где поздней осенью так ловко
Запасы пищи собрала,

Где не заглядывает в щели
Прохожий холод ветровой
И все бродячие метели
Проходят мимо кладовой.

Там в яму свалена брусника,
Полны орехами углы,
По нраву той природы дикой,
Где зимы пусты и голы.

И до утра луща орехи,
Лесная наша егоза,
Ты щуришь узкие от смеха,
Едва заметные глаза.

СЛАВОСЛОВИЕ СОБАКАМ

1

Много знаю я собак —
Романтических дворняг:
Пресловутая Муму
С детства спит в моем дому.

Сердобольная Каштанка
Меня будит спозаранку,
А возлюбленная Жучка
У дверной танцует ручки.
И показывает удаль
Знаменитый белый пудель...

Много знаю я и прочих
Сеттеров, борзых и гончих.
Их Тургенев и Толстой
Приводили в лес густой...

2

Скоро я моих друзей
Поведу в большой музей;
В зал такой открою двери,
Где живут Чукотки звери.

Там приземистый медведь
Может грозно зареветь.
Там при взгляде росомахи
Шевелится шерсть от страха.

Там лиса стального цвета —
Будто краски рыжей нету,
И хитрющая лиса
Окунулась в небеса.

Рысь защелкает когтями
Над собаками-гостями,
И зловещ рысиный щелк,
И его боится волк.

Что ж к дверям вы сбились в кучку
И попрятались за Жучку,
Мои милые друзья,
Не слыхавшие ружья?

Вы привыкли к детской соске,
Вы, слюнявые барбоски,
Напугает тот музей
Моих маленьких друзей.

3

Где же те, что в этом мире
Как в своей живут квартире,
Где же псы сторожевые,
Где упряжки ездовые,

Почтальоны, ямщики
И разведчики тайги,
Что по каменным карьерам
Без дорог летят карьером?

Задыхаясь от пурги
Среди воющей тайги,
Полумертвые от бега,
Закусили свежим снегом

И опять в далекий путь,
Намозоля ремнем грудь,
Вы, рожденные в сугробах,
Вам сугробы были гробом.

И метель, визжа от злости,
Разметала ваши кости.
Вы торосистыми льдами
Шли медвежьими следами,

Растирая лапы в кровь,
Воскресая вновь и вновь.
Никогда вы не видали
На груди своей медали.

Кто почтил похвальным словом
Псов Георгия Седова?
Их, свидетелей трагедий,
Съели белые медведи.

Сколько их тащило нарты,
Курс на норд по рваной карте
В ледяных полях полярных,
Запряженные попарно.

И в урочищах бесплодных
Сколько их брело голодных,
Битых палками в пути?
Где могилы их найти?

4

Сколько раз я, умирая,
Сам пути себе не зная,
Потеряв и свет, и след,

Выходил на звуки лая,
Чтоб моя тропа земная,
Стежка горестей и бед

В том лесу не обрывалась,
Чтобы силы оставалось
У меня на много лет.

БАЛЛАДА О ЛОСЕНКЕ

У лиственницы рыжей,
Проржавленной насквозь,
Мои ладони лижет
Губастый серый лось.

Ружья еще не слышал
И смерти не искал.
Ко мне навстречу вышел,
Спустился с дальних скал.

В лесу ему — раздолье,
Но в этот самый час
Встречаю я хлеб-солью
Его не в первый раз.

Он нынче здесь без старших;
Доверчив, бодр и смел,
Сюда стоверстным маршем
Лосенок прилетел.

В тайге нас только двое,
И нам дышать легко —
Все прочее живое
Укрылось далеко.

Мы грамоты не знаем,
И этот горный край
Всерьез считаем раем,
И чем бы он — не рай?

ГАРТ

Нашел я сплав, совсем дешевый,
Прошедшей тягостной зимой.
Он оловянный и свинцовый
И перемешанный с сурьмой...

Он бы пригоден был для гарта,
Любой печатне послужил,
Но не рассказами Брет Гарта,
А болью выстуженных жил.

Он нам годится только в смеси,
В приплавке силы золотой,
Чтоб нам рассказывать о лесе
Почти с библейской простотой,

Чтоб нам рассказывать про горы,
Болота, реки, камни, мхи,
Каким едва ли будут впору
Мои стесненные стихи.

Он нам годится для парабол
Иносказательных речей
В игре запутаннейших фабул
Среди стосуточных ночей.

* * *

Какая в августе весна?
Кому нужна теперь она?
Ведь солнце выпито до дна
Листвою, пьяной без вина.
Моя кружится голова,
И пляшет пьяная листва.
Давно хрупка, давно желта
Земная эта красота.
И ходит вечер золотой
В угрюмой комнате пустой.
И осень бродит на дворе
И шепчет мне о сентябре.
Гляжу на наши небеса.
Там невозможны чудеса.
Давно уж темной пеленой
Покрыто небо надо мной.
И с небосвода дождик льет,
И безнадежен небосвод.
И осень, видно, из нерях,
И мной задержана в дверях.
Таких не видывал грязнуль
Прошедший солнечный июль.
И если б я хотел и мог,
Я б запер двери на замок.
Не может время мне помочь
Обратно лето приволочь.
И все же в сердце зажжена
Весна.

* * *

Мне недолго побледнеть
И навек остолбенеть.

Если ж только не умру,
То продрогну на ветру.

Впрочем, что мне горевать
И держаться за кровать.

Если даже шар земной
Будет вовсе ледяной,

Я мороза не боюсь.
Я слезами обольюсь.

Мои слезы — горячи,
У меня глаза — лучи.

У меня в разрезе рта
Затаилась теплота.

Пусть сорвется с языка
Раскаленная тоска.

Пусть она расплавит лед
Всех арктических широт.

Я к любому подойду,
Будто где-нибудь в саду,

Крепко за руку возьму
И скажу в лицо ему:

Я, товарищ, инвалид.
У меня душа болит.

Все, что знал когда-то я,
Те скрижали бытия,

Правду жизни, правду льда
Я запомнил навсегда.

И пойду домой — слепой,
Возвышаясь над толпой.

Палку высуну вперед,
Пробираясь сквозь народ.

Не безумный, не немой,
Я иду к себе домой.

* * *

Пускай за нас расскажут травы,
Расскажут камни и снега,
В чем были правы, в чем не правы
И в чем была права пурга.

Пускай за нас расскажут птицы,
Что нынче в поисках кормов
Слетелись около столицы,
Ее старинных теремов.

Пускай же, горбясь и сутулясь,
Ероша перья на спине,
Они летят вдоль наших улиц,
Отлично видимые мне.

Им снег полезней манной каши,
Им лед — блаженство и уют.
Они, как я, из синей чаши
Холодный воздух жадно пьют.

* * *

Ты слишком клейкая, бумага,
И от тебя мне не отстать,
Не сделать в сторону ни шагу,
Не опуститься на кровать.

Ведь страшно ей проснуться белой,
Какой ложилась ввечеру,
И быть от солнца пожелтелой
И выгоревшей на ветру.

Уж лучше б все она стерпела,
Ходя в любых черновиках,
Лишь только б ей не быть без дела
И не остаться в дураках.

И хорошо, что есть чернила,
Чтобы услышанное мной,
Бумага свято сохранила
И увела на свет дневной.

* * *

Ты видишь, подружка,
Что облака стружка
Просыпана на небеса.

А ветра здесь нету,
Чтоб вынести эту
Вихрастую стружку в леса.

Что лайковой ивы
Цветных переливов
Под солнцем сегодня не счесть.

Что листья так липки,
А ветки так гибки,
Что можно их в косы заплесть.

А елки зубчатых
Зеленых перчаток
Не снимут, не сбросят весной,

И нынче и прежде
Все в зимней одежде
Встречают и холод и зной.

Но время пролиться
Невидимой птицы
Весеннему пенью, и вот

Звенит поднебесье
Знакомою песней, —
И жаворонок поет...

* * *

В воле твоей — остановить
Этот поток запоздалых признаний.
В воле твоей — разорвать эту нить
Наших воспоминаний.

Только тогда разрывай до конца,
Чтобы связавшая крепко вначале,
Если не судьбы, то наши сердца,
Нить, как струна, зазвучала...

* * *

Я о деревьях не пишу,
Я приказал карандашу
Бежать любых пейзажей.

Все, что в глаза бросалось днем,
Я, перед лунным встав огнем,
Замазываю сажей.

А скалы — скалы далеки.
Они не так уж высоки,
Как я когда-то думал.

Но мне по-прежнему близки
Людские приступы тоски,
Ее ночные шумы.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Вдруг ослепляет солнца свет,
И изменяют разом цвет
Поля,
И жарко дышит синевой,
И к небу тянется травой
Земля.

У КРАЯ ПОЖАРА

Взлетающий пепел пожара,
Серебряный легкий туман
Мешается с дымом и паром,
Сырым ядовитым угаром
Дорогу запутает нам.

Наверно, и мы несчастливы,
Что сумрачны и молчаливы,
И так напряженно глядим
На синей травы переливы,
На черный приземистый дым.

* * *

Я целюсь плохо зачастую,
Я забираю слишком вверх,
Но мой заряд не вхолостую,
И выстрел мой — не фейерверк.

Нет, я не гнался за удачей.
Ствол, раскаленный горячо,
Дал выстрел с тяжкою отдачей,
Меня ударившей в плечо.

Всего за миг до перегрева,
Когда, казалось, у стрелка
Лишилась меткости от гнева
Уже нетвердая рука.

Я брошен наземь в той надежде,
Что, погруженный в эту грязь,
Я буду меток так, как прежде,
В холодной луже остудясь.

* * *

Приводит нынешнее лето
Послушать пенье в темный лес,
И вместо древнего дуэта —
Дуэта моря и небес —

Вся чаща тысячами звуков
Тревожит нынче сердце мне,
Чтобы и я постиг науку
Сопротивленья тишине.

* * *

Незащищенность бытия,
Где горя слишком много,
И кажется душа твоя
Поверхностью ожога,

Не только грубостью обид,
Жестокостью суждений,
Тебя дыханье оскорбит,
Неловкий взгляд заденет.

И, очевидно, оттого
Совсем не в нашей воле
Касаться сердца твоего,
Не причиняя боли.

И тяжело мне даже стих
Бросать, почти не целясь,
В тех детских хитростей твоих
Доверчивую прелесть.

* * *

Мечта не остается дома,
Не лезет в страхе под кровать,
Когда горит в степи солома,
Она с пожарами знакома,
Ее огнем не испугать.

Мечта окапывает поле,
Оберегая отчий дом,
И кто сказал, что поневоле
Она беснуется от боли,
Когда сражается с огнем.

Ручей, кипящий по соседству,
Ее от смерти не спасет.
Она другое знает средство,
Что ей досталось по наследству
И с детства взято на учет.

Она не бросится к заречной
Недостижимой стороне,
А хладнокровно и беспечно
Она огонь запалит встречный
Поближе к огненной волне.

И ярко вспыхивают травы,
И обожженная земля
В дыму, в угаре, в черной славе
На жизнь свое отыщет право
И защитит свои поля.

* * *

Гроза, как сварка кислородная,
И ей немало нынче дела,
Чтобы сухая и бесплодная
Земля опять зазеленела.

Земля и небо вместе связаны,
Как будто мира половинки
Скрепили этой сваркой газовой —
Небесной техники новинкой.

Земля хватает с неба лишнего
Во время гроз, во время бури
И средь заоблачного, вышнего,
Средь замутившейся лазури.

Она привыкла бредить ливнями
И откровеньем Иоанна,
Нравоучениями дивными,
Разоблачением обмана.

Но все ж не знаменьем магическим —
Франклиновым бумажным змеем
Мы ловим высверк электрический
И обуздать грозу посмеем.

Все приготовлено для этого:
И листьев бурное кипенье,
И занавесок фиолетовых
В окне мгновенное явленье.

* * *

Всю ночь он трудится упорно
И на бумажные листки
Как бы провеивает зерна
Доспевшей, вызревшей тоски.

Сор легкомысленного слова,
Клочки житейской шелухи
Взлетают кверху, как полова,
Когда слагаются стихи.

Его посев подобен жатве.
Он, собирая, отдает
Признанья, жалобы и клятвы
И неизбежно слезы льет.

Тем больше слез, тем больше плача,
Глухих рыданий невзначай,
Чем тяжелее и богаче
Его посев и урожай.

ВОДОПАД

В свету зажженных лунной ночью
Хрустальных ледяных лампад
Бурлит, бросает пены клочья
И скалит зубы водопад.

И замороженная пена
Выносится на валуны,
В объятья ледяного плена
На гребне стынущей волны.

Вся наша жизнь — ему потеха.
Моленья наши и тоска
Ему лишь поводом для смеха
Бывали целые века.

ЧЕРНАЯ БАБОЧКА

В чернила бабочка упала —
Воздушный, светлый жданный гость, —
И цветом черного металла
Она пропитана насквозь.

Я привязал ее за нитку,
И целый вечер со стола
Она трещала, как зенитка,
Остановиться не могла.

И столько было черной злости
В ее шумливой стрекотне,
Как будто ей сломали кости
У той чернильницы на дне.

И мне казалось: непременно
Она сердиться так должна
Не потому, что стала пленной,
Что крепко вымокла она,

А потому, что, черным цветом
Свое окрасив существо,
Она не смеет рваться к свету
И с ним доказывать родство.

ДОЖДЬ

Уж на сухой блестящей крыше
Следа, пожалуй, не найдешь.
Он, может быть, поднялся выше
Глубоко в небо, этот дождь.

Нет, он качается на астрах,
В руках травинок на весу,
Томится он у темных застрех,
Дымится, как туман в лесу.

Его физические свойства
Неуловимы в этот миг,
И им свершенное геройство
Мы отрицаем напрямик.

И даже мать земля сырая,
И даже неба синева
Нам вторят, вовсе забывая
Дождя случайные слова.

ОБОГАТИТЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

Мы вмешиваем быт в стихи,
И оттого, наверно,
В стихах так много чепухи,
Житейской всякой скверны.

Но нам простятся все грехи,
Когда поймем искусство
В наш быт примешивать стихи,
Обогащая чувство.

* * *

Деревья скроются из глаз,
Суют под ноги сучья,
Хотят с дороги сбросить нас
Таинственные крючья.

Мы — меньше всех, мы — мельче всех,
Мы — просто пешеходы.
И на пути не счесть помех,
Поставленных природой, —

Оврагов, рек, ущелий, ям,
Куда упасть недолго,
Как ты бы ни был бодр и прям
И преисполнен долга.

На нас с разбега небосвод
Из-за угла наткнется
И нас на клочья разнесет,
Столкнет на дно колодца.

И только встречная луна,
Светящая как фара,
Нарочно небом зажжена
В предчувствии удара.

ТРЕТЬЯ ПАРКА

Три пряхи жизнь мою прядут,
Чтобы скорей вплеталась
В живую жизнь любых причуд,
В любую небывалость.

Зачем же ты явилась здесь,
Надев одежду пряхи,
Как ты могла на небо влезть,
Презрев людские страхи?

Но ты — не та, что сучит нить
Волокна звездной пряжи,
Что рада счастье сохранить,
Судьбу спасти от кражи.

И ты — не та, что вьет клубок,
Запутывая нити
Моих извилистых дорог
Среди мирских событий.

Ты — та, что жизнь остановить
Всегда имеет право,
Что может перерезать нить
Моей судьбы и славы.

Затем и ножницы даны
В девические руки,
Чтобы казнила без вины,
А просто так — от скуки...

ГНЕЗДО

Гнездо твое не свито
И не утеплено
И веточками быта
Не переплетено.

Твои хоромы тесны,
Холодны и жестки
В вершинах скал отвесных
У берега реки.

Средь каменных расселин,
Обвитых лентой льда,
Куда не может зелень
Взобраться никогда.

Твое гнездо, квартира,
Откуда видишь ты
Не меньше чем полмира
С надменной высоты.

Ты греешь камень мертвый
Своим живым теплом,
И когти твои стерты
Об острый камнелом.

От суетной столицы
За десять тысяч верст
Твое гнездо, орлица,
Почти у самых звезд.

РОЩА

Еще вчера, руками двигая,
Листвы молитвенник листала.
Еще казалась вещей книгою
Без окончанья и начала.

А нынче в клочья книга порвана,
Букварь моей начальной школы,
И брошена на тропы черные
В лесу, беспомощном и голом.

И дождик пальцами холодными
Перебирает листья хмуро,
Отыскивая темы модные,
Пригодные литературе.

А листья письмами подметными
Дрожат у отсыревшей двери,
Стучат в ночные стекла потные,
Шуршат и молят о доверье.

В окно увижу муки дерева,
Морозом скрюченные кисти,
Ему когда-то люди верили,
Его выслушивая листья.

Я трону мышцы узловатые
Измученного исполина
И преждевременно горбатую,
Ветрами согнутую спину.

Я верю, верю в твердость мускулов,
Живой наполненную силой,
Не знающей ни сна, ни устали
И не боящейся могилы.

* * *

Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...

* * *

Цепляясь за камни кручи,
Закутанные тряпьем,
Мы шьем на покойников тучи,
Иголками хвои шьем.

И прямо около дома,
Среди предгрозовой мглы,
Порожние ведра грома
Бросаем вниз со скалы.

ГОМЕР

Он сядет в тесный круг
К огню костра меж нами,
Протянет кисти рук,
Ловя в ладони пламя.

Закрыв глаза и рот —
Подобье изваянья,
Он медленно встает
И просит подаянья.

Едва ли есть окрест
Яснее выраженья,
Чем этот робкий жест
Почти без напряженья.

С собой он приволок
Заржавленную банку,
Походный котелок —
Заветную жестянку.

Изгибы бледных губ
В немом трясутся плаче.
Хлебать горячий суп —
Коварная задача.

Из десен кровь течет,
Разъеденных цингою, —
Признанье и почет,
Оказанный тайгою.

Он в рваных торбасах,
В дырявых рукавицах,
И в венчиках-слезах
Морозные ресницы.

Стоит, едва дыша,
Намерзшийся калека,
Поднимет не спеша
Морщинистые веки.

Мирская суета —
Не веская причина
Хранить молчанье рта,
Зажав его морщины.

И в голосе слышна
Пронзительная сила,
И пенная слюна
В губах его застыла.

Он — музыка ли сфер
Гармонии вселенной?
Бродячий Агасфер,
Ходячий труп нетленный.

Он славит сотый раз
Паденье нашей Трои,
Гремит его рассказ
О подвигах героя.

Гремит его рассказ,
Почти косноязычный,
Гудит охрипший бас,
Простуженный и зычный.

А ветер звуки рвет,
Слова разъединяя,
Пускает в оборот,
В народ перегоняя.

То их куда-то вдаль
Забрасывает сразу,
То звякнет, точно сталь,
Подчеркивая фразу.

Что было невпопад
Иль слишком откровенно,
Отброшено назад,
Рассеяно мгновенно.

Вокруг гудит оркестр
Из лиственниц латунных,
Натянутых окрест,
Как арфовые струны.

И ветер — вот арфист,
Артист в таком же роде,
Что вяжет вой и свист
В мелодию погоды.

Поет седой Гомер,
Мороз дерет по коже.
Частушечный размер
Гекзаметра построже.

Метелица метет
В слепом остервененье.
Седой певец поет
О гневе и терпенье.

О том, что смерть и лед
Над песнями не властны.
Седой певец поет,
И песнь его — прекрасна.

* * *

Опять заноют руки
От первого движения,
Опять встаю на муки,
На новое сраженье.

Представлю на мгновенье
Все будущие сутки,
Неискренние мненья,
Божбу и прибаутки.

Глаза закрою в страхе
И в сон себя запрячу,
И ворот у рубахи
Раскрою и заплачу,

Чтобы рассвет немилый
Встречать без осужденья,
Как много нужно силы
При каждом пробужденье.

* * *

Ведь мы не просто дети
Земли,
Тогда бы жить на свете
Мы не могли.

В родстве с любым и небо
И облака,
А то укрылась где бы
Тоска?

И в горле песни птичьей
Подчас тона,
И кажется сугубо личной
Луна.

НАЕДИНЕ С ПОРТРЕТОМ

Ты молча смотришь со стены,
Боярыня Марина,
Залита пятнами луны,
Как стеарином.

Ты взглядом гонишь муть и хмарь
Бесовского веселья.
Дрожит наследственный янтарь
На ожерелье.

А может, это ложь луны,
И сквозь луны уловки
На шее явственно видны
Узлы веревки.

* * *

Лицо твое мне будет сниться,
Бровей синеющих разлет
И тот, завешенный ресницей,
Голубоватый вечный лед.

Но забушует в мире буря
И переменит прежний цвет
Той безмятежнейшей лазури
На краски горести и бед.

Сверкнет ли россыпь золотая
Среди подземных мерзлых руд,
Когда глаза твои растают,
Слезами злобы изойдут.

Или какой-то страсти взрывом,
В тебе гнездящейся давно,

Внезапным радостным порывом
Раскрыто черное окно.

И взглядом долгим и упорным
Ты на меня глядишь тайком.
Своим невидящим и черным,
Как бы обугленным зрачком.

* * *

Нет, я совсем не почтальон,
Простой разносчик плача,
Я только тем отягощен,
Что даром слов не трачу.

Ведь я не думал петь и жить,
Дрожа измерзшим телом,
Но долга этого скостить
Земля мне не хотела.

А я хватался ей назло,
Вставая спозаранок,
То за шахтерское кайло,
А то и за рубанок.

И я ее строгал и бил,
Доказывая этим,
Как крепко я ее любил
Одну на целом свете.

Но, вырывая обушок
Из пальцев ослабелых,
Стереть грозилась в порошок
Меня в пустынях белых.

Она сварила щей горшок,
Дала краюху хлеба,
В дорожный сунула мешок
Куски и льда, и неба.

Уж недалек конец пути,
И силы так немного.
Мне только б слезы донести
До первого порога.

* * *

Ветров, приползших из России,
Дыханье чувствует рука —
Предвестие эпилепсии
Иль напряженье столбняка.

Давно потерян счет потерям,
И дни так призрачно легки,
И слишком радостно быть зверем,
И навсегда забыть стихи.

Но бедных чувств ограниченье,
Вся неурядливость мечты,
Встает совсем в ином значенье
В гипнозе вечной мерзлоты.

Зачем же с прежнею отвагой
Я устремляюсь в дальний путь?
Стихи компрессною бумагой
Давно положены на грудь.

Чего бояться мне? Простуды,
Колотья в сердце иль в боку?
Иль впрямь рассчитывать на чудо,
На самовластную тоску.

Есть состоянье истощенья,
Где незаметен переход
От неподвижности — к движенью,
И — что страшней — наоборот.

Но знаю я, что там, на воле,
С небес такой же валит снег
И ждет, моей болея болью,
Меня зовущий человек.

* * *

Нет, нет, не флагов колыханье,
С небес приспущенных на гроб, —
Чужое робкое дыханье
Его обвеивает лоб.

Слова любви, слова разлуки
Щекочут щеки мертвецу,
Чужие горестные руки
Скользят по серому лицу.

Как хорошо, что тяжесть эту
Не ощутить уже ему,
В гробу лежащему поэту,
И не измерить самому.

Он бы постиг прикосновений
Красноречивейший язык,
Порыв бесстрашных откровений
В последний час, в последний миг.

Лица разглажены морщины,
И он моложе, чем вчера.
А каковы смертей причины —
Об этом знают доктора.

* * *

Я нынче — только лицедей
Туманом выбеленных далей,
Оленьих топких площадей,
Глухих медвежьих магистралей.

Я все еще твержу слова,
Какие слышал в том рассвете.
Мне нашептала их трава,
Слова неслыханные эти.

Что речи вещих мудрецов
Перед собраньем откровений,
Репья, бурьяна и волчцов —
Простых кладбищенских растений.

* * *

Ведь только утром, только в час
Рассветного раздумья,
Когда исчерпан весь запас
Притворства и безумья,

Когда опасность — как петля,
Свисающая с крюка,
Мое сознанье оголя,
Манит минутной мукой.

Тогда все тени на стене —
Миражи ясновидца,
И сам с собой наедине
Боюсь я находиться.

НОЧЬЮ

Я из кустов скользну, как смелый,
Как исхудавший хищный зверь,
Я навалюсь костлявым телом
На робко скрипнувшую дверь.

Я своего дождался часа,
Я встану тенью на стене,
И запах жареного мяса
Щекочет властно ноздри мне.

Но я — не вор, я — только нищий,
В холодном бьющийся поту,
Иду как волк на запах пищи
И тычу пальцы в темноту.

Я открываю занавеску,
И синеватый лунный свет
Вдруг озаряет блеском резким
Пустой хозяйский кабинет.

Передо мной на полках книжных
Теснятся толпы старых книг,
Тех самых близких, самых ближних,
Былых товарищей моих.

Я замираю ошалело,
Не веря лунному лучу.
Я подхожу, дрожа всем телом,
И прикоснуться к ним хочу.

На свете нет блаженней мига
Дерзанья дрогнувшей руки —
Листать теплеющие книги,
Бесшумно трогать корешки.

Мелькают литеры и строчки,
Соединяясь невпопад.
Трепещут робкие листочки
И шелестят как листопад.

Сквозь тонкий, пыльный запах тленья
Телесной сущности томов
Живая жизнь на удивленье
И умиленье всех умов.

Про что же шепчет страшный шелест
Сухих заржавленных страниц?
Про опозоренную прелесть
Любимых действующих лиц.

Что для меня своих волнений
Весьма запутанный сюжет?
Ведь я не с ним ищу сравнений,
Ему подобья вовсе нет.

Волнуют вновь чужие страсти
Сильней, чем страсть, чем жизнь своя.
И сердце рвут мое на части
Враги, герои и друзья.

И что мне голод, мрак и холод
В сравненье с этим волшебством,
Каким я снова сыт и молод
И переполнен торжеством.

* * *

Не поймешь, отчего отсырела тетрадка —
То ли ночью излишне обильна роса?
То ли жить той тетрадке настолько несладко,
Что забила глаза ей слеза?

А глаза ведь смотрели и ясно и жадно
На деревья с зеленой мохнатой корой,
На вечерней реки перелив шоколадный,
На лиловый туман под горой.

Почему же мое помутневшее зренье
Твоего разглядеть не сумело лица?
Неужели мне больше не ждать озаренья
И навек превратиться в слепца?

* * *

Лучше б ты в дорожном платье
Не ходила у моста,
Не кидалась бы в объятья
Неуклюжего куста.

На плече плакучей ивы
Разрыдалась ты сейчас,
Не сводя с крутых обрывов
Широко раскрытых глаз.

Для чего ж ты испытала
Притяжение луны,
Слабый запах краснотала,
Горький аромат весны...

ЗЕМЛЯ СО МНОЮ

Я на спину ложусь,
И вместе с целым светом
Я по́солонь кружусь
Веселым этим летом.

Кругом меня — леса,
Земля же — за спиною.
Кривые небеса
Нагнулись надо мною.

Уже моя рука,
Дрожа нетерпеливо,
Вцепилась в облака,
В щетину конской гривы.

Я будто волочу
Весь мир сейчас с собою
И сызнова хочу
Зажить его судьбою.

* * *

Мне полушубок давит плечи.
И ветер — вечный мой двойник —
Откроет дверь, задует свечи
И запретит вести дневник.

Я изорву, сомну страницу,
Шагну на шаткое крыльцо,
И — как пощечины — зарницы
Мне небом брошены в лицо.

Со мною шутит наше лето
В кромешной нашей темноте.
Сейчас не время для рассвета —
Часы, часы еще не те.

* * *

Поэты придут, но придут не оттуда,
Откуда их ждут.
Предместья всю жизнь дожидаются чуда,
И чудо на блюде несут.

Оно — голова Иоанна Предтечи,
Безмолвная голова.
Оно — немота человеческой речи,
Залитые кровью слова.

А может быть, той иудейской царевне
Не надо бы звать палачей?
И в мире бы не было их задушевней,
Задушенных этих речей.

Но слово не сказано. Смертной истомой
Искривлены губы, и мертвый пророк
Для этих детей, для толпы незнакомой
Сберег свой последний упрек.

Та клинопись накрепко врезана в кожу,
И буквы — морщины лица.
И с каждой минутой все четче и строже
Черты на лице мертвеца.

ТОСТ ЗА РЕЧКУ АЯН-УРЯХ

Я поднял стакан за лесную дорогу,
За падающих в пути,
За тех, что брести по дороге не могут,
Но их заставляют брести.

За их синеватые жесткие губы,
За одинаковость лиц,
За рваные, инеем крытые шубы,
За руки без рукавиц.

За мерку воды — за консервную банку,
Цингу, что навязла в зубах.
За зубы будящих их всех спозаранку
Раскормленных, сытых собак.

За солнце, что с неба глядит исподлобья
На то, что творится вокруг.
За снежные, белые эти надгробья,
Работу понятливых вьюг.

За пайку сырого, липучего хлеба,
Проглоченную второпях,
За бледное, слишком высокое небо,
За речку Аян-Урях!

* * *

Мне горы златые — плохая опора,
Когда высота такова,
Что страшно любого в пути разговора,
И кружится голова.

И что мне погода, приличья и мода,
Когда высота такова,
Что мне не хватает глотка кислорода,
Чтоб ясно звучали слова.

И колют мне грудь, угрожая простудой,
Весенние сквозняки.
И я вечерами, как будто на чудо,
Гляжу на чужие стихи...

* * *

Мигрени. Головокруженья
И лба и шеи напряженья.
И недоверчивого рта
Горизонтальная черта.

Из-за плеча на лист бумажный
Так неестественно отважно
Ложатся тени прошлых лет,
И им конца и счета нет...

* * *

Сказала мне соседка:
— Сходить бы вам к врачам,
Вы плачете нередко,
Кричите по ночам.

И маленькие дети
Боятся ваших слов.
Ужель на целом свете
Не станет докторов?

Но мне не отмолчаться
От ночи. В эту ночь
Врачи и домочадцы
Не могут мне помочь.

Я все слова припомнил,
Какими называл
Тебя в каменоломне
Среди дремавших скал.

Но сердце ведь не камень,
Его не уберечь.
К чему ж ломать стихами
Размеренную речь?

Все это ведь — не прятки,
А наша боль и быль,
Дырявые палатки,
Мороженая пыль.

От взрывов аммонита
Ложится жаркий дым
На каменные плиты
Тяжелым и густым...

Сегодня чести ради
Я волю дал слезам.
Их шорох по тетради
Услышал ночью сам.

Что сердцу было мило,
Потеряно в тщете.
Проклятые чернила
Расплылись на листе.

Мутны и непрозрачны
На свет мои стихи.
И рифмы — неудачны,
И жалобы — горьки.

Полны слова простые
Значением двойным.
И зря сушу листы я
Дыханием моим.

* * *

Пусть невелик окна квадрат,
Перекрещенный сталью,
Мне в жизни нет милей наград,
Чем эта встреча с далью,

Где даже солнце, изловчась,
На двор вползает снизу,
Скользит уже не первый час
По узкому карнизу.

Где у меня над головой,
В распахнутую фортку,
Влетает зайчик световой,
Блистательный и верткий...

Отсюда даль — совсем не даль, —
Ее, как запах вешний,
Ничто — ни камень и ни сталь —
Не сделают нездешней.

Она, как счастие мое,
За каменной стеною
На постоянное житье
Прописана со мною.

Но слышен громкий голос дня:
Гремят замком-затвором,
И отрезвляет жизнь меня
Карболовым раствором.

РАКОВИНА

Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну.

Я сам — подобье хрупких раковин
Былого высохшего моря,
Покрытых вычурными знаками,
Как записью о разговоре.

Хочу шептать любому на ухо
Слова давнишнего прибоя,
А не хочу закрыться наглухо
И пренебречь судьбой любою.

И пусть не будет обнаружена
Последующими веками
Окаменевшая жемчужина
С окаменевшими стихами.

* * *

Он в чердачном помещенье
В паутине и в пыли
Принял твердое решенье
Останавливать вращенье
Закружившейся Земли.

И не жди его к обеду:
Он сухарь с утра грызет.
И, подобно Архимеду,
Верит он в свою победу,
В то, что землю повернет.

Он — живительный источник,
Протекающий в песках,
И среди страстей непрочных
Он — источник знаний точных,
Обнаруженных в стихах.

Он — причина лихорадок,
Вызывающих озноб,
Повелительный припадок
Средь разорванных тетрадок —
Планов, опытов и проб.

В ЦЕРКВИ

Наши шеи гнет в поклоне
Старомодная стена,
Что закована в иконы
И свечой облучена.

Бред молений полуночных
Здесь выслушиваем мы,
Напрягая позвоночник,
Среди теплой полутьмы.

Пахнет потом, ярым воском,
Свечи плачут, как тогда...
Впечатлительным подростком
Забирался ты сюда.

Но тебе уж не проснуться
Снова в детстве, чтобы ты
Вновь сумел сердец коснуться
Правдой детской чистоты.

И в тебе кипит досада
От житейских неудач,
И тебе ругаться надо,
Затаенный пряча плач.

Злою бранью или лаской,
Богохульством иль мольбой —
Лишь бы тронуть эту сказку,
Что сияет над тобой.

* * *

Меня застрелят на границе,
Границе совести моей.
Кровавый след зальет страницы,
Что так тревожили друзей.

Когда теряется дорога
Среди щетинящихся гор,
Друзей прощают слишком много,
Выносят мягкий приговор.

Но есть посты сторожевые
На службе собственной мечты.
Они следят сквозь вековые
Ущербы, боли и тщеты.

Когда в смятенье малодушном
Я к страшной зоне подойду,
Они прицелятся послушно,
Пока у них я на виду.

Когда войду в такую зону
Уж не моей — чужой страны,
Они поступят по закону,
Закону нашей стороны.

Чтобы короче были муки,
Чтобы убить наверняка,
Я отдан в собственные руки,
Как в руки лучшего стрелка.

ВОСПОМИНАНИЕ

Колченогая лавчонка,
Дверь, в которую вошла
Драгоценная девчонка,
И — как будто не была.

Дверь до крайности заволгла
И по счету: раз! два! три! —
Не хотела слишком долго
Открываться изнутри.

И, расталкивая граждан,
Устремившихся в подвал,
Я тебя в старухе каждой,
Не смущаясь, узнавал.

Наконец ты появилась,
Свет ладонью затеня,
И, меняя гнев на милость,
Обнаружила меня.

Ты шагала в черной юбке
За решительной судьбой.
Я тащил твои покупки,
Улыбаясь, за тобой.

Свет таких воспоминаний —
Очевидных пустяков —
Явный повод для страданий
И завышенных стихов.

А стихи ведь только средство,
Только средство лишний раз
Ощутить твое соседство
В одинокий зимний час.

* * *

Какой же дорогой приходит удача?
Где нищенка эта скулит под окном?
И стонет в лесу, захлебнувшись от плача,
От плача по самом земном?

Неправда — удача дорогою воли
Идет, продвигаясь, вершок за вершком,
Крича от тупой, нарастающей боли,
Шагая по льду босиком.

Неправда — удача дорогою страсти
Приходит, и, верно, она
Не хочет дробиться на мелкие части
И в этом сама не вольна.

. . . .

Столы уж накрыты, и двери открыты,
И громко читают рассказ —
Зловещий рассказ о разбитом корыте,
Пугающий сыздетства нас.

* * *

Удача — комок нарастающей боли,
Что долго терпелась тайком,
И — снежный, растущий уже поневоле,
С пригорка катящийся ком.

И вот этот ком заслоняет полмира,
И можно его превратить,
Покамест зима — в обжитую квартиру
Иль — в солнце его растопить.

И то и другое, конечно, — удача,
Закон, говорят, бытия.

Ведь солнцу решать приходилось задачи
Трудней, чем задача моя.

* * *

Мечта ученого почтенна —
Ведь измеренье и расчет
Сопровождают непременно
Ее величественный ход.

Но у мечты недостоверной
Есть преимущество свое,
Ее размах, почти безмерный,
Ее небесное житье.

Ее пленительною силой
Людская страсть увлечена,
Бросая по свету могилы
И забывая имена.

Что в том, что нужно строить прочно?
Что нет естественных защит?
Все, что чрезмерно, что неточно,
Все поднимается на щит.

И даже то, что так ничтожно,
В чем героического нет,
Одною этой силой можно
Вести дорогою побед.

И можно ею лишь одною
Остановить солнцеворот —
Всей силой сердца запасною,
Внезапно пущенною в ход.

И все физически не просто,
И человек в согласье с ней
Повыше собственного роста
И самого себя сильней.

Так ищут подвигов без славы,
Так просятся в проводники
К вулканам, искрящимся лавой,
Через глухие ледники.

Так ищут лоцманского места,
Пока осенняя вода,
Сбивая снег в крутое тесто,
Еще не вылепила льда.

Мечты прямое назначенье,
Нам оживляющее рай,
Не только в преувеличенье,
В том, что хватает через край,

А в том, что в сердце нашем скрыто
И обнажается сейчас,
Чтоб быть единственной защитой
От треска слишком трезвых фраз.

И потому любой науке
Не угоняться за мечтой,
Когда она — добра порука
И щеголяет красотой.

Но мир вздохнет от облегченья,
Когда раскроет тот секрет,
Что для ее обозначенья
Еще и формулы-то нет.

Что в фосфорическом свеченье
Мечтой обещанных времен
Извечны поиски значенья
Ее таинственных имен.

СТИХИ В ЧЕСТЬ СОСНЫ

Я откровенней, чем с женой,
С лесной красавицей иной.

Ты, верно, спросишь, кто она?
Обыкновенная сосна.

Она не лиственница, нет,
Ее зеленый мягкий свет

Мне в сердце светит круглый год
Во весь земной круговорот.

В жару и дождь, в пургу и зной
Она беседует со мной.

И шелест хвойный, как стихи —
Немножко горьки и сухи.

И затаилась теплота
В иголках хвойного листа,

В ее коричневой коре,
С отливом бронзы при заре,

Где бури юношеских лет
Глубокий выщербили след,

Где свежи меты топора,
Как нанесенные вчера.

И нет секретов между мной
И этой бронзовой сосной.

И слушать нам не надоест
Все, что волнуется окрест.

Конечно, средь ее ветвей
Не появлялся соловей.

Ей пели песни лишь клесты —
Поэты вечной мерзлоты.

Зато любой полярный клест
Тянулся голосом до звезд.

Средь всякой нечисти лесной
Она одна всегда со мной.

И в целом мире лишь она
До дна души огорчена

Моею ранней сединой,
Едва замеченной женой.

Мы с той сосной одной судьбы:
Мы оба бывшие рабы,

Кому под солнцем места нет,
Кому сошелся клином свет,

И лишь оглянемся назад,
Один и тот же видим ад.

Но нам у мира на краю
Вдвоем не хуже, чем в раю...

И я горжусь, и я хвалюсь,
Что я ветвям ее молюсь.

Она родилась на скале,
На той же сумрачной земле,

Где столько лет в борьбе со льдом
Я вспоминал свой старый дом,

Уже разрушенный давно,
Как было жизнью суждено.

Но много лет в моих ночах
Мне снился тлеющий очаг,

Очаг светил, как свет звезды,
Идущий медленно во льды.

Звезда потухла — только свет
Еще мерцал немало лет.

Но свет померк, в конце концов
Коснувшись голых мертвецов.

И ясно стало, что звезда
Давно погасла навсегда.

А я — я был еще живой
И в этой буре снеговой,

Стирая кровь и пот с лица,
Решился биться до конца.

И недалек был тот конец:
Нависло небо, как свинец,

Над поседевшей головой,
И все ж — я был еще живой.

Уже зловещая метель
Стелила смертную постель,

Плясать готовилась пурга
Над трупом павшего врага.

Но, проливая мягкий свет
На этот смертный зимний бред,

Мне ветку бросила она —
В снегу стоявшая сосна —

И наклонилась надо мной
Во имя радости земной.

Меня за плечи обняла
И снова к бою подняла,

И новый выточила меч,
И возвратила гнев и речь.

И, прислонясь к ее стволу,
Я поглядел смелей во мглу.

И лес, не видевший чудес,
Поверил в то, что я — воскрес.

Теперь ношу ее цвета
В раскраске шарфа и щита:

Сияют ясной простотой
Зеленый, серый, золотой.

Я полным голосом пою,
Пою красавицу свою,

Пою ее на всю страну,
Обыкновенную сосну.

* * *

Замшелого камня на свежем изломе
Сверкнувшая вдруг белизна...
Пылает заката сухая солома,
Ручей откровенен до дна.

И дыбятся горы, и кажется странным
Журчанье подземных ключей
И то, что не все здесь живет безымянным,
Что имя имеет ручей.

Что он занесен на столичные карты,
Что кто-то пораньше, чем я,
Склонялся здесь в авторском неком азарте
Над черным узором ручья.

И что узловатые, желтые горы
Слезили глаза и ему,
И с ними он вел, как и я, разговоры
Про горную Колыму.

* * *

Хочу я света и покоя,
Я сам не знаю, почему
Гудки так судорожно воют
И разрезают полутьму.

Как будто, чтобы резать тучи,
Кроить на части облака,
Нет силы более могучей,
Чем сила хриплого гудка.

И я спешу, и лезу в люди,
Косноязыча второпях,
Твержу, что нынче дня не будет,
Что дело вовсе не в гудках...

* * *

Ты не срисовывай картинок,
Деталей и так далее.
Ведь эта битва — поединок,
А вовсе не баталия.

И ты не часть чужого плана,
Большой войны таинственной.
Пусть заурядного романа
Ты сам герой единственный.

Ты не останешься в ответе
За все те ухищрения,
С какими легче жить на свете,
Да, легче, без сомнения...

* * *

Да, он оглох от громких споров
С людьми и выбежал сюда,
Чтобы от этих разговоров
Не оставалось и следа.

И роща кинулась навстречу,
Сквозь синий вечер напролом,
И ветви бросила на плечи,
Напоминая о былом.

И судьбы встали слишком близко
Друг к другу, время хороня,
И было слишком много риска
В употреблении огня.

* * *

Воображенье — вооруженье,
И жить нам кажется легко,
Когда скала придет в движенье
И уберется далеко.

И у цветов найдется запах,
И птицы песни запоют,
И мимо нас на задних лапах
Медведи медные пройдут.

* * *

Нам время наше грозами
Напрасно угрожало,
Душило нас морозами
И в погребе держало.

Дождливо было, холодно,
И вдруг — такое лето,
Хоть оба мы — немолоды
И песня наша спета,

Что пелась за тюремными
Затворами-замками,
Бессильными и гневными
Упрямыми стихами,

Что творчества изустного
Была былиной новой,
Невольничьего, грустного,
Закованного слова.

И песни этой искренность,
Пропетой полным голосом,
Серебряными искрами
Пронизывает волосы...

* * *

Не только актом дарственным
Расщедрившейся сказки
Ты проступаешь явственно,
Как кровь через повязку.

И боль суровой карою
Опять ко мне вернулась,
Затем, что рана старая
Еще не затянулась.

Пока еще мы молоды
Душою и годами,
Мы лечим раны холодом,
Метелями и льдами.

Но, видно, в годы зрелые
Не будет облегченья
От слишком устарелого
Таежного леченья.

И смело ночью звездною,
Развеяв все туманы,
Мы лечим эту грозную,
Мучительную рану

Повязкой безыскусственной,
Пропитанной простою,
Горячей и сочувственной
Душевной теплотою.

* * *

Мы имя важное скрываем,
Чужою кличкою зовем
Ту, что мы лучше жизни знаем,
Чью песню с юности поем.

И от неназванного слова
Острее грусть, больнее боль,
Когда мы явственно готовы
Заветный выкрикнуть пароль.

Что за подпольщина такая?
Зачем уклончивее взор
У наступающего мая,
Вступающего в заговор?

Что охватил листву предместья,
Камней дорожных немоту.
И я и ты — мы с лесом вместе
Пережидаем темноту.

И в напряженное безмолвье,
В предгрозовую духоту
Условный знак ярчайших молний
Внезапно кинут в высоту.

И в этом новом освещенье,
Пока гроза недалеко,
Мы забываем запрещенья
И выдаем себя легко.

* * *

Есть мир. По миру бродит слово,
Не различая у людей
Ни малого и ни большого
В масштабах действий и идей.

Оно готово все на карту
Поставить из-за пустяка,
Оно в своем слепом азарте
Легко дорвется до греха.

И, меря все единой мерой,
На свой изломанный аршин,
Не хочет жертвовать пещерой
Для одиночества вершин.

* * *

Прочь уходи с моего пути!
Мне не нужна опора.
Я и один могу добрести
Узкой тропинкой в горы.

Дикие розы в горах цветут
В яркости небывалой.
Каждая сопка кажется тут
Будто от крови — алой.

Только лишь я разобрать могу
Кровь это или розы?
Лед ли блестит на плотном снегу
Или людские слезы?

Видишь — песок у меня в горсти?
Это — песок дорожный,
Не удивляйся и не грусти —
Все сожаленья ложны.

Ветер похода щекочет грудь,
Сердцу до боли тесно.
Залит луной одинокий путь,
Мне хорошо известный.

* * *

Все стены словно из стекла,
Секретов нет в любой квартире,
И я гляжу из-за угла
На все, что делается в мире.

Людского сердца кривизну
Я нынче вымерю лекалом
И до рассвета не усну
В моем унынье небывалом.

И вижу я, что честь и ложь
Вступили вновь в единоборство.
И в спину чести всажен нож,
И странно мне ее упорство.

Упасть бы наземь ей давно.
Тогда сказали б с одобреньем:
— Вот что наделало вино, —
И отвернулись бы с презреньем.

* * *

С тобой встречаемся в дожде,
В какой-то буре, в реве, в громе,
И кажется, что мы нигде
Иначе не были б знакомы.

Нам солнца, видно, и не ждать.
Нас не смутишь грозой нимало.
И вспышки молний — благодать,
Когда нам света не хватало.

* * *

Ты услышишь в птичьем гаме
В этот светлый, легкий час,
Что земля с ее снегами
Расступилась под ногами,
Но сдержала все же нас.

Суть бессилия мороза,
Очевидно, только в том,
Что мороз не может слезы
Объявить житейской прозой
В рассужденьях о былом.

Даже времени бессилье
Подтверждается сейчас
Тем, что крепнут наши крылья,
Не раздавленные былью,
Вырастая во сто раз.

А бессилие пространства
Не полетами ракет —
Измеряют постоянством,
Несмотря на годы странствий,
Без надежд и без побед.

Это — власть и сила слова,
Оброненного тайком.
Это слово — свет былого,
Зажигающийся снова
Перед жизнью и стихом.

Это слово — песни сколок —
Той, что пелась наугад,
Не достав до книжных полок,
Пелась в лиственницах голых,
Шелестя, как листопад.

Заглушенная поземкой,
Песня, петая негромко,
У созвездий на глазах
В разрывающих потемки
Ослепительных слезах.

* * *

Мы с ним давно, давно знакомы:
Час? Или век? И нет нужды
Нам из бревенчатого дома
Бежать куда-нибудь во льды.

И все рассказано, что надо,
И нам молчать не надоест —
Яснее слов одни лишь взгляды,
Яснее взглядов только жест.

Нам нет дорог из этой двери,
Нам просто некуда идти:
Ведь даже птицы, даже звери
Кончают здесь свои пути.

Чего я жду? Весны? Обеда?
Землетрясенья? Или той
Волны спасительного бреда
В сраженье с вечной мерзлотой?

* * *

Давно мы знаем превосходство
Природы над душой людской,
Ее поверив благородству,
Мы в ней отыскиваем сходство
С своей судьбою городской.

Мы по ее живем приметам.
Мы — мира маленькая часть,
Мы остальным всю жизнь согреты,
Его ночей, его рассвета
Всегда испытывая власть.

Чужой напяленною кожей
Мы смело хвалимся подчас.
И мы гордимся сами тоже,
Что на бездушное похожи
На слух, на ощупь и на глаз.

Тот тверд, как сталь, тот нем, как рыба,
Тот свищет, точно соловей.
А кто не дрогнул перед дыбой,
Тому базальтовою глыбой
Явиться было бы верней.

Чего же мне недоставало,
О чем я вечно тосковал?
Я восхищался здесь, бывало,
Лишь немотою минерала
Или неграмотностью скал.

Когда без всякого расчета
Весенней силою дождей
Творилась важная работа
Смывать и кровь и капли пота
Со щек измученных людей.

Где единица изнуренья?
Где измеренье нищеты?
И чем поддерживать горенье
В душе, где слышен запах тленья
И недоверчивость тщеты?

Не потому цари природы,
Что, подчиняясь ей всегда,
Мы можем сесть в бюро погоды
И предсказать ее на годы:
Погода — это ерунда.

А потому, что в нас чудесно
Повторены ее черты —
Земны, подводны, поднебесны,

Мы ей до мелочи известны
И с нею навек сведены.

И в ней мы черпаем сравненья,
И стих наполнен только тем,
Чем можно жить в уединенье
С природою в соединенье
Средь нестареющихся тем.

* * *

Тупичок, где раньше медник
Приучал мечтать людей,
Заманив их в заповедник
Чайников и лебедей.

Есть святые тротуары,
Где всегда ходила ты,
Где под скоропись гитары
Зашифрованы мечты.

Инструмент неосторожный
Раньше, чем виолончель,
Поселил в душе тревожной
Непредвиденную цель.

Фантастическая проза,
Помещенная в стихи, —
Укрепляющая доза
Человеческой тоски.

* * *

Был песок сухой, как порох,
Опасавшийся огня,
Что сверкает в разговорах
Возле высохшего пня.

Чтоб на воздух не взлетели,
Достигая до небес,
Клочья каменной метели,
Звери, жители и лес.

Были топкие трясины
Вместо твердых площадей,
Обращенные в машины,
Поглощавшие людей

Средь шатающихся кочек
На болоте, у реки.
Под ногами — только строчек
Ненадежные мостки.

* * *

Свет — порожденье наших глаз,
Свет — это боль,
Свет — испытание для нас,
Для наших воль.

Примета света лишь в одном:
В сознанье тьмы,
И можно бредить белым днем,
Как бредим мы.

* * *

Мне не сказать, какой чертою
Я сдвинут с места — за черту,
Где я так мало, мало стою,
Что просто жить невмоготу.

Здесь — не людское, здесь — Господне,
Иначе как, иначе кто
Напишет письма Джиоконде,
Засунет ножик под пальто.

И на глазах царя Ивана
Сверкнет наточенным ножом,
И те искусственные раны
Искусства будут рубежом.

И пред лицом моей Мадонны
Я плачу, вовсе не стыдясь,
Я прячу голову в ладони,
Чего не делал отродясь.

Я у себя прошу прощенья
За то, что понял только тут,
Что эти слезы — очищенье,
Их также «катарсис» зовут.

* * *

Гроза закорчится в припадке,
Взрывая выспренний туман,
И океан гудит в распадке,
А он — совсем не океан,

Ручей, раздутый половодьем,
Его мечта не глубока,
Хоть он почти из преисподней
Летел почти под облака.

И где искать причин упадка?
На даче? В Сочах? Или там —
В дырявой бязевой палатке,
Где люди верят только льдам.

Где им подсчитывают вины
И топчут детские сердца,
Где гномы судят исполинов,
Не замолчавших до конца.

И все стерпеть, и все запомнить,
И выйти все-таки детьми
Из серых, склизких, душных комнат,
Набитых голыми людьми.

И эти комнаты — не баня,
Не пляж, где пляшут и поют:
Там по ночам скрипят зубами
И проклинают тот «уют».

И быть на жизнь всегда готовым,
И силы знать в себе самом —
Жить непроизнесенным словом
И неотправленным письмом.

* * *

Какой еще зеленой зорьки
Ты поутру в чащобе ждешь?
Табачный дым глотаешь горький,
Пережидая дымный дождь?

Ты веришь в ветер? Разве право
На эту веру ты имел?
Оно любой дороже славы,
Оно — надежд твоих предел.

* * *

...А лодка билась у причала,
И побледневший рулевой
Глядел на пляшущие скалы
И забывал, что он — живой.

И пальцы в боли небывалой,
Не ощущаемой уже,
Сливались с деревом штурвала
На этом смертном рубеже.

И человек был частью лодки,
Которой правил на причал,
И жизнь была, как миг короткий,
По счету тех земных начал,

Что правят судьбы на планете,
И, воскрешая и губя,
И лишь до времени в секрете
Способны выдержать себя.

И вот, спасая наши души,
Они проводят между скал
Лишь тех, кто только им послушен,
Кто жизни вовсе не искал...

* * *

Что песня? — Та же тишина.
Захвачено вниманье
Лишь тем, о чем поет она,
Повергнув мир в молчанье.

Нет в мире звуков, кроме тех,
Каким душой и телом
Ты предан нынче без помех
В восторге онемелом.

Ты песне вовсе не судья,
Ты слышал слишком мало,
Ты песней просто жил, как я,
Пока она звучала.

* * *

Сирень сегодня поутру
Неторопливо
Отряхивалась на ветру
Брезгливо.

Ей было, верно, за глаза
Довольно
Дождя, что в ночь лила гроза
Невольно.

И пятипалым лепестком
Трясла в ненастье,
Сирень задумалась тайком
О счастье,

Не нужном людям до утра,
До света,
Хотя знакома и стара
Примета.

* * *

Опять застенчиво, стыдливо
Луной в квартиру введена
Та ночь, что роется в архивах
И ворошит всю жизнь до дна.

У ней и навыка-то нету
Перебирать клочки бумаг,
Она торопится к рассвету
И ненавидит свой же мрак.

Она почти что поневоле
Пугать обязана меня,
Сама порой кричит от боли,
Коснувшись лунного огня.

Да ей бы выгодней сторицей
По саду шляться вслед за мной,
И ей не в комнате бы рыться,
Ее пространство — шар земной.

Но при такой ее методе,
Как ясно совести моей,
Она нуждается в природе,
В подсказке лиц и тополей.

* * *

А мы? — Мы пишем протоколы,
Склонясь над письменным столом,
Ее язык, простой и голый,
На наш язык переведем.

И видим — в ней бушуют страсти
Куда сильней, чем наша страсть,
Мы сами здесь в ее же власти,
Но нам не сгинуть, не пропасть,

Пока не выскажется явно
Ее душа, ее строка,
Пока рассказ о самом главном
Мы не услышим от стиха.

Пускай она срывает голос
Порой почти до хрипоты,
Она за жизнь свою боролась,
А не искала красоты.

Ей не впервой терпеть лишенья,
Изнемогать от маеты,
И чистота произношенья
Не след душевной чистоты.

И время быть ее допросу:
Ее свидетельская речь
Слышна сквозь снежные заносы
И может нас предостеречь.

От легкомысленности песни,
От балагурства невпопад
Мир до сих пор для сердца тесен
И тесен также для баллад.

* * *

Слова — плохие семена,
В них силы слишком мало,
Чтобы бесплодная страна
Тотчас же зацветала.

Но рядом с песней есть пример
Живого поведенья,
Что не вмещается в размер,
Не лезет в отступленье,

Тогда короче будет срок
До урожайной жатвы,
Чему никто помочь не мог
Молитвой или клятвой.

И можно выжить среди льда,
И быть других чудесней,
Но лишь тогда, тогда, тогда,
Когда и жизнь — как песня.

В ЗАЩИТУ ФОРМАЛИЗМА

Не упрекай их в формализме,
В любви к уловкам ремесла.
Двояковыпуклая линза
Чудес немало принесла.

И их игрушечные стекла,
Ребячий тот калейдоскоп —
Соединял в одном бинокле
И телескоп и микроскоп.

И их юродство — не уродство,
А только сердца прямота,
И на родство, и на господство
Рассвирепевшая мечта.

Отлично знает вся отчизна,
Что ни один еще поэт
Не умирал от формализма —
Таких примеров вовсе нет.

То просто ветряная оспа
И струп болезни коревой.
Она не сдерживает роста:
Живым останется живой.

Зато другие есть примеры,
Примеры мщенья высших сил
Тем, кто без совести и веры
Чужому Богу послужил.

Кто, пораженный немотою,
Хватался вдруг за пистолет,
Чтоб доказать, чего б он стоил,
Когда б он был еще поэт.

Тот, кто хотел на путь поэта
Себя вернуть в конце концов,
Бегун кровавой эстафеты
Известных русских мертвецов.

Но рассудительные Боги
Не принимают смерть таких.
И им нужна не кровь двуногих,
А лишь с живою кровью стих...

СИНТАКСИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

Немало надобно вниманья,
Чтобы постичь накоротке
Значенье знаков препинанья
В великом русском языке.

Любая птичка-невеличка
Умела истово, впопад
Сажать привычные кавычки
Вокруг зазубренных цитат.

И нас сажали в одиночки,
И на местах, почти пустых,
Нас заставляли ставить точки
Взамен наивных запятых.

И, не моргнув подбитым глазом,
Не веря дедам и отцам,
Мы рвали слог короткой фразой
По европейским образцам.

Как ни чужда такая форма
Судьбе родного языка,
В нее влюбились непритворно
И вознесли за облака.

Бедна, должно быть, наша вера
Иль просто память коротка,
Когда флоберовская мера
Нам оказалась велика.

Тогда слова дышали в строчке
Запасом воздуха в груди,
Тогда естественная точка
Нас ожидала впереди.

И был период двухсотлетний,
Когда периодов длину
Любили вовсе не за сплетни,
За чувств и мыслей глубину.

Но страстный слог витиеватый
Давно уж нам не по нутру,
Слова пророков бесноватых
Давно мы предали костру.

Скучна, скучна нам речь Толстого,
Где двоеточий и не счесть,
Где позади любого слова
Знак препинанья может влезть.

Любой из нас был слишком робок,
Чтоб повести такую речь,
Где, обойдясь совсем без скобок,
Он мог бы всех предостеречь,

Чтобы в российской речи топкой
Не поскользнуться, не упасть,
Не очутиться бы за скобкой,
Под двоеточье не попасть.

Ехидно сеющий сомненья
Знак вопросительный таков,
Что вызывает размышленья
У мудрецов и дураков.

Зато в обилье восклицаний
Вся наша доблесть, наша честь.
Мы не заслужим порицаний
За восклицательную лесть.

И вот без страха и сомненья
Мы возвели глаза горé
И заменили разъясненья
Многозначительным тире.

По указующему знаку
Императивного перста
Мы повели слова в атаку,
И это было неспроста.

Нам лишь бы думать покороче,
Нам лишь бы в святочный рассказ
Не высыпались многоточья
На полдороге наших фраз.

А что касается подтекста
И лицемерных прочих штук,
То мы от них пускались в бегство,
Теряя перышки из рук.

А как же быть в двадцатом веке
С архивной «точкой с запятой»?
Ведь не найдется человека,
Кому она не «звук пустой».

Ведь дидактическая проза
Не любит «точки с запятой»,
Ею заученная поза
Всегда кичится простотой,

Той простотой, что, как известно,
Бывает хуже воровства,
Что оскопила даже песню
Во имя дружбы и родства.

И ни к чему ей философский,
Живущий двойственностью знак,
И в современный слог московский
Нам не ввести его никак...

Литературного сознанья
Осуществленный идеал
Находит в знаках препинанья
Консервативный материал.

* * *

Любой бы кинулся в Гомеры
Или в Шекспирово родство,
Но там не выручат размеры
И не поможет мастерство.

За лиру платят чистой кровью,
И, задыхаясь в хрипоте,
Гомеры жертвуют здоровьем
В своем служении мечте.

Они, как жизнь, всегда слепые
И сочиняют наугад,
Ведя сказания любые
Без поощрений и наград.

И разве зренье — поощренье,
Когда открылся горний мир?
Когда вселенная в движеньи
На струнах этих старых лир?

Высокопарность этой фразы
Гомерам нашим не под стать —
Им ни единого алмаза
Из темной шахты не достать.

Алмазы там еще не блещут,
Не излучают лунный свет,
И кайла попусту скрежещут,
Не добиваются побед.

Дрожит рука, немеет тело,
И кровь колотится в виски,
Когда старательское дело
Готово вылиться в стихи.

И побегут слова навстречу,
И отогнать их не успеть,
И надо многих искалечить,
Чтобы одно заставить петь.

И суть не в том, что наш старатель
С лотком поэзии в руках —
Обыкновенный обыватель
И только служит в горняках.

В руках-то он не может разве
Лоток как следует держать?
Он просто золота от грязи
Не научился отличать.

Ведь это просто неуместно,
Недопустимо наконец,
Когда лирическую песню
Нам о любви поет скопец.

И разве это не нелепость,
Что приглашаются юнцы
Вести тетрадь с названьем «Эпос»,
Где пишут только мудрецы.

* * *

Мне жизнь с лицом ее подвижным
Бывает больше дорога,
Чем косность речи этой книжной,
Ее бумажная пурга.

И я гляжу в черты живые
Издалека, издалека.
Глухие дали снеговые
Меня лишили языка.

Я из семейства теплокровных,
Я не амфибия, не гад,
Мои рефлексы — безусловны,
Когда меня уводят в ад.

Ни вдохновительный звоночек,
Ни лицемерный метроном
Не извлекут слюны из строчек,
Привыкших думать о живом.

МАРТ

То притворится январем,
Звеня, шурша, хрустя,
И льдом заклеивает дом,
Нисколько не шутя.

То он в обличье февраля,
Закутанный в пургу,
Свистя, выходит на поля,
И вся земля в снегу.

То вдруг зазвякает капель
Среди коньков и лыж.
Как будто падает апрель,
Соскальзывая с крыш.

Нет, нам не открывает карт
Игра календаря.
Таким ли здесь встречала март
Московская заря?

* * *

Я падаю — канатоходец,
С небес сорвавшийся циркач,
Безвестный публике уродец,
Уже не сдерживая плач.

Но смерть на сцене — случай редкий,
Меня спасет и оттолкнет
Предохранительная сетка
Меридианов и широт.

И до земли не доставая
И твердо веря в чудеса,
Моя судьба, еще живая,
Взлетает снова в небеса.

* * *

Она никогда не случайна —
Речная полночная речь.
Тебе доверяется тайна,
Которую надо сберечь.

Укрыть ее в склепе бумажном,
В рассказы, заметки, стихи,
Хранящие тайну отважно
До самой последней строки.

Но это еще не открытье,
Оно драгоценно тогда,
Когда им взрывают событья,
Как вешняя злая вода.

Когда из-под льда, из-под спуда,
Меняя рельеф берегов,
Вода набегает, как чудо
Расплавленных солнцем снегов.

* * *

Кто верит правде горных далей,
Уже укрывшихся во мгле,
Он видит были до деталей
В увеличительном стекле.

И в смертных датах, в грустных числах
Сквозь камень, будто сквозь стекло,
Он ищет хоть бы каплю смысла,
Каким оправдывалось зло.

И щеголяет отщепенством,
Прикрыв полою пиджака
Тетрадку, где с таким блаженством
Его свирепствует тоска.

* * *

Зачем я рвал меридианы?
К какой стремился широте?
Тесны полуночные страны
Окрепшей в холоде мечте.

Я снова здесь. Но нет охоты
Тому, кто видел горный край,
Считать московские долготы
За чье-то счастье, чей-то рай...

* * *

От солнца рукою глаза затеня,
Седые поэты читают меня.

Ну что же — теперь отступать невозможно.
Я строки, как струны, настроил тревожно.

И тонут в лирическом грозном потоке,
И тянут на дно эти темные строки...

И, кажется, не было сердцу милей
Сожженных моих кораблей...

1940—1956
Стихотворения, не вошедшие в «Колымские тетради»

* * *

Модница ты, модница,
Где ты теперь?
Как живется, ходится,
Гуляется тебе?

По волнам бегущая
Через все моря,
Любимая, лучшая,
Милая моя.

В море ли, на острове,
В горе ли, в беде
Платья твои пестрые
Видятся везде.

Следом горностаевым
Прыгаешь в снегах,
Со снежинкой, тающей
На сухих губах.

Брезгуя столицами,
В летнюю грозу
Скачешь синей птицею
По ветвям в лесу.

И на перьях радуга,
И в слезах глаза...
Повидаться надо бы
До́нельзя — нельзя!

* * *

Игрою детской увлеченный,
Я наблюдаю много лет,
Как одноногие девчонки
За стеклышками скачут вслед.

Мальчишки с ними не играют,
А лишь восторженно галдят,
Когда такая вместо рая
Вдруг попадает прямо в ад.

И неудачнице вдогонку
Грозятся бросить кирпичом.
На то она ведь и девчонка,
Им все, девчонкам, нипочем.

ПУРГА

Я лучше помолчу,
Пока растает лед,
Что горному ключу
Платком заткнули рот,

Что руки у реки
Развязывать нельзя,
Что нынче у пурги
Ослепшие глаза.

Но я сказать могу,
Что было б все иначе,
Когда бы к нам в тайгу
Пурга явилась зрячей.

От этих грозных гор
И камня не оставив,
Разбила бы забор
И выломала ставни.

Гуляя здесь и там,
Свою срывала б злобу,
Взъерошенным клестам
Пришлось глядеть бы в оба.

И зайцы в том краю
Не смели б показаться.
Куда-нибудь на юг
Гнала бы их, как зайцев.

И в снежной синей пене
Тонули бы подряд
Олени и тюлени,
Долины и моря...

КАРТОГРАФ

Картограф выбрался на гору,
Ночные звезды шевеля, —
На высоту свою, с которой
Чужою выглядит земля.

Картограф горы ловит в клетку,
Он землю ловко захлестнет
Географическою сеткой
Меридианов и широт.

Затем, чтобы магнитным ухом
Прослушать внутренность земли,
Ей распороть бурами брюхо,
Сюда разведчики пришли.

Придут небритые мужчины
На этот меченый простор,
Чтоб стали резкими морщины
На потемневших лицах гор.

Он у ветров тайги учился
Деревьям косы заплетать,
Он мясом с птицами делился
И ястребов учил летать.

Он у ручьев в грозу с дороги
Большие камни убирал,
Чтоб не сломать о камни ноги
Ручьям, бегущим возле скал.

Он добирался до истоков,
Где открывает ключ реку,
Чтобы она лилась потоком
И к морю вынесла строку.

Земля поставлена на карту
И перестала быть землей,
Она лежит на школьной парте
Не узнаваемая мной.

* * *

Кусты у каменной стены
Крошат листву передо мною,
И камни дна раскалены
И пышут банным душным зноем.

Стоят сожженные цветы
Под раскаленным небосводом
И ждут, чтоб наклонился ты,
И вырвал их, и бросил в воду.

Или унес к себе домой
От этой жаркой, твердой тверди,
Чтоб их не мучил больше зной,
Хоть за минуту перед смертью.

Чтоб там, в стакан вместясь с трудом,
Зашевелили лепестками
И робко в комнате потом
Тебя глазами бы искали.

И этот благодарный взгляд
Тебе бы был всего дороже,
Всех славословий и наград
И жизни всей дороже тоже.

РУБЛЕВ

Когда-то самый лучший
Российский богомаз,
Что попадать научен
Не в бровь, а прямо в глаз,

Знакомых сельских модниц,
Ведя на небеса,
Одел под Богородиц —
Иконы написал.

Конечно, он язычник
Без всяких выкрутас,
И явно неприличен
Его иконостас.

Но клобуки и митры
Знакомых мужиков
Сошли с такой палитры,
Исполненной стихов,

Что самый строгий схимник,
Прижизненный святой,
Смущен, как именинник,
Подарка красотой.

И Бог их не осудит
Хотя бы потому,
Что их не судят люди,
Любезные ему.

И Петр, узнав Андрея
Под ангельским венцом,
Закрестится скорее
И ниц падет лицом.

. . . .

В картинной галерее,
Где вовсе не собор,
О тех же эмпиреях
Заходит разговор.

Стоят немея люди
И думают одно:
Заоблачное чудо
На землю сведено.

Все нам покажет сразу,
Загадочно легка,
Невежды богомаза
Наивная рука.

* * *

Я пришел на ржавый берег
Перемятых рыжих скал,
Где когда-то Витус Беринг
Адмиралом умирал.

Где весенней силой полны,
Силой солнца и воды,
Напряженно и безмолвно
Выгибали спину льды.

Океан упрятал тело
Под саженный теплый лед,
Заворочался в постели,
Потянулся и встает.

Ледяное одеяло
Разрывает в лоскутки,
Грозным гневом обуялый
Тычет в небо кулаки.

И взволнованные воды,
Сотрясая якоря,
Подбивают пароходы
На прогулки по морям.

Океан затем разбужен,
Что весною корабли
Плыть готовы хоть по лужам,
Только б дальше от земли.

Он затем весной разбужен,
Что пролеживать бока
Круглый год совсем не нужно
Морякам и рыбакам.

Океан затем разбужен
От трехмесячного сна,
Что уже слабеет стужа
И командует весна.

Если б люди без флотилий
Проводили свою жизнь —
Океана б не будили,
Без него бы обошлись...

* * *

Я устаю от суеты
И ухожу сбирать цветы.

Я нахожу в любом цветке
Сопротивление тоске.

И я завидую ему —
Немому другу моему.

Цветок не вовсе даже нем,
Но этих специальных тем

Касаться нынче не хочу.
Цветы сбираю — и молчу.

ПЕГАС

Остановит лошадь конный,
Дрогнет ветхое крыльцо,
Исказит стекло балкона
Отраженное лицо.

И протянет всадник руки
Прямо к ржавому замку,
Конь шарахнется в испуге,
Брошен повод на луку.

Вслед за солнцем незакатным
Он поскачет все вперед,
Он по мостикам накатным
Перейдет водоворот.

Ради жизни, ради слова,
Ради рыб, зверей, людей,
Ради кровью налитого
Глаза лошади своей.

* * *

Не в пролитом море чернил
Мы ищем залоги успеха, —
Мы ищем, что мир схоронил,
Себе схоронил на потеху.

Что он от других уберег,
Таких же строителей жадных,
Умеющих кайлами строк
Врубаться в словарь беспощадно.

Но золото скрыто на дно,
И эту тяжелую тайну
Записывать нам суждено
Воистину только случайно.

Случайно руда найдена,
Хотя полноценна и щедра,
И будто до самого дна
Земли открываются недра.

И можно порвать черновик
И легкой походкою зверя
Уйти от могущества книг,
В могущество леса поверя.

* * *

Ощутил в душе и теле
Первый раз за много лет
Тишину после метели,
Равномерный звездный свет.

Если б пожелали маги
До конца творить добро,
Принесли бы мне бумаги.
Спички. Свечку. И перо.

КАМА ТРИДЦАТОГО ГОДА

По камским берегам каемкою
Звероподобные коряги —
Сюжеты скульптора Конёнкова,
Заполонившие овраги.

По камским берегам острогами
Селенья врезаны Ермачьи
И солеварни те, что Строганов
Устраивал в краях казачьих.

По камским берегам — строения,
Навек пропитанные солью,
И бархатные наслоения
Зеленой плесени Усолья.

Посад Орел, откуда начато
Завоевание Сибири,
Где гений воинства казачьего
Стоял когда-то на квартире...

Но бревна солеварен сломаны
Не топором, а динамитом,
И берега в рабочем гомоне
Торопят новые событья.

Ты, Кама, рыжая красавица,
Ты заплетаешь струи в косы,
Чтоб настоящему понравиться,
Бежишь рекой звонкоголосой.

* * *

Детский страх в тот миг короткий,
Расширяющий зрачки,
Принимает парус лодки
За акульи плавники.

Я бегу от этой сказки
Надвигающейся мглы
К материнской грубой ласке
В безопасные углы.

На печурку, на полати
Прячусь, все еще живой,
В потолок моей кровати
Упираюсь головой.

ПОЭЗИИ

Если сил не растрачу,
Если что-нибудь значу,
Это сила и воля — твоя.

В этом — песни значенье,
В этом — слов обличенье,
Немудреный секрет бытия.

Ты ведешь мою душу
Через море и сушу,
Средь растений, и птиц, и зверей.

Ты отводишь от пули,
Ты приводишь июли
Вместо вечных моих декабрей.

Ищешь верного броду,
Тащишь свежую воду
К моему пересохшему рту.

И с тобой обрученный,
И тобой облученный,
Не боясь, я иду в темноту.

И на небе — зарницы,
Точно перья Жар-птицы
Неизвестных еще островов.

Это — мира границы,
Это — счастья крупицы,
Это — залежь сияющих слов.

40°

Хлебнувши сонного зелья,
Давно улеглись в гамаки
И крепко в уснувшем ущелье
Крестовые спят пауки.

Журча, изменил выраженье
Ручья ослабевший басок,
И бабочки в изнеможенье
Ложатся плашмя на песок.

И с ними в одной же компаньи,
Бледнея от банной жары,
Теряя остатки сознанья,
Прижались к земле комары.

И съежились желтенькой астры
Тряпичные лепестки.
Но льдины — куски алебастра,
Нетающие куски...

А я по таежной привычке
Смородинный корень курю
И чиркаю, чиркаю спички
И сам с собой говорю...

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Не в первый раз судьба нас сводит,
Не в первый раз в вечерний час
Друг к другу за руки подводит
И оставляет глаз на глаз.

Но мы выдергиваем руки
Из рук настойчивой судьбы,
Науки радостной разлуки
Мы оба верные рабы.

И я, и ты на речи рока
Не откликаемся затем,
Что нет еще числа и срока
Для наших песен и поэм.

Но, никого не искушая,
В последний час, в последний раз,
Все разрешая, все прощая,
Судьба соединяет нас.

* * *

Подростком сюда затесался клен,
И сосен и елей моложе,
Чужой среди тонких латунных колонн,
Хотя и не краснокожий.

Ему тут не место. Ему не с руки,
Он сам заблудился в трех соснах.
И светят ему лишь одни светляки
И радуга фокусов росных.

СОСНА В БОЛОТЕ

Бог наказал сосну за что-то
И сбросил со скалы,
Она обрушилась в болото
Среди холодной мглы.

Она, живая вполовину,
Едва сдержала вздох.
Ее затягивала тина,
Сырой багровый мох.

Она не смела распрямиться,
Вцепиться в щели скал,
А ветер — тот, что был убийцей,
Ей руку тихо жал.

Еще живую жал ей руку,
Хотел, чтобы она
Благодарила за науку,
Пока была видна.

* * *

Кто ты? Руда, иль просто россыпь,
Иль самородок золотой,
Засевший в каменном откосе,
В болоте ставший на постой?

Ты в магазине ювелирном,
Умело согнутый в кольцо,
Глядишь металлом слишком мирным
И прячешь прежнее лицо.

Что исцарапано камнями,
Искажено, загрязнено,
Пока лежало в мерзлой яме,
Засосанное на дно.

Когда на тусклом мертвом лике,
Едва отличном от камней,
Мерцают солнечные блики —
Ты даже камня холодней.

Но вот ты наконец отмыто,
Металлом желтым становясь,
Все камешки с тебя отбиты,
Земная вычищена грязь.

Ты замерцаешь желтым светом,
Тишайшим светом золотым,
Прохожим солнцем разогрето,
Сравниться хочешь с ним самим.

* * *

Еще в покое все земное,
Еще не вырвался гудок
В глухое царство ледяное
Медвежьих и людских берлог.

Пустуют синие дороги,
И небосвод отменно чист,
Висит перед глазами Бога
Весь мир как ватмановский лист.

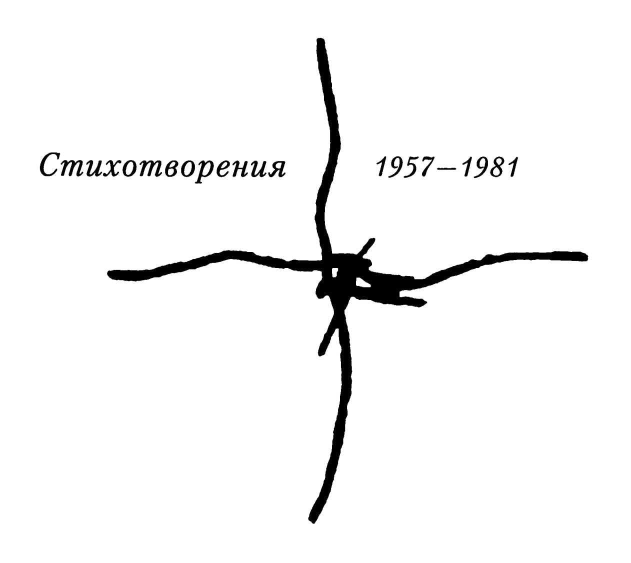
Еще без третьих измерений
Он весь как плоскость, как чертеж,
Предшествующий сотворенью,
На землю вовсе не похож.

Любое в нем чертою резкой
Себя граничит от других,
Он разноцветен, точно фреска,
В такой передгудочный миг.

* * *

Похолодеет вдруг рука,
И кровь с лица мгновенно схлынет,
И смертная дохнет тоска
Тяжелой горечью полыни.

Я умолкаю. Я клянусь,
Беззвучно шевеля губами,
Что я еще сюда вернусь,
Еще вернусь сюда — за вами!

Стихотворения *1957–1981*

ВВЕРХ ПО РЕКЕ

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек.
Вверх по течению веков
Плывет челнок.

Дрожит, гудит упругий шест,
Звенит струной,
Сама история окрест
Передо мной.

На устье — электронный мир,
Пришедший в города,
Шекспир, колеблющий эфир,
Тяжелая вода...

Еще недавно видел челн
Не цепи гор,
А золотых пшеничных волн
Земной простор.

Но мир кормилицы-земли,
Крестьянский быт —
Уже исчез внизу, вдали
И мглой покрыт.

Сейчас в охотничьем веку,
В глухой тайге
Я верю петле и силку,
Трехзубой остроге,

Шесту, что согнут словно лук,
Чтоб без весла
Был пущен тетивою рук
Челнок-стрела.

Уж недалек конец пути —
Реки исток,
И я назад могу идти
На веслах строк.

Чтоб к устью лодку привести
Речной волной
На историческом пути
Судьбы земной.

Ей даст дорогу пароход
В порту морском.
Взовьется гидросамолет
Над челноком.

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек,
Вверх по течению веков
Плывет челнок...

1957

КАЮР

Каюр — не просто проводник
Навьюченных оленей,
Он — чтец лесных и горных книг,
Скрижалей поколений.

Он знает, как скрипят пески,
Подтачивая скалы,
Как наползают ледники
На горло перевала.

Как по ущельям ручейки
Проносятся галопом,
Меняя русло у реки
И нам грозя потопом.

Природы музыка тонка,
Сложны фиоритуры,
Но их почувствует река
И передаст каюру.

1957

БИВЕНЬ

Когда утих стодневный ливень
И горы обрели язык,
Явился мамонтовый бивень,
Камнями выбеленный клык.

Он найден был в ущельях голых,
Едва расчищен был обвал,
И рассудительный геолог
Его сокровищем назвал.

И бивень древностью пещерной
В людской отправится музей,
Чтобы судьбой его ущербной
Залюбовался ротозей.

Чтоб по единой кости этой
Определялась бы без слов
Вся крепость мощного скелета,
Вся сила мускульных узлов.

Тот мамонт выл, дрожа всем телом,
В ловушке для богатырей,
Под визг и свист осатанелый
Полулюдей, полузверей,

Чьи сохли рты от жажды крови,
Чьи междометья, не слова,
Летели в яму в хриплом реве,
В косноязычье торжества.

Он, побиваемый камнями,
И не мудрец и не пророк,
А просто мамонт в смертной яме,
Трубящий в свой роландов рог, —

Он звал природу на подмогу,
И сохло русло у реки,
И через горные отроги
Перемещались ледники.

1957

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Тороплюсь, потому что старею,
Нынче время меня не ждет,
Поэтическую батарею
Я выкатываю вперед.

Чтоб прицельные угломеры
Добирались до подлеца,
Подхалима и лицемера,
Чернокнижника и лжеца.

Не отводит ни дня, ни часа
Торопящееся перо
На словесные выкрутасы,
Изготовленные хитро.

И недаром боятся люди,
Сторонящиеся меня,
Самоходных моих орудий
Разрушительного огня.

Кровь колотит в виски! Скорее!
Смерть не ждет! Да и жизнь не ждет!
Поэтическую батарею
Я выкатываю вперед.

1957

ВЕТЕР В БУХТЕ

По сообщенью баро́метра
Работа кончится нескоро.
Кидают вверх четыре ветра
Куски раздробленного моря.

Крылатых грузчиков лопаты
Выбрасывают из залива
Обломки тучи синеватой
И воду цвета чернослива.

Большое солнце ходит кругом
И наблюдает с небосвода,

Как из угла кидают в угол
Блестящую, как уголь, воду.

И на кунгасы, на баркасы
С опущенными якорями
Летят осколки черной массы,
Ветрами вырытой из ямы.

1957

КАМЕНОТЕС

Как грузчик в каменном карьере,
Морская трудится волна;
Ворчит и роется в пещере
И выгребает все со дна.

И день и ночь без всякой смены
Пересыпает, рушит, бьет,
В зеленой мгле, в соленой пене
Из глуби камни достает.

Так дышит грудь каменотеса,
Трудом взволнованная грудь,
Когда у скального откоса
Ложится море отдохнуть.

1957

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабытые давно,
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

1957

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Все начинается трубой
Достаточно искусной,
Гудит пастушеский гобой
Задумчиво и грустно.

Гобой — начало всех чудес.
В затейливом сравненье
Он — архитектора отвес
Для музыкостроенья.

И весь оркестр духовой,
Дыханье громобоя,
Идет дорогой звуковой
По голосу гобоя.

Напиток звука свеж и чист,
И это знает каждый.
И пьет мелодию флейтист,
Позеленев от жажды.

И геликон ревет, как слон,
Как будто бивни-трубы
Согнуть и свить способен он,
Пока в работе губы.

Хрипун, удавленник — фагот,
Типаж литературный,
И тот дает, разинув рот,
Пассаж колоратурный.

А у кларнета силы нет,
И он почти не дышит,
И только охает кларнет
Все тише, тише, тише.

На нотной лестнице тромбон
Споткнулся в нетерпеньи,
Он позабыл про камертон,
Про скользкие ступени.

Но дирижеру опыт дан,
Наверное, недаром,
И он взрывает барабан
Рассчитанным ударом.

Гудит струной дощатый пол,
И хлопают литавры,
Как будто вышел дискобол
И пожинает лавры.

И сотрясаются окрест
Все горы и все долы,
Покамест духовой оркестр
Играет марш веселый.

1957

РУЧЕЙ

Глубокие порезы
На ивовых корнях.
Ручей, как лист железа,
Грохочет на камнях.

С горы, с крутого гребня
Гремит вода ключа,
Как будто бы по щебню
Железо волоча.

По руслу-транспортеру,
Сверкая сквозь кусты,
Торопятся под гору
Железные листы.

Как будто бы с вершины
Прокатный цех небес
Обрезками с машины
Заваливает лес.

1957

ШОССЕ

Дорога тянется от моря
Наверх по берегу реки,
И гнут хребты под нею горы,
Как под канатом — бурлаки.

Они проходят друг за другом
В прозрачных северных ночах.
Они устали от натуги,
У них мозоли на плечах.

Они цепляются руками
За телеграфные столбы
И вытирают облаками
Свои нахмуренные лбы.

Через овраги, через ямы,
Через болота и леса
Шагают горы вверх и прямо
И тащат море в небеса.

1957

ЗАКЛАДКА ГОРОДА

Трещат, как швейные машины,
И шины рвут грузовики,
И дышат запахом бензина
Открытые материки.

Уже пробиты магистрали,
Уже пробился в потолок
Еще застенчивый в начале
Печурки тоненький дымок.

Трусцою вдаль плетутся волки,
Устало свесив языки,
А росомахи втихомолку
Поглуше ищут уголки.

И только тучи комариной,
Где звон, и стон, и визг, и гнев,
Еще звучит напев старинный,
Звериный боевой напев.

1957

ГОРНЫЙ ВОДОПАД

Ручей мнит себя самолетом,
А русло — дорожка для взлета.

Он в небо поднялся с разбега
Среди почерневшего снега.

Уверен ручей этот горный,
Что он — обтекаемой формы.

И в небо он смело взлетает,
Но только секунду блистает,

И видит, охваченный страхом,
Что он рассыпается прахом,

Что он, возмечтавший о звездах,
Разбился о каменный воздух.

Он в пыль превращен водяную
И ищет дорогу земную.

Разбитый на капли, на брызги,
Он падает в реве и визге.

Чтоб каждою каплею малой
Долбить побережные скалы.

1957

РАЗВЕДКА

Бродить, соскальзывать со скал,
В ручьях отыскивать приметы,
Какими славится металл,
Покровом каменным одетый.

В тайге откапывая клад,
Скрести настойчивой лопатой,
Искать на ощупь, наугад
Приметы россыпи богатой.

И по распадкам бить шурфы.
И рвать рубашку торфяную
С земли — для будущей строфы
Вести разведку россыпную.

Пускай речной песок глубок,
Пускай пуста за пробой проба —
Ты свой старательский скребок
Готов нести с собой до гроба.

Пусть ослабевшая рука
Лопату выронить готова,
Пускай усталость велика —
Умей начать свой поиск снова.

И, у ручья остановясь,
Лотком зачерпывая воду,
Смывай всю каменную грязь,
Всю бессловесную породу.

Еще победа далека,
Но светлым знаменьем улова
Тебе блеснет на дне лотка
Крупица золотого слова.

1957

МОЙ АРХИВ

Рукописи — береста,
Камни — черновики.
Буквы крупного роста
На берегу реки.

Мне не нужна бумага.
Вместо нее — леса.
Их не пугает влага:
Слезы, дожди, роса.

Дерево держит строки:
Желтый крутой затес,
Залитый светлым соком
Клейких горячих слез.

Вот надежно укрытый
Склад моего сырья,
Птицами позабытый,
Спрятанный от зверья.

1957

* * *

Немилосердное светило
Дотла сожгло олений мох,
Настолько скалы раскалило,
Что даже дождик не помог.

И что для этой страшной суши
Старанья тучи дождевой,
От них не сделалось бы хуже
С засохшей, скрюченной травой.

Промчалась туча мимо, мимо,
Едва обрызгав косогор.
Деревья, точно руки мима,
Немой ей бросили укор.

И солнце выскочило снова
Плясать в дымящейся траве,
И скалы лопаться готовы,
И жесть шуршит в сухой листве.

1957

* * *

Где роса, что рукою сотру
С лепестков охлажденных цветов,
Где мельчайшая дрожь поутру
Всей листвы, всей травы, всех кустов.

Надо вычерпать слово до дна.
Разве в сказке заделана течь,
Чтоб плыла словно лодка она,
Где теченье — река или речь...

1957

* * *

Когда рождается метель
    На свет,
Качает небо колыбель
    Примет.
И связки звезд и облака
    Вокруг
Кружатся волей ветерка,
    Мой друг.
Бежит поземка возле ног,
    Спеша,
И лезет в темный уголок
    Душа.
Ты не оценишь этот мир
    В снегу,
Зачитанную мной до дыр
    Тайгу.
А мне вершина скал —
    Маяк,
Они — и символ, и сигнал,
    И знак.

1957

* * *

В дожде сплетают нити света
Рыбачью шелковую сеть.
И, словно сети, капли эти
Способны в воздухе висеть.

И дождик сыплется как пудра
На просветленную траву,
И перламутровое утро
Трясет намокшую листву.

И лес рассыплет тот стеклярус,
Весь бисер на землю стряхнет
И, распрямив зеленый парус,
Навстречу солнцу поплывет.

1957

ЖЕСТ

Нет, мне вовсе не нужен язык,
Мне для речи достаточно рук,
Выражать я руками привык
И смятенье, и гнев, и испуг.

Там в лесу меня всякий поймет.
Речь, как птица, сидит на руке.
Взмах ладони и смелый полет —
Лгать нельзя на таком языке.

Этот жест — первобытный язык,
Изложение чувств дикаря, —
Резче слова, мучительней книг,
И научен я жесту не зря.

И понятны мне взмахи ветвей,
Содроганье столетних стволов, —
Повесть леса о жизни своей
Без прикрас, без двусмысленных слов.

1957

* * *

Я выходил на чистый воздух
И возводил глаза горе́,
Чтоб разобраться в наших звездах,
Предельно ясных в январе.

Я разгадал загадку эту.
Я иероглифы постиг,
Творенье звездного поэта
Я перевел на наш язык.

Все записал я на коряге,
На промороженной коре,
Со мною не было бумаги
В том пресловутом январе.

1957

* * *

Ни зверя, ни птицы... Еще бы!
В сравненье с немой белизной
Покажутся раем трущобы
Холодной чащобы лесной.

Кустарника черная сетка...
Как будто остались в пургу
Небрежные чьи-то заметки
На белом безбрежном снегу.

Наверно, поэты скрипели
Когда-то досужим пером,
Пока не вмешались метели,
Свистя колдовским помелом.

На хвойные хрупкие плечи
Обрушилась белая мгла,
Сгибая, ломая, калеча,
Лишая огня и тепла...

1957

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА РИФМЫ

Л. Тимофееву

Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ.

Ты — провиденье Гомера,
Трубадуровы весы,
Принудительная мера
Поэтической красы.

Ты — сближенье мысли с песней,
Но, в усильях вековых,
Ты сложнее и чудесней
Хороводов звуковых.

Ты — не только благозвучье,
Мнемонический прием,
Если с миром будет случай
Побеседовать вдвоем.

Ты — волшебная наука
Знать, что мир в себе хранит.
Ты — подобье ультразвука,
Сверхчувствительный магнит.

Ты — разведки вдохновенной
Самопишущий прибор,
Отразивший всей вселенной
Потаенный разговор.

Ты — рефлекс прикосновенья,
Ощущенье напоказ,
Сотой долею мгновенья
Ограниченный подчас.

Ты ведешь магнитный поиск
Заповедного следа
И в метафорах по пояс
Увязаешь иногда.

И, сменяя звуки, числа,
Краски, лица, облака,
Озаришь глубоким смыслом
Откровенье пустяка.

Чтоб достать тебе созвучья,
Скалы колются в куски,
Дерева склоняют сучья
Поперек любой строки.

Все, что в памяти бездонной
Мне оставил шар земной,
Ты машиной электронной
Поднимаешь предо мной.

Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространство, все века
Уловила рифма эта,
Зарожденная строка.

Поводырь слепого чувства,
Палка, сунутая в тьму,
Чтоб нащупать путь искусству
И уменью моему.

1957

ОДА КОВРИГЕ ХЛЕБА

Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.

Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.

Пускай в кадушке тесной,
Пьянея в духоте,
Поищет это тесто
Исхода в высоте.

Пускай в живом стремленье
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.

И вот на радость неба,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.

Соленая, крутая,
Каленная в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре.

1957

АРБАЛЕТ

Ребро сгибается, как лук,
И сила многих тысяч рук
Натягивает жилы.

А сердце — сердце как стрела,
Что смело пущена была
Вот этой самой силой.

Ее внимательный стрелок
Уж не запустит в потолок
В мальчишеском усердье.

Она сквозь темень и метель
Найдет желаемую цель,
Сразит без милосердья.

1957

ГОЛУБИ

У дома ходят голуби,
Не птицы — пешеходы.
Бесстрашные от голода,
От сумрачной погоды.

Калики перехожие
В лиловом оперенье,
Летать уже не гожие,
Забывшие паренье.

Но все же в миг опасности
Они взлетают в небо,
Где много больше ясности
И много меньше хлеба.

Их взлет как треск материи,
Что тянут до отказа,
Заостренными перьями
Распарывают сразу.

И будто ткань узорная,
Висящая на звездах,
Тот, крыльями разорванный,
Затрепетавший воздух.

1957

* * *

Я сегодня очень рад,
Что со мной и свет, и чад,
И тепло костра.

И махорочный дымок
Проползает между строк,
Вьется у пера.

По бревну течет смола,
И душиста и бела,
Будто мир в цвету!

И растущий куст огня
Пышет жаром на меня,
И лицо в поту.

Пальцы вымажу смолой,
Хвойной скользкою иглой
Вычерчу узор.

Снег. Огонь. Костлявый лес.
Звездный краешек небес
Над зубцами гор.

1957

* * *

Этот дождик городской,
Низенький и грязный,
О карниз стучит рукой,
Бормоча несвязно.

Загрохочет, будто гром,
И по водостокам
Обтекает каждый дом
Мусорным потоком.

Дождь — природный хлебороб,
А совсем не дворник —
Ищет ландышевых троп
Среди улиц черных.

Отойти б на полверсты
От застав столицы,
Распрямить, шутя, цветы
Алой медуницы...

Мне бы тоже вслед за ним
Пробежать по гумнам —
За высоким, за прямым
И вполне бесшумным.

1957

РАДУГА

Радужное коромысло,
Семицветный самоцвет,
На плече горы повисло —
И дождя на свете нет.

День решительно и бодро
Опустил к подножью гор
Расплескавшиеся ведра
Переполненных озер.

И забыла вся округа,
Как сады шуршат травой,
Как звенит дождя кольчуга,
Панцирь неба грозовой.

1957

РЕЧНЫЕ ОТРАЖЕНЬЯ

Похожая на рыбу,
Плывущая река
О каменные глыбы
Уродует бока.

Светящееся тело
Чешуйчатой волны
Кольчугой заблестело
От действия луны.

Простейшие сравненья,
Которым нет числа,
Сейчас в стихотворенье
Мне полночь привела.

Имеют ли значенье
Вселенной огоньки
Для скорости теченья
И уровня реки?

Что было так мгновенно
Водой отражено,
Воистину забвенно
И кануло на дно.

Навряд ли отраженье
Какой-нибудь звезды
Влияет на движенье
Катящейся воды.

1957

ВЕСНА В МОСКВЕ

Он входит в столицу с опаской —
Простой деревенский маляр,
Ведро малахитовой краски
Приносит на темный бульвар.

Он машет огромною кистью,
Он походя пачкает сад,
И светлые капельки листьев
На черных деревьях висят.

Он красит единственным цветом.
Палитры его простота
Сверкает поярче, чем летом,
И все подавляет цвета.

И саду не справиться с чудом,
Какому подобия нет.
Гигантским сплошным изумрудом
Он снова родится на свет.

Бродячий маляр беззаботен,
Не знает, что тысячи раз
Запишут на грунте полотен
Его простодушный рассказ.

И гений завистливым взглядом
Следит за мазней маляра —
Дешевым весенним обрядом
Любого земного двора.

Глаза он потупит стыдливо,
И примет задумчивый вид,
И хочет назвать примитивом,
И совесть ему не велит.

И видно по силе тревожной
Вполне безыскусственных чар,
Какой он великий художник —
Неграмотный этот маляр.

1957

ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА

Мне кажется: овес примят
Руками длинной тени
От разломавшей палисад
Разросшейся сирени.

Я выверить хочу часы
По розовому свету
Тяжелой радужной росы
На листьях бересклета,

По задымившейся земле
В обочинах овражин,
По светоносной легкой мгле,
Приподнятой на сажень.

Я выверить хочу часы
По яростному свисту
Отбитой заново косы
В осоке серебристой,

По хриплой брани пастуха,
Продрогшего в тумане,
По клокотанию стиха
В трепещущей гортани.

1957

МОСКОВСКИЕ ЛИПЫ

Вспотело светило дневное,
И нефтью пропахли дворы,
И город качается в зное,
Лиловый от банной жары.

И бьется у каждого дома
Метельный летающий пух,
Блистающий и невесомый,
Неуловимый на слух.

Он химикам лезет в пробирки,
И снегом заносит цеха,
И виснет под куполом цирка,
И липнет на строки стиха.

Как бабочек туча, как птицы
Каких-то неведомых стран,
Летит над асфальтом столицы
Бесшумный горячий туман.

И в запах бензина и пота,
В дурманы углекислоты,
В испарину жаркой работы
Врывается запах мечты.

Не каждый ли в городе встречный
Вдыхает его глубоко,
И это не запах аптечный,
И дышится людям легко.

Он им удлиняет прогулки,
Он водит их взад и вперед
Ночами в пустом переулке
И за сердце чем-то берет.

Им головы кружит веселый
Медовый его аромат,
И кажется — люди, как пчелы,
На темном бульваре жужжат.

Как будто слетелись за медом,
Чтоб в соты домов унести
Хоть капельку летней природы,
Попавшейся им на пути.

1957

ЗИМА

Все — заново! Все — заново!
Густой морозный пар
Оберткой целлофановой
Окутал наш бульвар.

Стоят в мохнатом инее
Косматые мосты,
И белой паутиною
Окутаны кусты.

Покрыто пылью звездною
Стекло избы любой,
Гравюрами морозными,
Редчайшею резьбой.

Деревья, что наряжены
В блестящую фольгу,
Торчат из черной скважины
На новеньком снегу.

И каждому прохожему,
И вам, и даже мне
Пробить тропу положено
По снежной целине.

И льдины, точно лилии,
Застыли на воде,
И звезды в изобилии,
Какого нет нигде.

1957

* * *

Птица спит, и птице снится
Дальний, дальний перелет,
И темница, и светлица,
И холодный лед.

И зарницы-озорницы
Пробегают взад-вперед,
Будто перьями Жар-птицы
Устилают небосвод.

Быстро гаснут эти перья —
И чернеет сразу мрак,
Знаю, знаю, что доверье
В русской сказке — не пустяк.

1957

ПРИТЧА О ВПИСАННОМ КРУГЕ

Я двигаюсь нынче по дугам,
Я сделался вписанным кругом.

Давно я утратил невольно
Свой облик прямоугольный.

И мне самому непонятно,
Что был я когда-то квадратным.

Я сыздетства был угловатым,
Во всем и за всех виноватым.

Углы мои — с детства прямые —
Я нес на дороги живые.

Мне было известно заране:
О камень стираются грани.

Скривился отчетливый угол,
И линия сделалась кругом,

Чтоб легче по жизни катиться,
А главное — не ушибиться.

Искавший ответа у молний,
Я стал осторожно безмолвным.

Всего я касался лишь краем
И стал чересчур обтекаем

В сравнении с бывшим собратом,
С другим неуклюжим квадратом.

Легко пифагорово время
Решило мою теорему.

Решило и доказало,
Со мной не стесняясь нимало.

Модели начерчены вьюгой,
Полярным магическим кругом:

Былого квадрата ненужность
Легко превратилась в окружность.

1957

КРИСТАЛЛЫ

Стекло обледенело,
Блестит резная запись,
В ночной метели белой
Скитается анапест.

Летят снежинки-строфы,
Где ямбы и хореи,
Как блестки катастрофы
Разгрома в эмпирее.

Их четкое строенье
Еще с времен Гомера —
Точь-в-точь стихотворенье
Старинного размера.

Един закон сцепленья,
Симметрии вселенной,
Сложенья и деленья
И четкости отменной.

Снег падает устало,
Снежинки давят плечи,
Стихи — это кристаллы,
Кристаллы нашей речи.

1958

ЛЕДОХОД

Не гусиным — лебединым
Напишу письмо пером,
Пусть бежит к тебе по льдинам
В половодье напролом.

Напишу — и брошу в воду
Лебединое перо —
По ночному ледоходу
Засияет серебро.

И в такую холодину
Разобрать не сможешь ты,
Лебедь это или льдина
Приплывет из темноты.

Приплывет перо на скалы,
Ледяное, как звезда,
Никогда ты не слыхала
Лебединой песни льда.

Никогда ты не слыхала
Лебединой песни льда,
В час, когда ночные скалы
Бьет весенняя вода.

1958

* * *

Вот солнце в лесной глухомани
Течет в ледяное окно.
И кажется — сыплют в тумане
С небес золотое пшено.

В лесу, возле каждой тропинки,
На жестком и рыхлом снегу
Рассыпаны эти крупинки,
И я их собрать не могу.

1958

ТРОПА

Тропа узка? Не спорю.
Извилиста? Зато
Она выходит к морю,
На горное плато.

Натыканы цветочки
Нездешней красоты
В пружинящие кочки,
В железные кусты.

Чрезмерно сыровата,
По мнению людей,
Набухла мокрой ватой
От слез или дождей.

Чего уж старомодней
Одежда ей дана,
Листвою прошлогодней
Засыпана она.

И хвои толстым слоем
Заглушены шаги,
И дышит все покоем,
Распадками тайги.

Вся выстланная мхами,
Безмолвие храня,
Тропа живет стихами
Со мной и для меня.

1958

* * *

Взад-вперед между кручами
Ходит ветер колючий,
Раздвигая летучие
Темно-желтые тучи.

А над ними высокое
Небо львиного цвета,
Гром, по-волжскому окая,
Пробирается где-то.

Знаки молнии розовой,
Как связиста петлицы,
Небо, полное грозами,
Хочет ливнем пролиться.

1958

ЧЕРСКИЙ

Голый лес насквозь просвечен
Светом цвета янтаря,
Искалечен, изувечен
Жестким солнцем января.

Там деревьям надо виться
И на каменном полу
Подниматься и ложиться,
Изгибаться вслед теплу.

Он рукой ломает слезы,
А лицо — в рубцах тайги,
В пятнах от туберкулеза,
Недосыпа и цинги.

Он — Колумб, но не на юге,
Магеллан — без теплых стран.
Путь ему заносит вьюга
И слепит цветной туман.

Он весной достигнет цели
И наступит на хребты
В дни, когда молчат метели
И когда кричат цветы.

Он слабеет постепенно,
Побеждая боль и страх,
И комок кровавой пены
Пузырится на губах.

И, к нему склоняясь низко,
Ждет последних слов жена.
Что здесь далеко и близко —
Не поймет сейчас она.

То прощанье — завещанье,
Завещанье и приказ,
Клятвенное обещанье,
Обещанье в сей же час

Продолжать его деянья —
Карты, подвиг, дневники,
Перевалам дать названья
И притокам злой реки.

Ключ к природе не потерян,
Не напрасен гордый труд,
И рукой жены домерен
Героический маршрут.

Он достойно похоронен
На пустынном берегу.
Он лежит со славой вровень,
Побеждающий тайгу.

Он, поляк, он, царский ссыльный,
В платье, вытертом до дыр,
Изможденный и бессильный,
Открывает новый мир,

Где болотные просторы
Окружил багровый мох,
Где конические горы
Вулканических эпох.

1958

ЗА БРУСНИКОЙ

Посреди спрутообразных
Распластавшихся кустов,
Поперек ручьев алмазных,
Вдоль порфировых щитов,

Подгоняемые ветром,
Мы бредем в брусничный рай —
С четырех квадратных метров
По корзине собирай.

Привяжи повыше мету —
Телогрейку иль платок,
Чтоб тебя не съело лето,
Дальний Северо-Восток.

Здесь не трудно, в самом деле,
Белым днем, а не впотьмах
Потеряться, как в метели,
В этих кочках и кустах.

1958

* * *

Гиганты детских лет,
Былые Гулливеры,
Я отыскал ваш след
У северной пещеры.

Разбужены чуть свет
Ревнителем равнины,
Варили свой обед
Ночные исполины.

В гранитном котелке,
А может быть, и чаше,
В порожистой реке
Заваривали кашу.

Кружился все сильней,
Сойдя с земных тропинок,
Весь миллион камней,
Как миллион крупинок.

1958

* * *

Огонь — кипрей! Огонь — заря!
Костер, внесенный в дом.
И только солнце января
Не смеет быть огнем.

Оно такое же, как встарь,
Внесенное в тайгу,
Оно похоже на янтарь,
Расплавленный в снегу.

А я — как муха в янтаре,
В чудовищной смоле,
Навеки в этом январе,
В прозрачной желтой мгле.

1958

СЕСТРЕ

Ты — связь времен, судеб и рода,
Ты простодушна и щедра
И равнодушна, как природа,
Моя последняя сестра.

И встреча наша — только средство,
Предлог на миг, предлог на час
Вернуться вновь к залогам детства —
Игрушкам, спрятанным от нас.

Мы оба сделались моложе.
Что время? Дым! И горе — дым!
И ты помолодела тоже,
И мне не страшно быть седым.

1958

КРУГОВОРОТ

По уши в соленой пене,
В водяной морской пыли,
Встанут волны на колени,
Поцелуют край земли.

Попрощались с берегами
И родной забыли дом...
Кем вернетесь вы? Снегами?
Или градом и дождем?

Нависающим туманом,
Крупнозвездною росой,
Неожиданным бураном
Над прибрежной полосой...

И в земном круговороте,
Хладнокровие храня,
Вы опять сюда придете,
Очевидно, без меня.

1958

ЛУННАЯ НОЧЬ

Вода сверкает, как стеклярус,
Гремит, качается, и вот —
Как нож, втыкают в небо парус,
И лодка по морю плывет.

Нам не узнать при лунном свете,
Где небеса и где вода,
Куда закидывают сети,
Куда заводят невода.

Стекают с пальцев капли ртути,
И звезды, будто поплавки,
Ныряют средь вечерней мути
За полсажени от руки.

Я в море лодкой обозначу
Светящуюся борозду
И вместо рыбы наудачу
Из моря вытащу звезду.

1958

* * *

Это чайки с высоты
Низвергаются и вскоре
Превращаются в цветы —
Лилии на сером море.

Ирисы у ног цветут,
Будто бабочки слетелись
На болотный наш уют,
Появиться здесь осмелясь.

На щеках блистает снег,
Яблоневый цвет блистает,
И не знает человек,
Отчего тот снег не тает.

1958

ПРИМОРСКИЙ ГОРОД

Предместье кажется седым
От чайных роз.
Иль это только белый дым
Отбросил паровоз?

Чуть задевая за карниз,
Здесь облака висят,
Как мраморный античный фриз
У входа в город-сад.

Агавы зелень как костер,
Как будто сам Матисс
Велел — и сделался остер
Агавы каждый лист.

И синеватый дождь гремит,
И хлещет по щекам,
И, моря изменяя вид,
Мешает маякам.

А если дождь внесут в сады,
То каждый сад —
Как газированной воды
Пузырчатый каскад.

Как будто там горячий цех,
Тяжелые труды,
И вот расставлены для всех
Фонтанчики воды...

1958

* * *

Куда идут пути-дороги!
Зачем мне хочется сейчас,
Не вытирая вовсе ноги,
Войти в чащобу, не стучась.

В тот лес, пейзажами набитый
И птичьей грубой воркотней,
Так невнимательно укрытой
Неразговорчивой листвой.

Меня бы там отобразило
Кривое зеркало ручья,
Чтоб всей лесной могучей силе
До гроба был покорен я.

И, может быть, для славы вящей
Невзрачных синеньких цветов
С опушек нашей русской чащи
Я проповедовать готов.

Я сам найду свои границы,
Не споря, собственно, ни с кем.
В искусстве незачем тесниться:
В искусстве места хватит всем.

1958

ВИКТОРУ ГЮГО

В нетопленом театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.

Ты — мальчик на церковном клиросе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя!

Пусть так. В волненьях поколения
Ты — символ доброго всегда,
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.

1958

* * *

Я верю в предчувствия и приметы —
Науку из первых, ребяческих рук,
Я верю, как подобает поэту,
В ненадобность жертвы, в ненадобность мук.

Я верю, как подобает поэту,
В такое, что видеть не привелось,
В лучи тишины неизвестного света,
Пронизывающие насквозь.

Я верю: при косноязычье природы
Обмолвками молний показаны мне
Зигзаги путей в высоту небосвода
В покойной и праздничной тишине.

И будто всегда меня уносила
В уверенный сказочный этот полет
Молений и молний взаимная сила,
Подвального свода сломав небосвод.

1958

СЛЕЗА

Ты горячéй, чем капля пота,
Внезапная моя слеза,
Когда бегущая работа
Осажена на тормоза.

И в размышленьях о бывалом,
И в сожаленьях о былом
Ты в блеске силы в мире малом
И мера слабости — в большом.

Ты можешь во мгновенье ока
С ресниц исчезнуть без следа.
Да, ты скупа, горька, жестока,
И ты — не влага, не вода.

Ты — линза для увеличенья
Невидимых доселе тел.
Ты — не примета огорченья,
А удивления предел.

1958

ИВЫ

Деревья надышались пылью
И поднимают шум чуть свет.
Лететь? На это нужны крылья,
А крыльев у деревьев нет.

Лишь плащ зеленый, запыленный
У каждой ивы на руке,
Пока дорогой раскаленной
Деревья движутся к реке.

И опускаясь на колени,
Речную воду жадно пьют.
И сами жадно ищут тени,
Приют на несколько минут.

Их листья скрючены и ломки,
Они качают головой,
Остановясь на самой кромке,
На линии береговой...

1958

ДО ВОСХОДА

Еще на темном небе тлеют
Зари багровые остатки,
Но все светлеет и белеет
Вокруг брезентовой палатки.

Любое дерево ни слова
Еще со мною не сказало,
Еще ни доброго, ни злого
Природа мне не пожелала.

Но у природы наготове
Под тонкой сеткою тумана
И кровь тетеревиной брови,
Похожей издали на рану,

И гроздь брусники темно-сизой,
Покрытая лиловой тенью,
И смутное дыханье бриза,
Меняющего направленье.

Разжаты пальцы белых лилий,
Которым нет уже запрета
Подобьем чайки белокрылой
Раскрыться и рвануться к свету.

И вместо облачка на синий
Простор, в пустынные высоты,
Как будто выступивший иней,
Лег след ночного самолета.

И мне понятно нетерпенье,
Какое сдерживают птицы,
Чье оглушительное пенье
Готово ливнями пролиться.

1958

ПАУК

Запутать муху в паутину
Еще жужжащей и живой,
Ломать ей кости, гнуть ей спину
И вешать книзу головой.

Ведь паутина — это крылья,
Остатки крыльев паука,
Его повисшая в бессилье
Тысячелапая рука.

И вместо неба — у застрехи
Капкан, растянутый в углу,
Его кровавые потехи
Над мертвой мухой на полу.

Кто сам он? Бабочка, иль муха,
Иль голубая стрекоза?
Чьего паук лишился слуха?
Чьи были у него глаза?

Он притворился мирно спящим,
Прилег в углу на чердаке.
И ненависть ко всем летящим
Живет навеки в пауке.

1958

* * *

Я знаю, в чем моя судьба:
Чтоб рвали камни ястреба

И чтоб на узком челноке
Я поднимался по реке,

Чтоб трогала моя рука
В вершинах сопок облака,

Чтоб в темный воздух, как в платок,
Я завернул живой цветок,

Цветок, который я сорвал
С одной из побережных скал,

Цветок, что вырос на скале,
На неизмеренной земле.

1958

ЛИСТОПАД

Навстречу прохожим листочками жести
Листья летели метелью, как снег,
И милиционеры, боясь происшествий,
Машинам сбавляли размеренный бег.

Водители связь потеряли с землею
И в ужасе жали на все тормоза,
И желтою пылью, как желтою мглою,
Прохожим с утра порошило глаза.

Автобусы плыли, стремясь к повороту,
На твердую землю въезжали, гудя,
И морщилось небо, и стыло от пота,
И падали первые капли дождя.

1958

ЛИЦО

Нетрудно изучать
Игру лица актера,
На ней лежит печать
Зубрежки и повтора.

И музыка лица,
Послушных мышц движенье —
То маска подлеца,
То страсти выраженье.

Актер поднимет бровь
Испытанным приемом,
Изобразит любовь
Или разлуку с домом.

Сложней во много раз
Лицом любой прохожий,
Не передать рассказ
Его подвижной кожи.

Случайное лицо,
Где всё — полунамеком...
Морщинное кольцо,
Не замкнутое током...

Понятны лесть и месть,
Холопство и надменность,
Но силы нет прочесть
Лица обыкновенность.

1958

ПУШКИНСКИЙ ВАЛЬС ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

Зачем он очарован
Натальей Гончаровой?
Зачем ему так дорог высший свет?

Ему бы в секунданты
Шекспира или Данта —
Дантеса отвели бы пистолет.

Зачем ясна погода
Романовым в угоду?
Зачем не поднимается метель?

Метели бы летели
Препятствовать дуэли,
Любую загораживая цель.

Зачем мелки масштабы,
Зачем так люди слабы?
Зачем здесь не явился Аполлон?

Потребовал поэта
К священной жертве света, —
Не он сейчас потребовал, не он...

1958

СТЕКЛОДУВЫ

Неуспокоенная лава
Текла, как будто солнце жгло,
И был песок вконец расплавлен
И превращен жарой в стекло.

Вся масса стынет постепенно,
Она до дна раскалена,
И ярко вспыхивает пена,
И загорается волна.

И чайка прикоснулась клювом
К зеленой выгнутой волне,
И чайка стала стеклодувом,
Подручной оказалась мне.

В который раз мы верим чуду
И рады выдать за свое
И груды облачной посуды,
И неба синее литье.

1958

БАСНЯ ПРО АЛМАЗ

Простой блистающий алмаз
Был мерой твердости для нас.

Ведь нет кислот и щелочей,
Какие гасят блеск лучей.

Но может измениться он,
Когда он будет накален.

И в безвоздушной духоте,
В мильонолетней темноте

Алмаз изменит внешний вид,
Алмаз расплющится в графит.

И вот алмазная душа
Горда судьбой карандаша.

И записать готов алмаз
Стихотворенье и рассказ.

1958

ОГНИВО

Как спичкой чиркают о камень,
Как бьют кресалом о кремень,
Так волны высекают пламя
И тушат пламя
Целый день.

Но приближается минута,
Отчетливая, как плакат, —
Подносят тучу вместо трута,
И загорается закат.

1958

* * *

Покамест нет дороги льдинам
И тол не разорвал затор,
Поселок пахнет нафталином
И изморозь приходит с гор.

В привычный час ложится иней,
И тает он в привычный час,
И небосвод индиго-синий
Неутомимо давит нас.

И слышен тонкий запах тленья,
Весенний наступает час,
И прошлогодние растенья
Являются в последний раз.

1958

* * *

Стихи — это стигматы,
Чужих страданий след,
Свидетельство расплаты
За всех людей, поэт.

Искать спасенья будут
Или поверят в рай,
Простят или забудут...
А ты — не забывай.

Ты должен вечно видеть
Чужих страданий свет,
Любить и ненавидеть
За всех людей, поэт.

1959

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Овраг наполнится угаром
И гнилью теплой и сухой.
В лесу запахнет скипидаром,
Как в живописной мастерской.

У яблонь запах громче грома.
Взошла вечерняя звезда.
И ветер вьется возле дома,
Не убегая никуда.

1959

ГАРИБАЛЬДИ В ЛОНДОНЕ

(Речь на завтраке у лорд-мэра)

Благодарю, благодарю за честь...
Прошу прощения — я должен сесть.

Нога болит от раны пулевой,
И каждый мускул будто неживой...

Я выслушал приветственную речь
И вижу ваш подарок: это — меч!

Подарком этим я немало удивлен:
Ведь я не Цезарь, не Наполеон.

Я не люблю военных ремесло —
Профессию, рождающую зло.

Простой крестьянин, а не генерал,
За дом родной я нынче воевал.

Бандиты ворвались в отцовский дом,
И я судил их собственным судом, —

Снял со стены охотничье ружье,
Чтоб счастье жизни защитить свое...

Был в перестрелке, кажется, убит
Ворвавшийся в отцовский дом бандит.

Я не считал моих побед и бед
На протяженьи многих тяжких лет...

Рубаха красная, надетая на мне,
Не знак пожара, не призыв к войне.

Ведь в этот алый цвет всегда одет
Крестьянской жизни трудовой рассвет.

Прошу прощенья, дамы, господа,
Я не солдат, я человек труда.

Вся жизнь моя — прямой тому пример.
Здоровье ваше, господин лорд-мэр!

1959

УСТЬЕ РУЧЬЯ

Безвестный ручей,
Безымянный, ненужный,
Для наших ночей
Недостаточно южный,

Где чаек полет
И полярное лето,
Светящийся лед
Изумрудного цвета.

Забытый зимой
В недоступном ущелье,
Зимою самой
На моем новоселье,

Где прямо вперед
Через лед трехметровый
Летит водомет,
От заката багровый.

И, темной реки
Замедляя теченье,
Бегут пузырьки
Огневого свеченья.

1959

БИРЮЗА И ЖЕМЧУГ

Смешаю вместе уксус и слюду,
Чтоб минерал скорее умирал,
И точат слезы камень-бирюзу,
И умирает синий минерал.

А жемчуг задыхается во тьме,
Теряет краски, цену и судьбу,
И не под силу жить ему в тюрьме,
Лежать живым в повапленном гробу.

Он жив — на пальце, вделанный в кольцо,
И полон человечьей теплоты,
Он сохраняет светлое лицо,
Он сохраняет жизнь свою — как ты.

1959

КИПРЕЙ

Там был пожар, там был огонь и дым.
Умерший лес остался молодым.

Ища следы исчезнувших зверей,
В лиловый пепел вцепится кипрей

И знаки жизни, что под цвет огня,
Раскинет у обугленного пня —

И воскресит таежную траву,
Зверей, и птиц, и шумную листву.

1959

ГОРНАЯ МИНУТА

Так тихо, что пейзаж
Как будто нарисован —
Пастельный карандаш,
Перекричавший слово.

Беспечный человек,
Дивлюсь такому чуду,
Топчу нагорный снег,
Как битую посуду.

Здесь даже речки речь
Уму непостижима,
Туман свисает с плеч —
Накидка пилигрима.

Все яростно цветет
И яростно стареет,
Деревья ищут брод,
Спешат домой быстрее.

Спустились под откос
Беззвучно и пугливо.
А ястреб врос в утес,
В закраину обрыва...

1959

НИТРОГЛИЦЕРИН

Я пью его в мельчайших дозах,
На сахар капаю раствор,
А он способен бросить в воздух
Любую из ближайших гор.

Он, растворенный в желатине
И превращенный в динамит,
В далекой золотой долине,
Взрывая скалы, загремит.

И содрогнулся шнур бикфордов,
Сработал капсюля запал,
И он разламывает твердый,
Несокрушимый минерал.

Сердечной боли он — причина,
И он один лекарство мне —
Так разъяснила медицина
В холодной горной стороне.

1959

* * *

Он тащит солнце на плече
Дорогой пыльной.
И пыль качается в луче
Бессильно.

И, вытирая потный лоб,
Дойдя до дома,
Он сбросит солнце, точно сноп
Соломы.

<Конец 1950-х>

* * *

Мятый плюш, томленый бархат
Догорающей листвы,
Воронье устало каркать
На окраине Москвы.

В океане новостройки
Утопает старый дом,
Он еще держался стойко,
Битый градом и дождем.

И, заткнув сиренью уши,
Потеряв ушной протез,
Слышит дом все хуже, хуже
И не ждет уже чудес.

1959

НА ПАМЯТЬ

Как лихорадки жар сухой,
Судьба еще жива,
Ночной горячечной строкой
Бегут мои слова.

И, может быть, дойдет до вас
Ее глухой размер,
Как пульс, прерывистый рассказ,
Химера из химер.

1959

ЮГО-ЗАПАД

Подъемный кран, как самоходка,
На гусеничном ходу
По окнам бьет прямой наводкой
И тихо кружится на льду.

Вполне военная картина,
Когда прожекторным огнем,
Как в штурмовую ночь Берлина,
Подсвечивают каждый дом.

Но этот бой — не разрушенье,
Не взрыв, а рост — и вширь и вверх,
Победоносное сраженье,
Где автогена фейерверк,

Где торопливое дыханье
Грузовиков и тягачей
И газосварки полыханье
Средь обесцвеченных ночей.

Где кислородные баллоны
Нужны как воздух для людей,
Крепящих арки и балконы
Сквозь хаос новых площадей.

Здесь каждый дом — как в магазине:
Новехонький со всех сторон,
И автошин шуршит резина,
И пахнет пихтою гудрон.

1959

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Слякоть нынче схвачена морозом,
Как створоженное молоко.
Снег подобен падающим звездам,
И дышать по-зимнему легко.

Каждый звук отчетливый и громкий,
Слишком звонкий нынче на пруду.
Воробей на заберега кромке
Оступается на скользком льду.

Первые снежинки еле-еле
Все же долетают до земли.
Завтрашние белые метели
К нам еще добраться не могли.

1959

* * *

Золотой, пурпурный и лиловый,
Серый, синий свет,
Вот оно, кощунственное слово,
И спасенья нет.

Вот она — в кровавых клочьях дыма,
В ядовитой мгле,
Будущая Хиросима
Встала на земле.

Как глазурь — зеленый крик ожога,
Сплавленный в стекло.
Вот она, зловещая дорога,
Мировое зло.

Девушке слепой огонь пожара
Обжигает взор.
...О судьбе всего земного шара
Начат разговор.

1959

* * *

Да, рукопись моя невелика, —
Родник, а не ручей и не река.

Подземный ключ не сдвинет валунов,
Не потрясет береговых основ.

И может течь, а может и не течь
Негромкая, прерывистая речь...

Но, впрочем, строчки — это не вода,
А глубоко залегшая руда.

Любой любитель, тайный рудовед,
По этой книжке мой отыщет след,

Нащупает под ржавым плитняком
Старательным старательским скребком.

1959

* * *

Не спеши увеличить запас
Занесенных в тетрадь впечатлений,
Не лови ускользающих фраз
И пустых не веди наблюдений.

Не ищи, по следам не ходи,
Занимайся любою работой, —
Сердце сразу забьется в груди,
Если встретится важное что-то.

Наша память способна сама
Привести в безупречный порядок,
Все доставить тебе для письма,
Положить на страницы тетрадок.

Не смутись, — может быть, через год
Пригодится такая обнова —
Вдруг раскроется дверь и войдет
Долгожданное важное слово.

1960

БУХТА НАГАЕВА

Легко разгадывается сон
Невыспавшегося залива:
Огонь зари со всех сторон
И солнце падает с обрыва.

И, окунаясь в кипяток,
Валясь в пузырчатую воду,
Нагорный ледяной поток
Обрушивается с небосвода.

И вмиг меняется масштаб
Событий, дел, людей, природы —
Покамест пароходный трап,
Спеша, нащупывает воду.

И крошечные корабли
На выпуклом, огромном море,
И край земли встает вдали
Миражами фантасмагорий.

1960

РЕЧЬ КОРТЕСА К СОЛДАТАМ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Нет, нам не суждено здесь пасть —
Невелика еще у смерти власть.

Еще пред нами тысяча забот,
Больших и малых дней водоворот.

Мы предназначены для лучших дел,
Не перешли еще земной предел.

Приказ мой прост: пока живой — вперед.
Кто в смерть не верит — вовсе не умрет.

От трусости лекарство у врача
Укреплено на кончике меча.

Прими его — и наш военный бог
Подхватит твой прощальный, смертный вздох.

Стреляй, стрелок, твой яростный мушкет
Поэты будут славить много лет.

Да, мы бессмертны на ходу, в бою.
Мы верим все еще в звезду свою.

1960

АНДЕРСЕН

Он обойдет моря и сушу —
Весь мир, что мелок и глубок,
Людскую раненую душу
Положит в сказочный лубок.

И чтоб под гипсовой повязкой
Восстановился кровоток,
Он носит радостную сказку,
Подвешенную на платок.

Леченье так умно и тонко:
Всего целебней на земле
Рассказ про гадкого утенка
И миф о голом короле.

1960

* * *

Мне снова жажда вяжет губы
В сухом снегу,
Где белый лес играет в трубы
Во всю вьюгу.

И наст горит под скользкой лыжей.
Дымится снег.
Огонь все ближе, ближе, ближе,
И вот — ночлег.

И, ставя обе лыжи стоймя
К венцу избы,
Я постучу в окно спокойно
Рукой судьбы.

1960

СТАРАЯ ВОЛОГДА

Медлительная Вологда...
Столетия и дали
Тащили город волоком,
В оврагах рассыпали.

Предместьями, посадами
Бросали на дороге
С глухими палисадами
Еловые чертоги.

Жила когда-то грезами
О Вологде-столице,
Каприз Ивана Грозного —
Как сказка о Жар-птице.

А впрочем, вести веские
О царском разговоре —
Магическими фресками
В стариннейшем соборе.

1960

КОРНИ ДАУРСКОЙ ЛИСТВЕННИЦЫ

Корни деревьев — как флаги,
Флаги в промерзлой земле,
Мечутся в поисках влаги,
В страстной мечте о тепле.

Вся корневая система
В мерзлой от века судьбе.
Это — упорства поэма,
Это — стихи о борьбе.

1960

РОЯЛЬ

Видны царапины рояля
На желтом крашеном полу:
Наверно, двери растворяли,
Ворочали рояль в углу.

И он царапался когтями
И, очевидно, изнемог
В борьбе с незваными гостями,
Перешагнувшими порог.

И вот он вытащен наружу,
Поставлен где-то у стены.
Рояль — беззвучное оружье
Необычайной тишины.

И все сейчас во власти вести,
Все ждут подобья чудесам —
Ведь здесь на том, рояльном, месте
Дух музыки почиет сам.

2 июня 1960
Переделкино

* * *

Толпа гортензий и сирени
И сельских ландышей наряд —
Нигде ни капли смертной тени,
И вся земля — цветущий сад.

И майских яблонь пух летает,
Легчайший лебединый пух,
Неисчислимой белой стаей,
И тополя шуршат вокруг.

И ослепительное лето
Во все цвета и голоса
Гремит, не веря в смерть поэта
И твердо веря в чудеса.

2 июня 1960
Переделкино

* * *

Будто выбитая градом,
Искалечена трава.
Вытоптана зелень сада
И едва-едва жива.

На крылечные ступени
Разбросали каблуки
Ветки сломанной сирени,
Глиняные черепки...

И последняя расплата,
Послесловье суеты:
Шорох киноаппарата,
Жестяных венков цветы...

2 июня 1960
Переделкино

* * *

Орудье высшего начала,
Он шел по жизни среди нас,
Чтоб маяки, огни, причалы
Не скрылись навсегда из глаз.

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг.

Как сгусток, как источник света,
Он весь — от головы до ног —
Не только нес клеймо поэта,
Но был подвижник и пророк.

Как музыкант и как философ,
Как живописец и поэт,
Он знал решенье всех вопросов,
Значенье всяких «да» и «нет».

И, вслушиваясь в травы, в листья,
Оглядывая шар земной,
Он встретил много новых истин
И поделился со страной.

И, ненавидя пустословья,
Стремясь к сердечной простоте,
Он был для нас самой любовью
И путь указывал мечте.

1960

КАПЛЯ

Править лодкою в тумане
Больше не могу.
Будто я кружусь в буране
В голубом снегу.

Посреди людского шума
Рвется мыслей нить.
Своего мне не додумать,
Не договорить.

Капля с каплей очень схожи,
Падают они:
День за днем, как день прохожий,
День — калика перехожий,
Каплют капли-дни.

Разве тяжче, разве краше,
Ярче всех других
Та, что переполнит чашу,
Чашу дней моих.

1960

БУРЕНИЕ ОГНЕМ

Поэзия, поэзия —
Бурение огнем.
Сверкает света лезвие —
Такая сила в нем,

Что в кислородном пламени
Расплавится скала, —
Идет в породе каменной
Горящая игла.

Как факел ослепительный
Врезаясь в минерал,
Готовя для Праксителя
Любимый матерьял.

1960

* * *

Бесплодно падает на землю
Цветов пыльца,
Напрасно пролитое семя
Творца.

И только миллионной части,
Упав на дно,
Вступить с природой в соучастье
Дано.

1960

* * *

Мы предтечи, мы только предтечи,
С недостатками слуха и речи,

Рифмачи, плясуны, музыканты,
Обморозившие таланты.

Мы учились в особенной школе
В чистом поле в далекой неволе.

Там, где солнце сияет ночами,
Там, где лед обжигает, как пламя.

Наши судьбы доверены вьюгам
За полярным магическим кругом.

Мы глядим до сих пор молодцами,
Нас еще не смешать с мертвецами.

1961

* * *

Ручей питается в дороге
То родниками, то дождем
И через горные пороги
Проталкивается с трудом.

И, как при кровяном давленье,
Повышенном до глухоты,
Рекой в порывистом движенье
Расшатывает мосты.

И где-нибудь в изнеможенье
Вода ложится на песок,
Почти без пульса, без движенья
Валяется у наших ног.

Ее и здесь зовут рекою.
Она сверкает как слюда,
Как воплощение покоя —
Горизонтальная вода.

<1961>

* * *

Пусть чернолесье встанет за деревнями —
Тропинкой вглубь идут мои стихи.
Не лес я должен видеть за деревьями,
А голубую кожицу ольхи.

Стекляшки — бусы розовой смородины
И слив резиновые шары.
Дороги не заказаны, не пройдены
В подлески, чащи, рощи и боры.

Скажу не по-латински, не по-гречески
Про мертвую сожженную траву —
Пока пейзаж не говорит по-человечески,
Его пейзажем я не назову.

1961

* * *

Часы внутри меня,
Волшебные часы,
Отмерить дозы дня
Незримые весы.

Проснусь я точно в час,
Намеченный вчера,
Хоть, не смыкая глаз,
Работал до утра.

Вселенная ведет,
Скрывая как секрет,
Тончайший этот счет —
Тысячелетний след.

И времени чутье —
Закон житья-бытья —
Мы знаем все: зверье,
Деревья, ты и я...

1961

* * *

Жить вместе с деревом, как Эрьзя,
И сердце видеть в сердцевине.
Из тысяч сучьев, тысяч версий
Найти строенья план единый.

Найти фигуры очертанье,
Лицо пейзажа-человека,
А имена или názванья —
Приметы нынешнего века.

Гефест перед кусищем меди,
Буонарроти перед грудой
Камней, уверенный в победе,
Уже почувствовавший чудо...

1961

* * *

Тихий ветер по саду ступает,
Белый вишенный цвет рассыпает.

И одна из песчаных дорожек —
Как вишневое платье в горошек.

Лепестки на песке засыхают,
Люди ходят и тихо вздыхают...

Ветер пыльные тучи взметает —
Белый вишенный цвет улетает.

Поднимается выше и выше
Легкий цвет, белый цвет нашей вишни.

1961

* * *

Стихи — это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений, даже самых точных,

И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире взрывы тишины
И к горлу подступающие слезы.

1962

* * *

Поэзия — дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.

Сто жизней проживших сполна,
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.

Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия — вызревший плод
И белое пламя седин.

1962

* * *

Когда после разлуки
И сам еще не свой,
Протягивая руки,
Встречаюсь я с Москвой, —

Резины и бензина
Блаженство и уют,
Шуршат, щебечут шины,
Как зяблики поют.

На площади вокзальной,
Где стук, и крик, и звон,
Сливают в музыкальный,
Как бы единый тон.

Удерживая слезы,
На площади стою
И по старинной позе
Свой город узнаю.

Московский гул и грохот,
Весь городской прибой
Велением эпохи
Сплетен с моей судьбой.

1962

* * *

Летний город спозаранку
Проступает сквозь туман,
Как чудовищная гранка,
Свеженабранный роман.

Город пахнет той же краской,
Что газетные листы,
Неожиданной оглаской,
Суеверьем суеты.

И чугунные заборы
Знаменитого литья —
Образцы шрифтов набора
И узоров для шитья.

Утро все — в привычном чтенье
Зданий тех архитектур,
Что знакомы поколеньям
Лучше всех литератур.

1962

* * *

О подъезды, о колонны
Разбивающийся дождь —
Будто ампул миллионы
Покрывают площадь сплошь.

Кислый дух автомобиля
И жилища перегар —
Все прибито вместе с пылью
И вколочено в бульвар.

Будто после треска, хруста
На поверженный пустырь,
Приводя природу в чувство,
Выливают нашатырь.

И полны глубокой веры
В приближенье синевы
Палисадники и скверы
И окраины Москвы.

1962

* * *

Свяжите мне фуфайку
Из пуха тополей
Белее белой лайки
И севера белей,

Белее света даже
В асфальтовом дворе, —
Из этой светлой пряжи,
Крученной на жаре.

Волокон и событий
Начала и концы
Разматывают нити
Ребята-мудрецы.

Обрывками капрона
Усеяна земля,
Как и во время óно,
Седеют тополя.

Растрепанной кудели
Дымятся вороха,
Как след былой метели,
Пригодный для стиха.

Свяжите мне фуфайку
Из пуха тополей,
Белее белой лайки
И севера белей.

1962

РОСА

Травинкам труднее всего по утрам,
Когда открывают дорогу ветрам,

И грозная мертвая летняя сушь
Похуже буранов, метелей и стуж.

Себя не жалея, себя не щадя,
Травинки живут без дождя, без дождя.

Из воздуха влагу вбирают леса,
Как пот выступает ночная роса.

И корни растений глотают питье
И славят свое корневое житье.

Они отдарят эту каплю воды
И к небу поднимут цветы и плоды.

1962

АРКТИЧЕСКАЯ ИВА

Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спешить
Жить здесь, как птица, как человек,
Если решила жить.

Жить — значит в талую землю успеть
Бросить свои семена,
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.

1962

* * *

Упала, кажется, звезда,
Или, светя с вершины,
Сквозь ночь спускается сюда
С горы автомашина?

Вокруг палатки — темнота,
Бездонная, ночная,
Не слышно шелеста листа,
Умолкла речь речная.

Я в лампе не зажгу огня,
Чтоб летней ночью этой
Соседи не сочли меня
Звездой или планетой.

1962

* * *

В годовом круговращенье,
В возвращенье зим и лет,
Скрыт секрет стихосложенья —
Поэтический секрет.

Это ритмика ландшафтов,
Самобытные стихи,
Что строчит безвестный автор
Чернотала и ольхи.

Музыкален, как баллада,
Как чередованье строк,
Срок цветенья, листопада,
Перелетов птичьих срок.

В смене грома и затишья,
В смене света и теней
Колесо четверостишья,
Оборот ночей и дней.

1962

* * *

Не в Японии, не на Камчатке,
Не в исландской горячей земле, —
Вулканическая взрывчатка
На заваленном пеплом столе.

И покамест еще примененья
К отопленью сердец не нашло,
Застывает, утратив движенье,
Тередившее душу тепло.

1962

* * *

Костер сгорел дотла,
И там, где было пламя, —
Лиловая зола
Остужена камнями.

Зола добра и зла,
Исписанной бумаги,
Лишенная тепла,
Сметенная в овраги...

1962

* * *

У деревьев нет уродов,
У зверей уродов нет,
Безупречна птиц порода,
Соразмерен их скелет.

Даже там, в камнях пустыни,
В беспорядке диких скал
Совершенством мягких линий
Подкупает минерал.

1962

НАД СТАРЫМИ ТЕТРАДЯМИ

Выгорает бумага,
Обращаются в пыль
Гордость, воля, отвага,
Сила, сказка и быль.

Радость точного слова,
Завершенье труда, —
Распылиться готова
И пропасть без следа.

Сколько было забыто
На коротком веку,
Сколько грозных событий
Сотрясало строку...

А тетрадка хранила
Столько бед, столько лет...
Выгорают чернила,
Попадая на свет

Вытекающей кровью
Из слабеющих вен:
Страстью, гневом, любовью,
Обращенными в тлен.

1962

* * *

Я под облачной грядою,
В улетающем пару,
Над живой морской водою,
Остывающей к утру.

Хорошо ночное лето,
Обезлюдел каждый дом,
Море вечером нагрето,
Утопили солнце в нем.

Потонул в пучине темной
И согрел ее собой
Раскаленный шар огромный,
Закипел морской прибой.

1963

* * *

Стихотворения — тихотворения,
И это — не обмолвка, нет,
Такие они с рождения,
С явленья на белый свет.

Стихотворения — тихотворения
И требуют тишины,
Для тонкости измерения,
Длины, высоты, ширины.

Стихотворения — тихотворения,
Поправок, доделок — тьма!
От точности измерения
Зависит и жизнь сама.

1963

* * *

Да, театральны до конца
Движенья и манеры
Аптекаря, и продавца,
И милиционера.

В горячий праздник синевы
На исполинской сцене
Не без участия травы
Идет спектакль весенний.

И потому, забыв про боль,
Пренебрегая бором,
Подснежник тоже учит роль
И хочет быть актером.

Не на земле, не на песке,
А встав в воротах лета,
Зажатый в чьем-то кулаке
Образчиком букета.

1963

* * *

Я думаю все время об одном —
Убили тополь под моим окном.

Я слышал хриплый рев грузовика,
Ему мешала дерева рука.

Я слышал крики сучьев, шорох трав,
Еще не зная, кто не прав, кто прав.

Я знал деревьев добродушный нрав,
Неоспоримость всяких птичьих прав.

В окне вдруг стало чересчур светло —
Я догадался: совершилось зло.

Я думаю все время об одном:
«Убили тополь под моим окном».

1963

* * *

Я вовсе не бежал в природу,
Наоборот —
Я звезды вызвал с небосвода,
Привел в народ.

И в рамках театральных правил
И для людей
В игре участвовать заставил
Лес-лицедей.

Любая веточка послушна
Такой судьбе.
И нет природы, равнодушной
К людской борьбе.

1963

* * *

Кровь солона, как вода океана,
Чтоб мы подумать могли:
Весь океан — это свежая рана,
Рана на теле Земли.

Помним ли мы, что в подводных глубинах
Кровь у людей — зелена.
Вся в изумрудах, отнюдь не в рубинах,
В гости нас ждет глубина.

В жилах, наполненных влагой соленой,
Мерных ударов толчки,
Бьет океан своей силой зеленой
Пульсом прилива — в виски.

1963

АМУНДСЕНУ

Дневники твои — как пеленг,
Чтоб уверенный полет
К берегам любых Америк
Обеспечивал пилот.

Это — не руины Рима,
А слетающий с пера
Свежий, горький запах дыма
Путеводного костра.

Это — вымысла границы,
Это — свежие следы
По пути за синей птицей,
Залетающей во льды.

Мир, что кажется все чаще
Не музейной тишиной,
А живой, живущей чащей,
Неизвестностью лесной.

1963

РЯЗАНСКИЕ СТРАДАНЬЯ

Две малявинских бабы стоят у колодца —
Древнерусского журавля —
И судачат... О чем им судачить, Солотча,
Золотая, сухая земля?

Резко щелкает кнут над тропою лесною —
Ведь ночным пастухам не до сна.
В пыльном облаке лошади мчатся в ночное,
Как в тургеневские времена.

Конский топот чуть слышен, как будто глубоко
Под землей этот бег табуна.
Невидимки умчались далеко-далеко,
И осталась одна тишина.

Далеко-далеко от московского гама
Тишиной настороженный дом,
Где блистает река у меня под ногами,
Где взмахнула Ока рукавом.

И рукав покрывают рязанским узором,
Светло-бронзовым соснам под лад,
И под лад черно-красным продымленным зорям
Этот вечный вечерний наряд.

Не отмытые храмы десятого века,
Добатыевских дел старина,
А заря над Окой — вот мечта человека,
Предзакатная тишина.

1963

* * *

Сосен светлые колонны
Держат звездный потолок,
Будто там, в садах Платона,
Длится этот диалог.

Мы шагаем без дороги,
Хвойный воздух как вино,
Телогрейки или тоги —
Очевидно, все равно...

1963

* * *

Я хочу, чтоб средь метели
В черной буре снеговой,
Точно угли, окна тлели,
Ясной вехой путевой.

В очаге бы том всегдашнем
Жили пламени цветы,
И чтоб теплый и нестрашный
Тихо зверь дышал домашний
Средь домашней темноты.

1963

* * *

Не удержал усилием пера
Всего, что было, кажется, вчера.

Я думал так: «Какие пустяки!
В любое время напишу стихи.

Запаса чувства хватит на сто лет —
И на душе неизгладимый след.

Едва настанет подходящий час,
Воскреснет все — как на сетчатке глаз».

Но прошлое, лежащее у ног,
Просыпано сквозь пальцы, как песок,

И быль живая поросла быльем,
Беспамятством, забвеньем, забытьем...

1963

* * *

Я иду, отражаясь в глазах москвичей,
Без ненужного шума, без лишних речей.

Я иду — и о взгляд загорается взгляд,
Магнетической силы мгновенный разряд.

Память гроз, отгремевших не очень давно,
Заглянула прохожим в зрачок, как в окно.

Вдоль асфальта мои повторяет слова
Победившая камень живая трава.

Ей в граните, в гудроне привычно расти —
Камень сопок ложился у ней на пути.

И навек вдохновила траву на труды
Непомерная сила земли и воды,

Вся чувствительность тропки таежной, где след
Иногда остается на тысячу лет.

1964

* * *

Осенний воздух чист,
Шумна грачей ночевка,
Любой летящий лист
Тревожен, как листовка

С печатного станка,
Станка самой природы,
Падение листка
Чуть-чуть не с небосвода.

Прохожий без труда
Прочтет в одно мгновенье,
Запомнит навсегда
Такое сообщенье.

Подержит на ветру
Скрещенье тонких линий,
И рано поутру
На листья ляжет иней.

1964

* * *

Он чувствует событья кожей.
Что цвет и вкус?
На озарение похожа
Подсказка муз.

Его пространство безвоздушно,
Должна уметь
Одной природе быть послушной
Пластинки медь.

Сожмется, точно анероид
В деленьях шкал,
Свои усилия утроит,
Ловя сигнал.

И передаст на самописцы
Земной секрет,
Оставит почерком провидца
Глубокий след.

1964

* * *

Б. Пастернаку

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

Не будет в жизни боле
Строительных контор,
Починки старой боли,
Крепления опор.

Моя архитектура
От шкуры до нутра
Во власти штукатура,
Под игом маляра.

И плотничьи заплаты
На рубище певца —
Свидетельство расплаты
С судьбою до конца.

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

1964

* * *

Выщербленная лира,
Кошачья колыбель, —
Это моя квартира,
Шиллеровская щель.

Здесь нашу честь и место
В мире людей и зверей
Обороняем вместе
С черною кошкой моей.

Кошке — фанерный ящик,
Мне — колченогий стол.
Кровью стихов настоящих
Густо обрызган пол.

Кошка по имени Муха
Точит карандаши,
Вся — напряженье слуха
В темной квартирной тиши.

1964

ТАРУСА

Карьер известняка
Районного значенья,
И светлая река
Старинного теченья.

Здесь тени, чье родство
С природой, хлебом, верой —
Живое существо,
А вовсе не химера.

Не кладбище стихов,
А кладезь животворный,
И — мимо берегов —
Поток реки упорный.

Хранилище стиха
Предания и долга,
В поэзии Ока
Значительней, чем Волга.

Карьер известняка
Районного значенья,
И светлая река
Старинного теченья.

1964

* * *

Я — северянин. Я ценю тепло,
Я различаю — где добро, где зло.

Мне нужен мир, где всюду есть дома,
Где белым снегом вымыта зима.

Мне нужен клен с опавшею листвой
И крыша над моею головой.

Я — северянин, зимний человек,
Я каждый день ищу себе ночлег.

1964

* * *

Вчера я кончил эту книжку
Вчерне.
Осадка в ней немного лишку
На дне.

В подножье строк или палаток
Гранит
Нерастворимый тот остаток
Хранит.

Стиха невозмутима мера —
Она
Для гончара и для Гомера
Одна.

1964

* * *

Я не искал людские тайны,
Как следопыт.
Но мир изменчивый, случайный
Мной не забыт.

Тепло людского излученья
В лесной глуши,
Земные донные теченья
Живой души.

И слишком многое другое,
О чем нет слов,
Вставало грозное, нагое
Из всех углов...

1964

* * *

Рассказано людям немного,
Чтоб грозная память моя
Не слишком пугала тревогой
Дороги житья и бытья.

И я поступил не случайно,
Скрывая людские грехи,
Фигурами умолчанья
Мои переполнив стихи.

Достаточно ясен для мудрых
Лирический зимний рассказ
О тех перламутровых утрах,
О снеге без всяких прикрас.

Но память моя в исступленье,
Но память вольна и сильна,
Способна спасти от забвенья
Сокровища с самого дна.

1965

* * *

Не линия и не рисунок,
А только цвет
Расскажет про лиловый сумрак,
Вечерний свет.

И вот художника картины
Со стен квартир
Звучали как пароль единый
На целый мир.

И слепок каменной химеры
Дрожал в руке,
Чтоб утвердился камень веры
В моей строке.

1965

НЕРЕСТ

Н. Столяровой

Закон это иль ересь,
Ненужная морям,
Лососей ход на нерест
Средь океанских ям.

Плывут без карт и лоций
И по морскому дну
Ползут, чтоб побороться
За право быть в плену.

И в тесное ущелье
Ворваться, чтоб сгореть —
С единственною целью:
Цвести — и умереть.

Плывут не на забаву,
Плывут не на игру,
Они имеют право
В ручье метать икру.

И оплодотворенья
Немой великий миг
Войдет в стихотворенье,
Как боль, как стон и крик.

У нерестилищ рыбьих,
Стремясь в родной ручей,
Плывут, чтобы погибнуть
На родине своей.

И трупы рыб уснувших
Видны в воде ручья —
Последний раз блеснувши,
Мертвеет чешуя.

Их здесь волна качала
И утопила здесь,
Но высшее начало
В поступках рыбьих есть.

И мимо трупов в русло
Плывут живых ряды
На нерест судеб русских,
На зов судьбы — беды.

И люди их не судят —
Над чудом нет судей, —
Трагедий рыбьих судеб,
Неясных для людей.

Кипит в ручье рожденья
Лососей серебро,
Как гимн благодаренья,
Прославивший добро.

1965

* * *

Кета родится в донных стойлах
Незамерзающей реки,
Зеленых водорослей войлок
Окутывает родники.

Дается лососевой рыбе
В свою вернуться колыбель.
Здесь все в единстве: жизнь и гибель,
Рожденье, брачная постель.

И подвиг жизни — как сраженье:
Окончив брачную игру,
Кета умрет в изнеможенье,
На камень выметав икру.

И не в морской воде, а в пресной
Животворящий кислород
Дает дышать на дне чудесно
И судьбы двигает вперед.

1965

* * *

Я ищу не героев, а тех,
Кто смелее и тверже меня,
Кто не ждет ни указок, ни вех
На дорогах туманного дня.

Кто испытан, как я — на разрыв
Каждой мышцей и нервом своим,
Кто не шнур динамитный, а взрыв,
По шнуру проползающий дым.

Средь деревьев, людей и зверей,
На земле, на пути к небесам,
Мне не надо поводырей,
Все, что знаю, я знаю сам.

Я мальчишеской пробою стал
Мерить жизнь и людей — как ножи:
Тот уступит, чей мягче металл, —
Дай свой нож! Покажи. Подержи.

Не пророков и не вождей,
Не служителей бога огня,
Я ищу настоящих людей,
Кто смелее и тверже меня.

1965

* * *

Как гимнаст свое упражнение,
Повторяю свой будущий день,
Все слова свои, все движения,
Прогоняю боязнь и лень.

И готовые к бою мускулы
Каждой связки или узла
Наполняются смутной музыкой
Поединка добра и зла.

Даже голос не громче шепота
В этот утренний важный миг,
Вывод жизни, крупица опыта,
Что почерпнута не из книг.

1965

* * *

Я не лекарственные травы
В столе храню,
Их трогаю не для забавы
Сто раз на дню.

Я сохраняю амулеты
В черте Москвы,
Народной магии предметы —
Клочки травы.

В свой дальний путь, в свой путь недетский
Я взял в Москву —
Как тот царевич половецкий,
Емшан-траву, —

Я ветку стланика с собою
Привез сюда,
Чтоб управлять своей судьбою
Из царства льда.

1965

* * *

Пусть свинцовый дождь столетья,
Как начало всех начал,
Ледяной жестокой плетью
Нас колотит по плечам.

И гроза идет над нами,
Раскрывая небо нам,
Растревоженное снами
И доверенное снам.

И черты стихотворенья,
Слепок жестов, очерк поз,
Словно отзвуки движенья
Проходящих в мире гроз.

1966

* * *

Не покончу с собой —
Превращусь в невидимку:
И чтоб выиграть бой,
Стану призрачной дымкой.

Я врага разыщу
Средь земного предела,
Подкрадусь, отомщу,
Завершу свое дело.

Это вера из вер —
Та дикарская вера,
Катехизис пещер
И путей Агасфера.

1966

* * *

Любви случайное явленье
Смиренно чудом назови
И не бросай слова презренья
Вслед улетающей любви.

1966

* * *

Взад-вперед ходят ангелы в белом
С неземным выражением глаз,
Труп еще называется телом —
В лексиконе, доступном для нас.

И чистилища рефрижератор,
Подготовивший трупы в полет,
Петербургский ли это театр,
Навсегда замурованный в лед.

Распахнут подземелье столетья,
Остановится время-пора
Лифтом морга, как шахтною клетью,
Дать добычу судьбы — на гора.

Нумерованной, грузной, бездомной
Ты лежала в мертвецкой — и вот
Поднимаешься в синий огромный
Ожидающий небосвод.

Вот последнее снаряженье:
Мятый ситцевый старый халат,
Чтоб ее не стеснились движенья
В час прибытия в рай или в ад.

И обряд похоронного чина,
И нарушить обряда не сметь,
Чтобы смерть называлась кончина,
А не просто обычная смерть.

И нужна ли кончина поэту,
Торопливых друзей говорок,
Заглушающий выкрики света
От обугленных заживо строк.

Нумерованной, мертвой, бездомной
Ты лежала в мертвецкой — и вот
Поднимаешься в синий огромный
Ожидающий небосвод.

1966

ЖИВОПИСЬ

Портрет — это спор, диспут,
Не жалоба, а диалог.
Сраженье двух разных истин,
Боренье кистей и строк.

Потоком, где рифмы — краски,
Где каждый Малявин — Шопен,
Где страсть, не боясь огласки,
Разрушила чей-то плен.

В сравненье с любым пейзажем,
Где исповедь — в тишине,
В портрете варятся заживо,
На странной горят войне.

Портрет — это спор с героем,
Разгадка его лица.
Спор кажется нам игрою,
А кисть — тяжелей свинца.

Уже кистенем, не кистью
С размаха художник бьет.
Сраженье двух разных истин.
Двух судеб холодный пот.

В другую, чужую душу,
В мучительство суеты
Художник на час погружен,
В чужие чьи-то черты.

Кому этот час на пользу?
Художнику ли? Холсту?
Герою холста? Не бойся
Шагнуть в темноту, в прямоту.

И ночью, прогнав улыбку,
С холстом один на один,
Он ищет свою ошибку
И свет или след седин.

Портрет это или маска —
Не знает никто, пока
Свое не сказала краска
У выбеленного виска.

1967

* * *

В судьбе есть что-то от вокзала,
От тех времен, от тех времен
И в этой ростепели талой,
И в спешке лиц или имен.

Все та же тень большого роста
От заколдованной сосны.
И кажется, вернуться очень просто
В былые раду́жные сны.

<1960-е>

* * *

По старому следу сегодня уеду,
Уеду сквозь март и февраль,
По старому следу, по старому следу
В знакомую горную даль.

Кончаются стежки мои снеговые,
Кончаются зимние сны,
И тают в реке, словно льдинки живые,
Слова в половодье весны.

1968

* * *

Нет, память не магнитофон,
И не стереть на этой ленте
Значение, и смысл, и тон
Любого мига и момента.

И самый миг не будет стерт,
А укреплен, как путь и опыт:
Быть может, грозовой аккорд,
Быть может, только слабый шепот.

Услышанное сквозь слова
И то, что видено случайно, —
Все сохранила голова
Предвестником для новой тайны.

1968

* * *

Я тоже теплопоклонник
Огня или солнца — равно,
Я лезу на подоконник,
Распахиваю окно.

Знакомая даль Ярославны:
Дорога, кривое шоссе,
Раскопки в периоде давнем,
Трава в непросохшей росе...

Я жду новостей, как княгиня
На башне когда-то ждала,
Земная моя героиня
На страже добра, а не зла.

Но ветром захлопнуты рамы,
И я наклоняюсь к огню —
К печурке, где отсветы драмы,
Ему я не изменю.

1968

* * *

Не шиповник, а пионы,
Точно розы без шипов,
Утвердят во мне законы
Новых мыслей, новых слов.

И приносит запах смутный
Чьей-то жизни слабый тлен,
Как мгновенный, как минутный
И неотвратимый плен.

Это голос отдаленный
Незабытых дней, времен,
Стон коленопреклоненный,
Хорошо известный стон.

1968

* * *

Грозы с тяжелым градом,
Градом тяжелых слез.
Лучше, когда ты — рядом,
Лучше, когда — всерьез.

С Тютчевым в день рожденья,
С Тютчевым и с тобой,
С тенью своею, тенью
Нынче вступаю в бой.

Нынче прошу прощенья
В послегрозовый свет,
Все твои запрещенья
Я не нарушу, нет.

Дикое ослепленье
Солнечной правоты,
Мненье или сомненья —
Все это тоже ты.

1968

* * *

Три корабля и два дельфина
На желтый остров приплывут,
При шторме девять с половиной
Отыскивая приют.

Они меняют дни на ночи,
Берут концы вместо начал.
И путь становится короче,
И приближается причал.

И волны, волны… Нет им меры.
Три корабля, три корабля,
Не каравеллы, а галеры
Плывут по курсу января.

И по Колумбову компасу —
Не то зюйд-вест, не то норд-ост —
Плывут дежневские карбасы
Под синим светом старых звезд.

1968

* * *

На память черпнул я пол-океана,
Храню у себя на столе,
Зажить не хотят эти ранние раны,
Забыть о подводной скале.

Давно б затянулись в просторе небесном,
В космической высоте,
Где резали воздух Галактики вести,
Дрожа на магнитном щите.

В простом, угловатом граненом стакане
Найти я границы хотел,
Предел бесконечного океана
И бездны бездонной предел.

И вы в разговоры о смерти не верьте,
Там тления нет и следа.
В стакане бурлит, утверждая бессмертье,
Живая морская вода.

А может быть, все это вышло из моды —
Стаканы, приметы, цветы,
Игра или только игрушка природы
Стихи эти, я и ты...

1968

* * *

Усиливающийся дождь
Не нужен мне.
И скоро высохнет чертеж
Дождя в окне.

И осторожные штрихи
Его руки
Как неуместные стихи —
Черновики.

Все ветра вытерто рукой,
Стекло блестит.
Ложится солнце на покой
И долго спит.

1968

* * *

Усиливающийся ливень
Не делает меня счастливым.
Наоборот —
Неразрешимейшая задача
Лишая мир истоков плача,
Идти вперед.

1968

* * *

Быть может, и не глушь таежная,
А склад характера, призванье
Зовет признания тревожные,
Зовет незваные названья.

Автобусное одиночество
И ненамеренность дороги —
Приметы для предмета зодчества,
Для слов, разломанных на слоги.

Служить на маяке механиком,
Подмазывая ось вселенной,
Следя за тем, как люди в панике
Ее смещают постепенно.

Не труд машины вычислительной,
Оборванный на полуфразе.
А всех созвездий бег стремительный
В еще Колумбовом экстазе.

Природа славится ответами
На все вопросы роковые.
Любыми грозами, кометами,
Увиденными впервые.

Далекая от телепатии,
Воспитанная разумно,
Она лишь звездочета мантия,
Плащ серебристо-лунный.

1968

* * *

Все осветилось изнутри.
И теплой силой света
Лесной оранжевой зари
Все было здесь согрето.

Внезапно загорелось дно
Огромного оврага.
И было солнце зажжено,
Как зажжена бумага.

<1960-е>

* * *

В лесу листок не шелохнется —
Такая нынче тишина.
Никак природа не очнется
От обморока или сна.

Ручей сегодня так бесшумен —
Воды набрал он, что ли, вот,
И сквозь кусты до первых гумен
Он не струится, а течет.

Обняв осиновую плаху
И навалясь на огород,
Одетый в красную рубаху,
Стоит огромный небосвод.

1969

* * *

Я живу не по средствам:
Трачу много души.
Все отцово наследство —
На карандаши,

На тетрадки, на споры,
На дорогу в века,
На высокие горы
И пустыни песка.

1969

* * *

Я одет так легко,
Что добраться домой невозможно,
Не обсохло еще молоко
На губах, и душа моя слишком тревожна.

Разве дождь — переждешь?
Ведь на это не хватит терпенья,
Разве кончится дождь —
Это странное пенье,

Пенье струй водяных, так похожих на струны,
Эта тонкая, звонкая нить,
Что умела соединить
И концы и кануны?

1969

* * *

Как на выставке Матисса,
Я когда-нибудь умру.
Кто-то сердце крепко стиснет,
Окунет в огонь, в жару.

Поразит меня, как лазер,
Обжигающ и колюч,
Оборвет на полуфразе
Невидимка — смертный луч.

Я присяду у порога,
Острый отразив удар,
Понемногу, понемногу
Отобьюсь от смертных чар.

И, уняв сердцебиенье,
Обманув судьбу мою,
Одолев оцепененье,
Продолжать свой путь встаю.

1969

* * *

Как пишут хорошо: «Испещрено...»,
«Вся в пятнах крови высохшая кожа».
А мне и это нынче все равно.
Мне кажется — чем суше и чем строже,

Тем молчаливей. Есть ли им предел,
Ненужным действиям, спасительным отпискам,
Венчающим любой земной удел,
Придвинутый к судьбе так близко.

1969

* * *

Суеверен я иль нет — не знаю,
Но рубаху белую свою
Чистую на счастье надеваю,
Как перед причастьем, как в бою.

Асептическая осторожность —
Древняя примета разных стран,
Древняя заветная возможность
Уцелеть после опасных ран.

<1960-е>

* * *

Приглядись к губам поэта,
Угадай стихов размер
И запомни: чудо это,
Поучительный пример, —

Где в прерывистом дыханье
Зрению доступный ритм
Подтверждает, что стихами
Жизнь о жизни говорит.

1969

* * *

Дорога ползет, как червяк,
Взбираясь на горы.
Магнитный зовет железняк,
Волнует приборы.

На белый появится свет
Лежащее где-то под спудом —
Тебе даже имени нет —
Подземное чудо.

1969

* * *

На небе бледно-васильковом,
Как облачко, висит луна,
И пруд морозом оцинкован
И стужей высушен до дна.

Здесь солнце держат в черном теле,
И так оно истощено,
Что даже светит еле-еле
И не приходит под окно.

Здесь — вместо детского смятенья
И героической тщеты —
Одушевленные растенья,
Деревья, камни и цветы...

<*1960-е*>

* * *

Волна о камни хлещет плетью
И, отбегая внутрь, назад,
На берег выстелется сетью,
Закинет невод наугад,

Стремясь от нового улова
Доставить самой глубине
Еще какое-нибудь слово,
Неслыханное на дне.

<*1960-е*>

* * *

Как в фехтовании — удар
И защитительная маска, —
Остужен вдохновенья пар,
Коварна ранняя огласка.

Как в фехтовании — порыв
К ненайденному совершенству, —
Всех чувств благословенный взрыв,
Разрядки нервное блаженство.

<*1960-е*>

* * *

Ведь в этом беспокойном лете
Естественности нет.
Хотел бы верить я примете,
Но — нет примет.

Союз с бессмертием непрочен,
Роль нелегка.
Рука дрожит и шаг неточен,
Дрожит рука.

<1960-е>

ВЕЧЕРНИЙ ХОЛОДОК

Вечерний холодок,
Грачей ленивый ропот —
Стихающий поток
Дневных забот и хлопот.

Я вижу, как во сне,
Бесшумное движенье,
На каменной стене
Влюбленных отраженье.

Невеста и жених,
Они идут, как дети,
Как будто кроме них
Нет ничего на свете.

<1960-е>

* * *

Летом работаю, летом,
Как в золотом забое,
Летом хватает света
И над моей судьбою.

Летом перья позвонче,
Мускулы поживее,
Все, что хочу окончить,
В летний рассвет виднее.

Кажется бесконечным
День — много больше суток!
Временное — вечным,
И — никаких прибауток.

1970

* * *

Не чеканка — литье
Этой медной монеты,
Осень царство свое
Откупила у лета.
По дешевке кусты
Распродав на опушке,
Нам сухие листы
Набивает в подушки.
И, крошась как песок,
На бульвар вытекает,
Пылью вьется у ног
И ничем не блистает.
Все сдувают ветра
На манер завещанья,
Наступает пора
Перемен и прощанья.

1970

* * *

Мир отразился где-то в зеркалах.
Мильон зеркал темно-зеленых листьев
Уходит вдаль, и мира легкий шаг —
Единственная из полезных истин.

Уносят образ мира тополя
Как лучшее, бесценное изделье.
В пространство, в бездну пущена земля
С неоспоримой, мне понятной целью.

И на листве — на ветровом стекле
Летящей в бесконечное природы,
Моя земля скрывается во мгле,
Доступная познанью небосвода.

1970

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛИКБЕЗЕ

Он — черно-белый, мой букварь,
Букварь моей судьбы:
«Рабы — не мы. Мы — не рабы» —
Вот весь его словарь.

Не мягкий ход полутонов:
«Уа, уа, уа»,
А обновления основ
Железные слова.

Я сам, мальчишка-педагог,
Сижу среди старух,
Старухам поднимаю дух,
Хоть не пророк, не Бог.

Я повторяю, я учу,
Кричу, шепчу, ворчу,
По книге кулаком стучу,
Во тьме свечой свечу.

Я занимаюсь — сутки прочь!
Не ангел, не святой,
Хочу хоть чем-нибудь помочь
В сраженье с темнотой.

Я ликвидатор вечной тьмы,
В моих руках — букварь:
«Мы — не рабы. Рабы — не мы».
Букварь и сам — фонарь.

Сраженье с «чрез», и «из», и «без»,
Рассеянных окрест,
И называется «ликбез»,
Где Маша кашу ест.

И тихо слушает весь класс
Мне важный самому
Знакомый горестный рассказ
«Герасим и Муму».

Я проверяю свой урок
И ставлю балл судьбе,
Двухбалльною системой мог
Отметку дать себе.

Себе я ставлю «уд.» и «плюс»
Хотя бы потому,
Что силой вдохновенья муз
Разрушу эту тьму.

Людей из вековой тюрьмы
Веду лучом к лучу:
«Мы — не рабы. Рабы — не мы» —
Вот все, что я хочу.

1970

* * *

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.

Каждый, кто к ней приближался,
Маме ангелом казался.

И, живя во время о́но,
Говорить по телефону

Моя мама не умела:
Задыхалась и робела.

Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.

Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.

Как Христос, я вымыл ноги
Маме — пыльные с дороги, —

Застеснялась моя мама —
Не была героем драмы.

И, проехавши полмира,
За порог своей квартиры

Моя мама не шагала —
Ложь людей ее пугала.

Мамин мир был очень узкий,
Очень узкий, очень русский.

Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной

Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.

И в наряде похоронном
Мама в гроб легла Самсоном, —

Выше всех казалась мама,
Спину выпрямив упрямо,

Позвоночник свой расправя,
Суету земле оставя.

Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,

Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной...

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.

1970

ПРАЧКИ

Девять прачек на том берегу
Замахали беззвучно валками,
И понять я никак не могу,
Что у прачек случилось с руками.

Девять прачек полощут белье.
Состязание света и звука
В мое детство, в мое бытие
Ворвалось как большая наука.

Это я там стоял, ошалев
От внезапной догадки-прозренья,
И навек отделил я напев
От заметного миру движенья.

1970

* * *

И мне на плече не сдержать
Немыслимый груз поражений.
Как ты, я люблю уезжать
И не люблю возвращений.

1970

* * *

Три снежинки, три снежинки в вышине —
Вот и все, что прикоснулось бы ко мне,

По закону тяжести небесной и земной
Медленно раскачиваясь надо мной,

Если б кончился сегодняшний мой путь,
Мог бы я снежинками блеснуть.

1970

* * *

Хранитель языка —
Отнюдь не небожитель,
И каждая строка
Нуждается в защите.

Нуждается в тепле
И в меховой одежде,
В некрашеном столе
И пламенной надежде.

Притом добро тепла
Тепла добра важнее.
В борьбе добра и зла
Наш аргумент сильнее.

1971

* * *

Острием моей дощечки
Я писал пред светом печки,
Пред единственным светцом,

Я заглаживал ошибки
Той же досточкой негибкой,
Но зато тупым концом.

<1971—1973>

* * *

Пусть лежит на столе,
Недоступная переводу,
Не желая звучать на чужом языке,
В холод речи чужой оступаться, как в воду,
Чуть не в каждой душевной строке.

Тайны речи твоей пусть никто не раскроет,
Мастерство! Колдовство! Волшебство!
Пусть героя скорей под горою зароют:
Естество превратят в вещество.

Не по признаку эсхатологий
Всевозможнейших Страшных судов —
Пусть уходит ручьем по забытой дороге:
Как ручей, без речей и цветов.

Пусть изучат узор человеческой ткани,
Попадающей под микроскоп,
Где дыханье тритон сохраняет веками
Средь глубоких ущелий и троп.

1972

* * *

Как Бетховен, цветными мелками
Набиваю карман по утрам,
Оглушенными бурей стихами
Исповедуюсь истово сам.

И в моей разговорной тетради
Место есть для немногих страниц,
Там, где чуда поэзии ради
Ждут явленья людей, а не птиц.

Я пойму тебя по намеку,
По обмолвке на стертой строке,
Я твой замысел вижу глубокий
По упорству в дрожащей руке.

Дошепчи, доскажи, мой товарищ,
Допиши, что хотел, до конца
Черным углем таежных пожарищ
При лучине любого светца.

Чтоб, отбросив гусиные перья,
Обнажить свою высшую суть
И в открытые двери доверья
Осторожно, но твердо шагнуть.

Как Бетховен, цветными мелками
Набиваю карман по утрам.
Раскаленными угольками
Они светятся по ночам.

1972

* * *

Уступаю дорогу цветам,
Что шагают за мной по пятам,

Настигают в любом краю,
В преисподней или в раю.

Пусть цветы защищают меня
От превратностей каждого дня.

Как растительный тонкий покров,
Состоящий из мхов и цветов,

Как растительный тонкий покров,
Я к ответу за землю готов.

И цветов разукрашенный щит
Мне надежней любых защит

В светлом царстве растений, где я —
Тоже чей-то отряд и семья.

На полях у цветов полевых
Замечанья оставил мой стих.

1972

* * *

Л. Т.

Стихи — это боль и защита от боли,
И — если возможно! — игра.
Бубенчики пляшут зимой в чистом поле,
На кончике пляшут пера.

Стихи — это боль и целительный пластырь,
Каким утишается боль,
Каким утешает мгновенно лекарство —
Его чудодейственна роль.

Стихи — это боль, это скорая помощь,
Чужие, свои — все равно,
Аптекарь шагает от дома до дома,
Под каждое ходит окно.

Стихи — это тот дополнительный градус
Любых человечьих страстей,
Каким накаляется проза на радость
Хранителей детских затей.

Рецептом ли модным, рецептом старинным
Фармакологических книг,
Стихи — как таблетка нитроглицерина,
Положенная под язык.

Среди всевозможных разрывов и бедствий
С облаткой дежурит поэт.
Стихи — это просто подручное средство,
Индивидуальный пакет.

1973

* * *

Я не люблю читать стихи,
Но не поэтому,
Что слишком много чепухи
Дано поэтами.

Я просто время берегу
Для их писания,
Когда бегу по берегу
Самопознания.

1973

* * *

Я поставил цель простую:
Шелестеть как листопад,
Пусть частично вхолостую,
Наугад и невпопад.

Я такой задался целью:
Беспрерывно шелестеть,
Шелестеть льдяной метелью,
Ледяные песни петь.

Я пустился в путь бумажный,
Шелестя как листопад,
Осторожный и отважный,
Заменяя людям сад.

И словарик ударений
Под рукой моей всегда.
Не для словоговорений
Шелестит моя вода.

<1970-е>

ТОПОР

Орудие добра и зла,
Топор — древнее, чем пила,
И не прошла еще пора
Для тайной силы топора.

Кладется на ночь на порог,
Чтоб жизнь хозяина берег,
Чтоб отогнал топор врага,
Пока свирепствует пурга.

Но если им срубили гроб
Для жителя якутских троп,
Оленьих трактов, лайд, озер, —
В куски ломаем мы топор —
Даем нечистому отпор.

1973

* * *

Ветер по насту метет семена.
Ветер как буря и как война.

Горбится, гнется, колеблется наст:
Этих семян никому не отдаст.

Девственниц-лиственниц семена.
Неоплодотворенная тишина.

Что из того, что явилась весна,
Лиственниц этих лишая сна?..

<1970-е>

* * *

Она ко мне приходит в гости
По той параболе комет,
Оставя падающий косо
Рассеивающийся свет.
Ей надо быть моей средою,
Как та воздушная среда,
Среда, которой я не стою,
Да и не стоил никогда.
Но в мире преувеличенья
В обличье сказок и легенд

Она сама была леченьем,
Вполне химический агент.
Оставя на моей бумаге
Едва заметный, легкий след,
Как тайнопись, которой маги
Заворожили свой секрет.
Как те бесцветные чернила,
Проявленные на огне,
Остатки жизненного пыла,
Несвойственного нынче мне.

1973

* * *

Не суеверием весны
Я тронул северные сны,
Те отпечатки старины,
Где откровенья мне даны
И с веком соединены
Среди полночной тишины.
Тем сновиденьям не бывать!
Не потрясти мою кровать,
Меня с кровати не сорвать!
Да будет мне всегда легка
Неосторожная рука,
Звонящая в звонок стиха, —
Резка, разумна и гулка.

1973

* * *

Письмо из ящика упало
И вырвало у смерти жало.
Сквозь жизни гам
Одна картонная страница
Летит, планируя, как птица,
К моим ногам.

1973

* * *

Хоть стал давно добычей тлена
Тот черный гость,
Бежать из песенного плена
Не удалось.

Не удалось сорваться с петли
И скрыться с глаз,
Покуда возглашает петел
Последний раз.

Покамест запевают трубы
Сигнал суда,
Покамест ангел синегубый
Ведет туда,

Где звезды вносят свет пристрастья
Во все углы,
Где все последствия пространства
Так тяжелы.

1973

* * *

Я, пожалуй, рад безлюдью.
Пусть никто, кроме меня,
Не встречает ветер грудью
Без костра и без огня.

Я, пожалуй, рад молчанью
Птиц, безмолвных в том краю,
Пусть молчание лучами
Освещает жизнь мою.

Чтоб у печки и у свечки
Проходили дни мои,
След у безымянной речки
Намечая в забытьи.

1973

* * *

Просто — болен я. Казалось,
Что здоров,
Что готов нести усталость
Старых слов.

Заползу в свою берлогу.
Поутру
Постою еще немного
На ветру.

Подышу свободной грудью
На юру,
Постою там на безлюдьи
И — умру.

1973

СЛАВЯНСКАЯ КЛЯТВА

Клянусь до самой смерти
мстить этим подлым сукам,
Чью гнусную науку я до конца постиг.
Я вражескою кровью свои омою руки,
Когда наступит этот благословенный миг.

Публично, по-славянски
из черепа напьюсь я,
Из вражеского черепа,
как делал Святослав.
Устроить эту тризну
в былом славянском вкусе
Дороже всех загробных,
любых посмертных слав.

1973

* * *

Коктебель невелик. Он родился из книг,
Из проложенной лоции к счастью.
Кормчий Кафы поймал ослепительный миг
И причалил, ломая ненастье.

Он направил корабль по весенней луне,
Уловив силуэт Карадага,
Он направил корабль по осенней волне
С безмятежной, бесстрастной отвагой.

Этот профиль луны на земле засечен
При создании нашей планеты,
Магматическим взрывом в науку включен,
И на лоции пойман, и людям вручен,
Словно дар фантазера-поэта.

Пусть потом за спиной и бурлит океан,
И волнуется нетерпеливо, —
Гаснет боль от телесных, душевных ли ран
В этом ярко-зеленом заливе.

И пускай на Луне уж давно луноход,
А не снасть генуэзского брига,
И в историю вложен ракетный полет,
Космографии новая книга,

Никогда, никогда не забудет земля,
Что тогда, в штормовую погоду,
Лишь по лунному профилю ход корабля
Он привел в эту малую воду.

1974

* * *

Я скитаюсь по передним,
Места теплого ищу,
Потому что в час последний
Гула славы трепещу.

В переносном и буквальном
Жажду только теплоты
В неком царстве идеальном,
Где гуляют я и ты.

Где других местоимений
Не пускают в оборот,
Где и гений платит пени,
Если сунется вперед.

1974

* * *

Слышу каждое утро
Голос Бога-Творца:
«До последней минуты!
До конца! До конца...»

Нету истины выше,
Нету мысли верней
Для подвала и крыши —
Для рабов и царей.

Этот лозунг футбольный,
Сей спортивный совет,
С неожиданной болью
Принимает поэт.

1974

* * *

Зови, зови глухую тьму —
И тьма придет.
Завидуй брату своему.
И брат умрет.

<1970-е>

* * *

Вот так умереть — как Коперник — от счастья,
Ни раньше, ни позже — теперь,
Когда даже жизнь перестала стучаться
В мою одинокую дверь.

Когда на пороге — заветная книга,
Бессмертья загробная весть,
Теперь — уходить! Промедленья — ни мига!
Вот высшая участь и честь.

<1970-е>

* * *

Мизантропического склада
Моя натура. Я привык
Удар судьбы встречать как надо,
Под крепкою защитой книг.

И всевозможнейшие скидки
Несовершенству бытия
Я делал с искренней улыбкой,
Зане — весь мир жил так, как я.

Но оказалось — путь познанья
И нервы книжного червя
Покрепче бури мирозданья,
Черты грядущего ловя.

1976

* * *

Судьба у меня двойная,
И сам я ей не рад:
Не был бы я поэтом —
Был бы тогда солдат.

Судьба у меня такая,
И сам я этому рад:
Остался бы я неизвестным —
Поэт я или солдат.

1980

СВЕРЧОК НА ПЕЧИ

Человеческий шорох и шум
Предваряют мое пробужденье,
Разгоняют скопление дум,
Неизбежных в моем положенье.

Это, верно, сверчок на печи
Затрещал, зашуршал, как когда-то,
Как всегда, обойдусь без свечи,
Как всегда, обойдусь без домкрата.

1981

* * *

В гулкую тишину
Входишь ты, как дыханье,
И моему полусну
Даришь воспоминанье.

Прикосновенье твое
К моей бесчувственной коже
Гонит мое забытье,
Память мою тревожит.

Горсть драгоценных рифм
К твоему приходу готова,
Ртом пересохшим моим
Перешептано каждое слово.

Тонкой струей текут
Они в твои ладони:
Жизнь, упорство и труд,
То, что вовек не утонет.

1981

* * *

Яблоком, как библейский змей,
Я маню мою Еву из рая.
Лишь в судьбе моей — место ей,
Я навек ее выбираю.

Пусть она не забудет меня,
Пусть хранит нашу общую тайну:
В наших днях, словно в срезе пня,
Закодирована не случайно.

1981

* * *

Не буду я прогуливать собак,
Псу жалко
Носить свое бессмертие в зубах,
Как палку.

В раю я выбрал самый светлый уголок,
Где верба.
Я сердце бросил — он понюхал, уволок,
Мой цербер.

Кусочек сердца — это ведь не кость,
Помягче, и цена ему иная,
Так я вошел, последний райский гость,
Под своды рая.

<1981>

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи В. Шаламова, написанные в 1937—1956 гг., были им самим собраны в книгу «Колымские тетради», состоявшую из шести тетрадей: «Синяя тетрадь», «Сумка почтальона», «Лично и доверительно», «Златые горы», «Кипрей», «Высокие широты».

Впервые «Колымские тетради» в полном объеме опубликованы в 1994 г. в издательстве «Версты».

Реально запись этих стихов была начата Шаламовым в 1949 г. на ключе Дусканья, где он работал фельдшером в поселке лесорубов и имел отдельную избушку — медпункт. Сохранились тетради, сшитые Шаламовым собственноручно из разных листов бумаги. После возвращения с Колымы в 1953 г. и до реабилитации и возвращения в Москву в 1956 г. писатель интенсивно работал над текстами колымских и постколымских стихотворений (так он называл стихи, написанные в 1953— 1956 гг.). В результате им была подготовлена беловая рукопись «Колымских тетрадей», не содержавшая, однако, датировки каждого стихотворения.

Впоследствии стихи из «Колымских тетрадей» многократно правились автором, а при публикации — и редактором. В настоящем издании они печатаются по текстам белового экземпляра «Колымских тетрадей», сохранившегося в архиве В Шаламова; исключение составляют тексты, существенно переработанные автором позднее («Стланик», «Раковина», «Как Архимед, ловящий на песке.. », «В гремящую грозу умрет глухой Бетховен...», «Земля со мною»).

Некоторые стихотворения 1940—1956 гг. не были включены автором в беловую рукопись «Колымских тетрадей». Видимо, это произошло отчасти по недосмотру автора (как со стихотворением «Сосна в болоте»), а иногда стихи исключались намеренно (как, например, стихотворение «Модница ты, модница...»). Эти стихи собраны составителем в отдельную группу, поскольку их место в композиции «Колымских тетрадей» автором не обозначено.

Тексты стихотворений 1957—1979 гг. сначала записывались автором в ежегодно заводимые рабочие «толстые тетради», где проводилась вся работа над ними, затем стихи набело переписывались в «тонкие тетради» и наконец перепечатывались. Датой создания стихотворения Шаламов считал запись в «толстой тетра-

ди» Таким же образом определялась дата стихотворения и составителем

К сожалению, многие «толстые тетради» с первоначальными текстами стихов были похищены у Шаламова Один из похитителей продал в 1995 г похищенное в Вологодскую картинную галерею Хотелось бы надеяться, что его примеру последуют и остальные. Тогда на основе полного архива возможно было бы провести текстологическое исследование всех вариантов стихотворений и точно датировать их. Это соответствовало бы желанию Варлама Тихоновича Шаламова — издать стихи как поэтический дневник по хронологии

В конце 1960-х — начале 1970-х гг Шаламов специально занимался подготовкой комментариев к своим стихам, а также их датировкой Авторские комментарии приводятся в тексте примечаний к настоящему тому.

Рукописи стихотворений В. Шаламова хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Тексты последних пяти стихотворений записаны составителем под диктовку автора, который в то время находился в Доме инвалидов и престарелых, поэтому их автографов не существует.

Стихотворения В. Шаламова имеют много вариантов. Часто автором вносились изменения в тексты под давлением редакторов, однако и сам В. Шаламов не раз обращался к текстам стихов, особенно к тем, которые были им включены в «Колымские тетради».

В настоящем издании, как правило, используется последний авторский вариант текста. Восстановлены купюры, сделанные при публикациях Варианты полностью не воспроизводятся, оговаривается лишь их наличие в случае, если рукопись была доведена автором до беловой стадии раннего варианта, в основном, в «Колымских тетрадях» (М , 1994), где воспроизведены тексты до середины 1956 г. и дается отсылка к этому изданию.

Синяя тетрадь

«Пещерной пылью, синей плесенью...» Впервые· Литературная Россия, 1987, 3 июля.

«Я беден, одинок и наг...». Впервые· Смена, 1988, № 88.

«Не суди нас слишком строго...». Впервые. Дружба народов, 1987, № 3

«Робкое воображенье...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

Заклятье весной. Впервые: Знамя, 1970, № 1 (в сокращении).

«Замолкнут последние вьюги...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Ты держись, моя лебедь белая...». Впервые: Колымские тетради Версты М., 1994.

«Я вижу тебя, весна...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Луна, точно снежная сойка...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

Серый камень. Впервые: Шелест листьев. М., Сов. писатель, 1964

Комментарий автора: «Стихотворение написано на Колыме в 1950 году».

«Рассеянной и робкой...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

Розовый ландыш. Впервые: Сибирские огни, 1988, № 3.

Наверх. Впервые: Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1950 году на ключе Дусканья на Дальнем Севере».

Букет. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я забыл погоду детства...». Впервые: Аврора, 1987, № 9.

«Льют воздух, как раствор...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Эй, красавица, — стой, погоди!..». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ни травинки, ни кусточка...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Ты не застегивай крючков...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Следов твоих ног на тропинке таежной...». Впервые: Шелест листьев. М, 1964.

«Приснись мне так, как раньше...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Здесь морозы сушат реки...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Холодной кистью виноградной...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Боже ты мой, сколько...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«С кочки, с горки лапкой заячьей...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Сыплет снег и днем и ночью...». Впервые: Стихотворения. М., Сов. писатель, 1988.

Комментарий автора: «Это стихотворение написано в 1950 году на ключе Дусканья и передано Пастернаку почтой. Входит в "Колымские тетради". Одно из тех стихотворений, которые нравились Пастернаку».

«Жилье почуяв, конь храпит...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Костры и звезды. Синий свет...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ты капор развяжешь олений...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

Гостья. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Наше счастье, как зимняя радуга...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Новогоднее утро. Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Конечно, Оймякон...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Не дождусь тепла-погоды...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Поднесу я к речке свечку...». Впервые: Шелест листьев М., 1964

Комментарий автора: «Написано в 1950 году на ключе Дусканья. Одна из самых ранних моих записей в стихах на Колыме и о Колыме».

«Собаки бесшумно, как тени...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Скользи, оленья нарта...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Все те же снега Аввакумова века...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

Комментарий автора: «Написано в 1950 году на ключе Дусканья. Снег, камень — вот самое первое, что стремишься удержать в памяти на Дальнем Севере».

«Спектральные цвета...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Школа в Барагоне. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1959 году близ Оймякона. Это — описание якутской Томторской, Барагонской школы самое точное Описание вблизи, рядом, "сиюминутное" описание».

«Не гляди, что слишком рано...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Визг и шелест ближе, ближе...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

Еду. Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Где же детское, пережитое...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

«Я тебе — любой прохожей...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

«Я сплю в постелях мертвецов...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

«Погляди, городская колдунья...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Чем ты мучишь? Чем пугаешь?..». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«В закрытой выработке, в шахте...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3.

«Басовый ключ. Гитарный строй...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

«Я отступал из городов...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

Волшебная аптека. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Ронсеваль. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Шагай, веселый нищий...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Рыцарская баллада. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Квадратное небо и звезды без счета...». Впервые: Сибирские огни, 1988, № 3.

«В этой стылой земле, в этой каменной яме...». Впервые: Сибирские огни, 1988, № 3.

«Воспоминания свободы...». Впервые: Сибирские огни, 1988, № 3.

«Я пил за счастье капитанов...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Баратынский. Впервые. Юность, 1966, № 9.

Комментарий автора. «Написано на Колыме в 1949 году Описывает истинное происшествие, случившееся несколько лет ранее.

Тютчев и Баратынский — вершины русской поэзии «Разуверение» Баратынского — лучшее русское лирическое стихотворение. В двадцатые и тридцатые годы имена Тютчева и Баратынского едва упоминались в школьных учебниках, хотя надо бы учить каждую их строку. Мандельштам говаривал, что в личной библиотеке русского поэта не должно быть Тютчева — всякий поэт должен знать Тютчева наизусть.

Баратынский и Тютчев издавались редко. Между тем русская поэзия XIX века — вершина еще более высокая, чем русская проза.

Судьба книги на Дальнем Севере — если это не справочник, не учебник и не записано в каталоге библиотек — всегда одна и та же из книг уголовники вырезают игральные карты Способ изготовления карт классически вечен. Для изготовления карт ничего не надо, кроме собственной слюны, мочи, жеваного хлеба, крошечного обломка химического карандаша и книжного томика — на бумагу. Бумага, которая не потрачена на карты, служит для курева — не всегда найдешь такую роскошь, как газета. Цигарка с табачным дымом — вот та печь, где сжигают книги.

Все эти пути и рассмотрены в стихотворении “Баратынский”».

«Платочек, меченный тобою...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Лезет в голову чушь такая...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

Камея. Впервые· Огниво. М., 1961 (в сокращении). Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в поселке Барагон, близ Оймякона зимой 1951—1952 годов в шестидесятиградусный мороз Моя железная печка никак не могла нагреть помещения, ветер выдувал тепло, руки стыли, и я никак не мог записать это стихотворение на бумагу, в тетрадку Полное одиночество, скала на другом берегу горной речонки, долгое отсутствие писем с “материка” — создали благоприятные условия для появления “Камеи”.

Всякий поэт описывает мир заново, преодолевая подсказку Так и писалась “Камея”. “Камея” имеет сто вариантов, как все мои колымские стихи, ибо по обстоятельствам жизни было крайне важно укрепить хотя бы несколько строк, если не строф, и немедленно к ним вернуться — в тот же день или назавтра, чтоб не утерять настроения, набора чувства, ощущения важности своего труда. Для себя или для других — это все равно. Приходилось ничего не доверять памяти. О том, что такое память, я написал особое стихотворение, но во времена “Камеи” это стихотворение еще не было написано.

“Камея” — не пейзаж по памяти. Это стихотворение написано “на пленэре”, как говорят художники. В любезном и лестном для

меня письме по поводу сборника “Огниво” В. М Инбер оценивает «Камею» меньшим баллом из-за якобы искусственности, ложной красивости. Ошибка эта возникла потому, что в “Огниве” “Камея” напечатана неполным текстом, исключены самые важные строки:

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин
Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Я написал письмо Вере Михайловне, и в ее рецензии на мой сборник “Шелест листьев”, где “Камея” была опубликована полностью, увидел, что мое письмо дошло. (В. М. Инбер. “Вторая книга поэта”. — “Литературная газета”.)

“Камея” очень нравилась Б. Л. Пастернаку. По рекомендации Пастернака “Камея” должна была печататься в первом “Дне поэзии” (1956 г.), но я жил тогда не в Москве и не успел реализовать резолюцию тогдашнего председателя секции поэзии. А резолюция, которую я бережно храню, была такой типичной для тех бюрократических лет: “Надо встретиться с автором. Если это человек перспективный — можно напечатать “Камею” и еще что-нибудь”. С автором было встретиться непросто, и “Камея” не попала в “День поэзии”».

«Я песне в день рождения...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Небеса над бульваром Смоленским...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Сколько писем к тебе разорвано!..». Впервые: Колымские тетради. М., 1994. Посвящено Г. И. Гудзь.

«Мостовая моя торцовая...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я, как мольеровский герой...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ради бога, этим летом...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Как ткань сожженная, я сохраняю...». Впервые· Знамя, 1993, № 7.

«Я нынче вновь в исповедальне...». Впервые· Колымские тетради. М , 1994.

Пес. Впервые: Колымские тетради М., 1994.

Комментарий автора: «Написано на Колыме в 1949 году. Входит в «Колымские тетради».

«Стой! Вращенью Земли навстречу...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Синей дали, милой дали...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я жаловался дереву...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3.

Август. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в декабре 1953 года в поселке Туркмен Калининской области. Это август средней полосы России. “Август” — одно из первых моих стихо-

творений, написанных на “материке” и о материке, сохраняющее всю северную психологическую напряженность»

«Есть состоянье истощенья...». Впервые. Смена, 1988, № 88.

«Старинной каменной скульптурой...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Все так. Но не об этом речь...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

Сумка почтальона

«В часы ночные, ледяные...». Впервые: Литературная Россия, 1987, 3 июля.

«Я коснулся сказки...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Память скрыла столько зла...». Впервые. Стихотворения. М., 1988.

«Как Архимед, ловящий на песке. .». Впервые. День поэзии М , 1985 Ранний вариант: Колымские тетради М., 1994

Атомная поэма. Впервые: Дальний Восток, 1989, № 7

Комментарий автора «Мной написано несколько маленьких поэм. “Фортинбрас”, “Аввакум в Пустозерске”, “Гомер”, “Атомная поэма”, “Седьмая поэма”. “Хрустели кости у кустов...”; первое стихотворение — вступление к “Атомной поэме”. Стихи имеют и самостоятельное значение. Написано стихотворение в 1954 году».

«Не старость, нет, — все та же юность...». Впервые: Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в Калининской области, в поселке Туркмен. Одна из моих важных поэтических формул».

Возвращение. Впервые: Колымские тетради. М., 1994. Посвящено Г. И. Гудзь.

«Мы дышим тяжело...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

«Едва вмещает голова...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

«Чтоб торопиться умирать...». Впервые Смена, 1988, № 88.

«Я с лета приберег цветы...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Иду, дорогу пробивая...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Цветка иссушенное тело...». Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля.

Комментарий автора: «Написано в 1950 году на Колыме, на ключе Дусканья “на пленэре”».

Перед небом. Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

Поэту. Впервые: Новый мир, 1988, № 6 (в сокращении).

«С годами все безоговорочней...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

Копье Ахилла. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Перстень. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Утро стрелецкой казни. Впервые· Дорога и судьба. М., Сов. писатель, 1967.

Комментарий автора· «Написано на Колыме, на ключе Дусканья, летом 1949 года.

Одно из первых записанных мной тогда стихотворений Вместе с “Боярыней Морозовой”, “Данте” — это поиски аналогии к историческим образам прошлого, выражение симпатий и антипатий на историческом материале и в то же время проверка на себе: годятся ли те герои для меня? Или для меня годятся только деревья, скалы, река?

Я получил диплом фельдшера, получил право лечить и, что еще более важно, получил право на одиночество. Я стал записывать стихи. Каждый грамотный человек держит в памяти большое количество стихотворений, чужих стихов самого разного тона. В зависимости от потребности, от состояния души, память поднимает в сознании то одну строфу, то другую. И дело ограничивается чтением наизусть знакомых отрывков, которые понадобились настроению. Пушкин ли это, Фет, Пастернак или Некрасов — это все равно. Если же чувство не находит отклика в чужих стихах, не находит выхода в чужих стихах — пишутся свои... Это — один из элементарных законов творчества.

“Утро стрелецкой казни” — одно из первых записанных мной тогда стихотворений. Я отправлял “Стрельцов” — и в письмах и включил его в “Первую колымскую тетрадь”, “Синюю тетрадь”, которая была вручена мной Пастернаку 13 ноября 1953 года в Лаврушинском переулке в Москве.

Есть развернутый вариант этого стихотворения (он есть в “Синей тетради”). Но для “Огнива” я давал первоначальный колымский текст. В “Огниво” это стихотворение не попало. Мне был предложен выбор: “Боярыня Морозова” или “Утро стрелецкой казни”, и я остановился на “Боярыне Морозовой”.

“Утро стрелецкой казни” вошло только в сборник “Дорога и судьба” в своем первоначальном варианте».

Боярыня Морозова. Впервые: Огниво. М., Сов. писатель, 1961.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1950 году на Колыме, как и “Утро стрелецкой казни”, попавшее в сборник “Дорога и судьба”.

Кроме северных пейзажей, кроме многоцветного и многоформенного разнообразия камня, серебристых русских рек, багровых болот, внимание автора моей биографии обращается на русскую историю. В русской истории наибольшую твердость, наибольший героизм показали старообрядцы, раскольники Вот о них-то и написана “Боярыня Морозова”, о них-то и написано “Утро стрелецкой казни” и моя маленькая поэма “Аввакум в Пустозерске”.

Входит в “Колымские тетради”».

Рассказ о *Данте.* Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1950 году. Входит в мои допотопные, дотетрадные записи вместе с “Картографом”, “Стлаником”, “Боярыней Морозовой”, “Стрельцами”.

Попытка указать на какие-то необходимые для меня исторические и поэтические аналогии.

Описывает истинное происшествие биографии Данте».

«Скоро мне при свете свечки...». Впервые: Юность, 1981, № 8.

Верю. Впервые: Шелест листьев. М., 1964. Посвящено Г И. Гудзь.

Комментарий автора: «Написано в 1952 году в Барагоне, близ Оймяконского аэропорта и почтового отделения Томтор. Об этом времени мной написано еще одно большое стихотворение “Почта Томтора” — “парное” стихотворение к “Сотому разу”»

«Затлеют щеки, вспыхнут руки...». Впервые: Юность, 1981, № 8. Посвящено Г. И. Гудзь

«Скоро в серое море...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Четвертый час утра...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Февраль — это месяц туманов...». Впервые· Стихотворения. М., 1988.

Скрипач. Впервые· Колымские тетради М., 1994.

«Не откроем песне двери...». Впервые: Стихотворения М., 1988.

«Мы несчастье и счастье...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Мы спорим обо всем на свете...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Мне что ни ночь — то море бреда...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Свидание. Впервые: Колымские тетради, М., 1994.

«Лес гнется ветровым ударом...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Засыпай же, край мой горный...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Зима уходит в ночь, и стужа...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

«Дождя невидимою влагой...». Впервые: Огниво. М., 1961 (под назв. «Холодный день»).

«Там где-то морозом закована слякоть...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«На краю лежим мы луга...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Остановлены часы...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Откинув облачную крышку...». Впервые: Колымские тетради М, 1994.

Бухта. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Что стало близким? Что далеким?..». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Деревья зажжены, как свечи...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Пред нами русская телега...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Нет, тебе не стать весною...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я, как рыба, плыву по ночам...». Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1950 году на Колыме».

«Изменился давно фарватер...». Впервые· Колымские тетради. М, 1994

«Мне одежда Гулливера...». Впервые· Колымские тетради М, 1994.

Перевод с английского. Впервые. Стихотворения. М, 1988

«Луна свисает, как тяжелый...». Впервые· Стихотворения М., 1988.

Прощание. Впервые: Юность, 1968, № 5.

Утро. Впервые: Огниво. М., 1961.

«Неосторожный юг...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Какой заслоню я книгой...». Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Я разорву кустов кольцо...». Впервые: День поэзии. М., 1986

«Ведь только длинный ряд могил...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Приподнятый мильоном рук. .». Впервые Литературное обозрение, 1989, № 8.

Лично и доверительно

«Я, как Ной, над морской волною...». Впервые Стихотворения М, 1988

«Бог был еще ребенком, и украдкой...». Впервые: Аврора, 1987, № 9.

«Живого сердца голос властный...». Впервые: Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора: «Написано на ручье Дусканья в 1950 году Это стихотворение энергично переделывалось мной в 1954 году, но, как всегда, из переделки ничего не вышло. Удержано на грани полного разрушения. Еще бы шаг, еще бы один вариант, и я бы потерял к стихотворению всякий интерес В печатаемом варианте считаю это стихотворение одним из лучших тех лет.

Опубликовано в журнале “Юность”, в самой моей значительной журнальной публикации».

Птицелов. Впервые: День поэзии М., 1966.

Комментарий автора· «Написано в поселке Туркмен Калининской области в 1954 году. Это было время, когда я писал беспрерывно, каждую свободную минуту, и думал, что этот поток никогда не иссякнет.

Попытка выразить в такой сложной форме мое тогдашнее душевное состояние, ибо жизнь хранила немало ловушек, и эти ловушки надо было, во-первых, угадать, почувствовать, предвидеть, во-вторых, избежать, а в-третьих, воспеть, определить в стихи. “Птицелов” — важная страница моего поэтического дневника. Входит в “Колымские тетради”».

«Замлела в наступившем штиле...». Впервые: Литературная Россия, 1987, 3 июля.

Похороны. Впервые: Литературная Россия, 1987, 3 июля.

«Здесь первым искренним стихом...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«К так называемой победе..». Впервые· Колымские тетради М., 1994

Гора. Впервые. Колымские тетради. М., 1994

«Он сменит без людей, без книг...». Впервые· Стихотворения. М, 1988

Еще июль. Впервые· Знамя, 1993, № 1.

«Возможно ль этот тайный спор...». Впервые. Кодры, 1990, № 5

Июль. Впервые· Знамя, 1957, № 5.

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в поселке Туркмен Калининской области Напечатано впервые в первом цикле моих стихов, первой моей стихотворной публикации».

Гроза. Впервые Знамя, 1957, № 5

Комментарий автора· «Написано в 1954 году в поселке Туркмен Входит в "Колымские тетради" Лучшая строфа — вторая. "Гроза" входила в цикл "Стихи о Севере" — напечатанные в журнале "Знамя"».

Тайга. Впервые: Знамя, 1957, № 5.

Комментарий автора· «Написано в 1949 году на ключе Дусканья. Входит в "Колымские тетради" Впервые опубликовано журналом "Знамя" в самом первом моем стихотворном цикле Стихотворение чуть многословно, как почти все с ключа Дусканья, но содержит в себе полную "модель", как теперь говорят, моих художественных принципов. Для публикации журнал "Знамя" привлекла новизна решения темы».

Сосны срубленные. Впервые: Москва, 1958, № 3.

Комментарий автора: «Одно из главных, опорных стихотворений сборника. У меня много стихотворений о соснах, хотя сосен на Колыме почти нет. Дерево Колымы — лиственница даурская. Написано в 1953 году на Колыме. В сборнике "Огниво" дан неполный, урезанный текст по сравнению с журнальным. Но и журнальный текст неполон. Сейчас печатается истинный текст одного из главных моих стихотворений. "Сосны срубленные" — одно из самых характерных для моей поэтики».

«Он из окна своей квартиры...». Впервые. Юность, 1969, № 3.

Комментарий автора· «Написано в декабре 1953 года в поселке Туркмен Калининской области. Входит в цикл "Стихи к Пастернаку". Опубликовано впервые журналом "Юность" как первое стихотворение цикла "Поэту"».

О песне. Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Над трущобами Витима...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

Концерт. Впервые: Шелест листьев М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области Входит в "Колымские тетради".

Опубликовано с сокращениями под назв. "Скрипка, как желтая птица..."».

«Мы гуляем средь торосов...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Среди холодной тьмы...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Я здесь живу, как муха, мучась...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

«Кому-то нынче день погожий...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Клен и рослый и плечистый...». Впервые: Огниво. М., 1961 (под назв. «Осень»)

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1954 году в поселке Туркмен. Входит в “Колымские тетради”. Написано из-за последней строфы».

«Приходят с улиц, площадей...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

Персей и Муза. Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Я нынче с прежнею отвагой...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Затерянный в зеленом море...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Сплетают ветви полукруг...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8

«Вечерней высью голубою...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

«В мозгу всю ночь трепещут строки...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3.

«Потухнут свечи восковые...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

«Я видел все: песок и снег...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ушло почтовой бандеролью...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Кто домик наш, подруга...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Ночная песня. Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Я мальчиком умру...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Не успокоит, не согреет...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Вся даль весенняя бродила...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Он пальцы замерзшие греет...». Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля.

Комментарий автора: «Написано в 1949 году на Колыме, на ключе Дусканья. Это — самое колымское мое стихотворение. Я помню, где оно писалось в ноябре сорок девятого года на замерзшем ключе Дусканья. Я шел по зимнему льду — а до больницы, где я работал, было километров пятнадцать. Помню скалу, полынью, от которой валил белый пар, и как я едва отогрел руки, чтобы нацарапать на клочке бумаги, стирая выступивший иней, это самое стихотворение.

Стихи эти никогда не исправлялись. Нарушить их ритмический рисунок мне казалось кощунством. Стихотворение написано “на пленэре”, это не пейзаж по памяти, не запись по памяти.

Для поэта пейзаж по памяти — обычное дело. Все пейзажи Пастернака — пейзажи по памяти, как бы ни уверял К. И. Чуковский в противоположном

Это стихотворение напечатал С С Наровчатов в большой моей подборке стихов о Дальнем Севере в “Литературной газете” 30 июля 1966 г.».

«Белое небо. Белые снега...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«В болотах стелются туманы...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Сломав и смяв цветы...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Как будто маятник огромный...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Ты упадешь на снег в метель...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Мне б только выболеть немножко...». Впервые Колымские тетради. М., 1994.

«Нет, не для нас, не в нашей моде...». Впервые: Колымские тетради М., 1994

«Всюду мох, сухой, как порох...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Я на этой самой тропке...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Оттепель. Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Пережидаем дождь...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Луч. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

В пятнадцать лет. Впервые: Огниво М, 1961.

Реквием. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Густеет темный воздух...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Стучался я в калитку...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Фортинбрас. Впервые: Точка кипения М, Сов писатель, 1977.

Златые горы

Лиловый мед. Впервые· Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1954 году в Калининской области. Это стихотворение, входящее в “Колымские тетради”, я считаю одним из лучших».

Инструмент. Впервые: Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора· «Стихотворение написано в 1954 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Одно из самых любимых моих стихотворений. Думается, мне удалось придать новое значение этой старой теме — такой же старой, как сама поэзия».

«Тебя я слышу, слышу, сердце...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

У крыльца. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в поселке Туркмен в 1954 году, прямо “на пленэре”. Все происшедшее тут же описывалось, и следовал философский вывод. Одно из моих самых любимых стихотворений».

«Так вот и хожу...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.
«Шепот звезд в ночи глубокой...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994

«Отчего на этой даче...». Впервые· Колымские тетради. М, 1994.

В шахте. Впервые. Колымские тетради М., 1994.

Златые горы. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я с отвращением пишу...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

«Говорят, мы мелко пашем...». Впервые. Стихотворения. М, 1988

«Мы ночи боимся напрасно...». Впервые: Шелест листьев М., 1964.

Комментарий автора. «Стихотворение написано в 1956 году в Калининской области Входит в "Колымские тетради"».

«О тебе мы судим разно...». Впервые. Дорога и судьба. М, Сов писатель, 1967.

Комментарий автора: «Очень хорошо помню, как это стихотворение писалось Написано оно на станции Решетниково Калининской области, пока я ждал поезда на Москву. Все стихотворение с первого до последнего слова уложилось в эти сорок минут, пока я ждал поезда. Поезд подошел, я сел в вагон, и больше к этому стихотворению никогда в жизни не возвращался. Написано в 1955 году»

Романс. Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Вернувшись в будни деловые...». Впервые· Сибирские огни, 1988, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в "Колымские тетради"».

«Вернись на этот детский плач...». Впервые· Знамя, 1993, № 1.

«Ты смутишься, ты заплачешь...». Впервые: Точка кипения. М., 1977.

«Упоительное бегство...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Мне все мои болезни...». Впервые: Стихотворения М., 1988.

Зимний день. Впервые· Стихотворения. М., 1988

Сольвейг. Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Опять сквозь лиственницы поросль...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Все людское — мимо, мимо...». Впервые: Огниво. М., 1961 (под назв «У костра»)

Комментарий автора: «Написано в 1955 году в поселке Туркмен. Входит в "Колымские тетради". Печатается полностью. Восстанавливается первая, важная для меня строфа».

Воспоминание. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«В тарелке оловянной...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я знаю мое чувство емкое...». Впервые: Литературная Россия, 1987, 7 июля

Из дневника Ломоносова. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Сумеешь, так утешь...». Впервые: Юность, 1987, № 3

Жил-был. Впервые· Стихотворения. М., 1988.

Однажды осенью. Впервые: Знамя, 1957, № 5.

«Нет, не рука каменотеса...». Впервые· Колымские тетради. М , 1994.

«На улице волки...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«На приморском побережье...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Я — море, меня поднимает луна...». Впервые: Колымские тетради М , 1994

«Пичужки песня так вольна...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994

«Копытят снег усталые олени...». Впервые· Стихотворения. М., 1988.

«Гора бредет, согнувши спину...». Впервые: Колымские тетради М , 1994

«Шуршу пустым конвертом...». Впервые Колымские тетради М , 1994

«Зачем холодный блеск штыков...». Впервые: Колымские тетради М , 1994

«Велики ручья утраты...». Впервые Огниво М , 1961

Комментарий автора. «Стихотворение “Велики ручья утраты..” не имело названия и не должно его иметь. Написано в 1954 году в Туркмене. Входит в “Колымские тетради”. Вполне в духе моей поэтики»

«Натурализма, романтизма...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Мы отрежем край у тучи...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994

Исполнение желаний. Впервые· Стихотворения. М., 1988.

«Жизни, прожитой не так...». Впервые: Шелест листьев М., 1964

Комментарий автора· «Написано в 1956 году в Калининской области Входит в “Колымские тетради”».

«Стихи? Какие же стихи...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Все молчит: зверье, и птицы...». Впервые Стихотворения. М., 1988.

«Мне в желтый глаз ромашки...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Мне жить остаться — нет надежды...». Впервые Колымские тетради. М , 1994.

«Конец надеждам и расплатам...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Уйду, уеду в дали дальние...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Светотени доскою шахматной...». Впервые: Стихотворения. М , 1988.

«Ты шел, последний пешеход...». Впервые: Колымские тетради М , 1994.

«Ведь мы — не просто дети...». Впервые: Дорога и судьба М, 1967

«Может быть, твое движенье...». Впервые· Колымские тетради М., 1994.

Ветка. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1953 году на Колыме. Входит в «Колымские тетради».

«Я твой голос люблю негромкий...». Впервые· Колымские тетради М, 1994.

«Любая из вчерашних вьюг...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«О, память, ты — рычаг...». Впервые· Колымские тетради М, 1994.

«Разогреть перо здесь, что ли...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Здесь все, как в Библии, простое...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Стихи — не просто отраженье...». Впервые: Московские облака. М., Сов писатель, 1972.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области. Входит в «Колымские тетради».

«Отвали этот камень серый...». Впервые Знамя, 1993, № 1.

«Видишь — дрогнули чернила...». Впервые· Литературная Россия, 1987, 3 июля.

«Лицом к молящемуся миру...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Лезут в окна мотыльки...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Тесно в загородном мире...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«В природы грубом красноречье...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Аввакум в Пустозерске. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967 (в сокращении).

Комментарий автора· «Написано в 1955 году в поселке Туркмен Калининской области. Одно из главных моих стихотворений. Формула Аввакума здесь отличается от канонической Стихотворение мне особенно дорогое, ибо исторический образ соединен и с пейзажем и с особенностями авторской биографии.

Стихотворение это, маленькая поэма, дорого мне и тем, что в нем убедительно опровергнута необязательность взгляда Маяковского (“Как делать стихи”) на короткую строку в русской поэзии»

Кипрей

«Я в воде не тону...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

Желание. Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«По нашей бестолковости...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Луна качает море...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

Стансы. Впервые. Колымские тетради М., 1994.

«Забралась высоко в горы...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Придворный соловей...». Впервые: Стихотворения. М, 1988.

«Намеков не лови...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Кусты разогнутся с придушенным стоном...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Свой дом родимый брошу...». Впервые: Новый мир, 1988, № 6.

«Мои дворцы хрустальные...». Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Жизнь — от корки и до корки...». Впервые· Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора· «Написано в 1956 году в Калининской области Входит в “Колымские тетради”».

Жар-птица. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в поселке Туркмен. Входит в “Колымские тетради”».

«На этой горной высоте...». Впервые: Юность, 1969, № 3

Комментарий автора· «Эти шесть строк написаны в Туркмене Калининской области в 1956 году. Входят в “Колымские тетради”».

Сельские картинки. Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«О, если б я в жизни был только туристом...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ты душу вывернешь до дна...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

«И мне, конечно, не найти...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Верьте, смерть не так жестока...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Два журнальных мудреца...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«По долинам, по распадкам...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Всю ночь мои портреты...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Не жалей меня, Таня, не пугай моей славы...». Впервые Новый мир, 1988, № 6.

«Тают слабые снега...». Впервые· Колымские тетради. М, 1994.

«Из тьмы лесов, из топи блат...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Боялись испокон...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«В болотах завязшие горы...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«В потемневшее безмолвье...». Впервые Огниво. М., 1961.

Комментарий автора «Стихотворение написано в 1953 году в Калининской области Отражает мое давнее наблюдение, что никакой музыкальности в небесах нет».

«Кто, задыхаясь от недоверья...». Впервые: Стихотворения. М., 1988

«Нестройным арестантским шагом...». Впервые Колымские тетради. М., 1994.

«Скрой волнения секреты...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Смех в усах знакомой ели...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«К нам из окна еще доносится...». Впервые. Знамя, 1990, № 7.

«Шатает ветер райский сад...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Здесь выбирают мертвецов...». Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Пророчица или кликуша...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Твои речи — как олово...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Вот две — две капли дождевые...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Пусть я, взрослея и старея...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3

«Когда, от засухи измучась...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Жизнь другая, жизнь не наша...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

«Я двигаюсь, как мышь...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Внезапно молкнет птичье пенье...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Я — актер, а лампа — рампа...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Не хватает чего? Не гор ли...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Резче взгляды, резче жесты...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«На садовые дорожки...». Впервые· Знамя, 1990, № 7

На обрыве. Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Нынче я пораньше лягу...». Впервые: Юность, 1966, № 9

Комментарий автора: «Написано в 1955 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Опубликовано впервые журналом “Юность”, № 9, 1966. Очень ответственное стихотворение, важная запись моего дневника».

«Вся земля, как поле брани...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Нет, нет! Пока не встанет день...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Слабеет дождь, светлеет день...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я сказанье нашей эры...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3.

«Наклонись к листу березы...». Впервые Колымские тетради М., 1994.

«С моей тоской, сугубо личной...». Впервые· Дружба народов, 1987, № 3.

«Слабеют краски и тона...». Впервые: Новый мир, 1988, № 6.

«Мы дорожим с тобою тайнами...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Вдыхаю каждой порой кожи...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Я жизни маленькая веха...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3

«Где жизнь? Хоть шелестом листа...». Впервые. День поэзии. М., 1985.

«Луне, быть может, непонятно...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Сырая сумрачная мгла...». Впервые. Колымские тетради М., 1994

«Вот так и живем мы, не зная...». Впервые: Колымские тетради М., 1994

«Дождя, как книги, слышен шелест...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я — чей-то сон, я — чья-то жизнь чужая...». Впервые· Смена, 1988, № 88.

Полька-бабочка. Впервые: Колымские тетради. М., 1994

Лед. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Одно из первых записанных мной стихотворений в 1950 году. Исправлено в 1956 г. и включено в “Колымские тетради”».

«Опоздав на десять сорок...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Ты волной морского цвета...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Бормочут у крыльца две синенькие галки...». Впервые· Смена, 1988, № 88.

«Что прошлое? Старухой скопидомкой...». Впервые: Колымские тетради М., 1994

«Мечты людей невыносимо грубы...». Впервые. Смена, 1988, № 88.

«Безобразен и бесцветен...». Впервые. Стихотворения. М., 1988.

«Это все — ее советы...». Впервые· Стихотворения. М., 1988.

«Ни версты, ни годы — ничто нипочем...». Впервые. Знамя, 1990, № 7.

Мак. Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Все плыть и плыть — и ждать порыва...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«В гремящую грозу умрет глухой Бетховен...». Впервые: Литературная газета, 1968, 24 апреля. Ранний вариант опубликован: Колымские тетради. М., 1994.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1955 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в “Колымские тетради”».

«Безымянные герои...». Впервые: Знамя, 1990, № 7

«Пусть в прижизненном изданье...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Не солнце ли вишневое...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Сразу видно, что не в Курске...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

Стланик. Впервые Знамя, 1957, № 5. Ранний вариант опубликован: Колымские тетради М., 1994.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1949 году на ключе Дусканья на Колыме, на лесной командировке, где я был фельдшером и получил возможность записывать в рецептурные книги не только йод и физиологический раствор, но и стихи У меня есть подлинные колымские тетради с записью этого стихотворения, где остался след работы над текстом. Как все мои стихи, "Стланик" имеет сто вариантов В 1956 году отправлен в журнальное плавание последний вариант, последний текст. В это время московские журналы принимают у меня очень много стихов — более сотни должно было быть опубликовано. Но к концу 1956 года я стал получать отказы, задержки Кончилась эта история тем, что только в одном журнале "Знамя", по консультации Л. Скорино, В. Инбер, Б. Сучкова и Е. Суркова, напечатали не двенадцать, как обещали и принимали, — а всего лишь шесть. Эти шесть стихотворений под названием "Стихи о Севере" и были напечатаны в "Знамени" в 1957 году.

Цикл открывается стихотворением "Стланик". Это значило, что "Стланик" — мое первое напечатанное стихотворение. Дело в том, что я пишу с детства. Печатаются с 1932 года, но только рассказы и очерки. Стихов я не печатал раньше. И первое стихотворение напечатали, когда мне было ровно пятьдесят лет. Это стихотворение и есть "Стланик".

Текст в "Знамени" меньше на одну строфу, чем надо. Это строфа — "И черные, грязные руки!". В "Огниве" же, вышедшем в 1961 году, текст еще короче, чем в "Знамени" 1957 года. Я дорожу этим стихотворением. Полный текст его опубликован в сборнике "Дорога и судьба".

"Стланик" — одно из главных моих стихотворений, как по "техническим достоинствам», так и удаче в новизне темы, в находке, а также сущности моего понимания взаимоотношений человека, природы и искусства. У меня есть и рассказ с этим названием, напечатанный в журнале "Сельская молодежь", в № 3 1965 года».

«Кому я письма посылаю...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«А тополь так высок...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Осторожно и негромко...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области. Входит в "Колымские тетради"».

«Я нищий — может быть, и так...». Впервые: Смена, 1988, № 88.

«Светит солнце еле-еле...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Не в картах правда, а в стихах...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Высокие широты

О песне. Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля.

Комментарий автора. «Написано в 1956 году в Калининской области, незадолго до возвращения в Москву. Писалось очень легко — каждый день по стихотворению этого цикла. Поправки, исправления вносились тоже очень легко. Главным стихотворением этого цикла, этого собрания стихов было второе — “Пусть не душой в заветной лире, а телом тленья убегу”. При окончательной подготовке именно это стихотворение было снято. “Цикл” не очень удачное слово для собрания стихотворений подобного рода, но в русском языке, как ни хвалил его Тургенев, подходящего слова нет.

Цикл “О песне” написан весной 1956 года, летом читан у Пастернака в Переделкине Это — мой поэтический дневник того времени. Впервые напечатан в “Литературной газете” в подборке “Северные стихи”».

1. «Пусть по-топорному неровна...». Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля.

2. «И я, и ты, и встречный каждый...». Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля

3. «Я много лет дробил каменья...». Впервые Новый мир, 1988, № 6.

4. «Не для анютиных ли глазок...». Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля.

5. «Весною все кричало, пело...». Впервые. Литературная газета, 1966, 30 июля

6. «Так где же песня в самом деле?..». Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля

«Ни шагу обратно! Ни шагу!..». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

Плавка. Впервые: Шелест листьев М., 1964.

Бумага. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Пень. Впервые: Огниво. М, 1961.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1956 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Вполне в духе моей поэтики».

Хрусталь. Впервые: Огниво М, 1961 (под назв «Богемское стекло»).

Комментарий автора· «Написано весной 1956 года в поселке Туркмен и входит в “Колымские тетради”. Читалось Пастернаком. Для меня работа над “Хрусталем” была доказательством плодотворности моих художественных идей — я уходил от горного северного пейзажа и чувствовал себя еще увереннее. В то же время это страница моего дневника. “Хрусталь” имеет несколько вариантов. Этот — лучший Входит в “Колымские тетради” на правах “итогового” стихотворения. Художественные принципы, которые так легко находили соответствия в горном пейзаже и в событиях русской истории, здесь выдержали пробу на большее. Печатается по полному тексту, опубликованному в сборнике “Дорога и судьба”».

«Вхожу в торфяные болота...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Скажу тебе по совести...». Впервые: Литературная Россия, 1987, 3 июля, № 27.

Ястреб. Впервые. День поэзии. М., 1968.

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”».

Белка. Впервые· Огниво М., 1961

Комментарий автора. «Написано в 1956 году в поселке Туркмен. Входит в “Колымские тетради” Написано ради первой строфы».

Славословие собакам. Впервые· Семья и школа, 1966, № 6.

Комментарий автора: «Немудреное это стихотворение написано в 1949 году летом на Колыме. Входит в “Колымские тетради”».

Баллада о лосенке. Впервые· Огниво. М, 1961 (под назв. «Лосенок»).

Комментарий автора. «Написано в 1954 году в поселке Туркмен Входит в “Колымские тетради” и описывает истинное происшествие со мной, когда я работал в 1939 году в угольной разведке Дальстроя».

Гарт. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Какая в августе весна?..». Впервые: Юность, 1969, № 3.

«Мне недолго побледнеть...». Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Пускай за нас расскажут травы...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ты слишком клейкая, бумага...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ты видишь, подружка...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«В воле твоей — остановить...». Впервые: Юность, 1969, № 5.

Комментарий автора. «Это стихотворение, написанное в 1956 году в Калининской области, — предмет моего детского тщеславия Мне казалось, что я достиг совершенства в лаконизме, новизне, остроте лирической темы, поставил и решил вопросы происхождения искусства. В своем детском тщеславии я полагал, что эти восемь строк — оптимальный, по мнению Пастернака, размер для русского лирического стихотворения — не уступают пушкинскому “Я вас любил” Стихотворение было опубликовано журналом “Юность” и осталось вовсе незамеченным»

«Я о деревьях не пишу...». Впервые· Колымские тетради М., 1994.

После ливня. Впервые: Колымские тетради М., 1994.

У края пожара. Впервые: Колымские тетради. М, 1994.

«Я целюсь плохо зачастую...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Приводит нынешнее лето...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Незащищенность бытия...». Впервые: Дорога и судьба. М, 1967. Посвящено О. С. Неклюдовой.

«Мечта не остается дома...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Гроза, как сварка кислородная...». Впервые: Огниво М., 1961.

«Всю ночь он трудится упорно...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994

Водопад. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Черная бабочка. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора· «Написано в 1956 году в поселке Туркмен. Новое в разрешении этой темы».

Дождь. Впервые· Семья и школа, 1966, № 6.

Обогатительная фабрика. Впервые: Шелест листьев М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в “Колымские тетради”».

«Деревья скроются из глаз...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

Третья парка. Впервые· Колымские тетради М., 1994

Гнездо. Впервые· Знамя, 1957, № 5.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в поселке Туркмен. Входит в “Колымские тетради”. Печатается по журнальному тексту — “Стихи о Севере”, “Знамя”, № 5, 1957. Этот цикл был первым в жизни моим выступлением в стихах. Прозу я печатал и раньше»

Роща. Впервые· Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1954 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Меня неоднократно спрашивали: посвящена ли “Роща” Пастернаку? Отвечаю: нет. Просто “Роща”, и все».

«Я жив не единым хлебом...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

«Цепляясь за камни кручи...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

Гомер. Впервые: Дружба народов, 1987, № 3.

«Опять заноют руки...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ведь мы не просто дети...». Впервые· Дорога и судьба. М., 1967

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в Туркмене Калининской области. Входит в “Колымские тетради” Одна из формул бытия».

Наедине с портретом. Впервые: Стихотворения. М , 1988

«Лицо твое мне будет сниться...». Впервые: Дружба народов, 1988, № 3.

«Нет, я совсем не почтальон...». Впервые: В мире книг, 1988, № 8.

«Ветров, приползших из России...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Нет, нет, не флагов колыханье...». Впервые: Стихотворения. М., 1988

«Я нынче — только лицедей...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ведь только утром, только в час...». Впервые Колымские тетради М, 1994.

Ночью. Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Не поймешь, отчего отсырела тетрадка...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Лучше б ты в дорожном платье...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

Земля со мною. Впервые: Огниво. М., 1961. Ранний вариант опубликован: Колымские тетради. М., 1994.

«Мне полушубок давит плечи...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Поэты придут, но придут не оттуда...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

Тост за речку Аян-Урях. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Мне горы златые — плохая опора...». Впервые: Юность, 1967, № 5

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”».

В жизни каждого поэта есть промежутки, провалы, когда кажется, что уже никогда ты не напишешь стихов. Что чужие стихи — Пушкина, Лермонтова — просто необыкновенность, которую ты никогда не найдешь И то, что ты написал вчера, — это все случайность. И ты вчитываешься в чужие стихи и видишь их истинную слабость и думаешь, что не так уж важно, что ты не сумел написать подобного, а потом строки гремят, вроде вступления к «Медному всаднику», и ты понимаешь, что об истинной высоте этих вершин ты и не подозревал ранее.

Потом проходит время. Выходит на бумагу свое, и чужие стихи перестают тебе казаться чудом. Когда-то я очень боялся этих провалов, этих промежутков. Потом научился ждать, научился уверенности, что провалы эти — только подготовка к новому движению, передышка на этом невеселом пути».

«Мигрени. Головокруженья...». Впервые: День поэзии. М., 1986.

«Сказала мне соседка...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Пусть невелик окна квадрат...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Раковина. Впервые: Дорога и судьба. М, 1967. Ранний вариант опубликован· Колымские тетради. М., 1994

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области и входит в “Колымские тетради”. Одна из формул бытия. С технической стороны отличается особым ритмическим узором. Дело в том, что стихи — это не проза. С легкой руки Белинского к стихам подходили как к прозе: “Евгений Онегин” — энциклопедия русской жизни”, “Характер Татьяны”, и так далее. На самом деле стихи имеют особенность, тонкость. Сам творческий поиск ведется не на путях прозы, а другим способом.

Открытие звуковых повторов, конфигурация согласных букв в “Медном всаднике”, напоминающая химические формулы бел-

ка, — поэтическая реальность, которую не объяснишь формулами школьного учебника. Поэтическая интонация становится паспортом поэта. Публикуются частотные словари, и мир русской лирики открывается читателям с неожиданной стороны. Эта сторона поэтического творчества всегда была важна для поэта.

Я верю, что с помощью кибернетики обязательно будет найдено что-то очень важное для стиха, для поэзии, для литературы, для искусства. Что-то будет открыто вроде нового грамматического закона, не упрощающего русскую грамматику и правописание, а наоборот, усложняющего, обогащающего понимание русской литературы. Все поэты, начиная с Пушкина, добивались результатов лишь эмпирическим опытным путем. Оказалось, что для науки работы тут непочатый край Все это предвидел гений Белого

Каждое мое стихотворение — и “Раковина” в том числе — представляет собой поиск, вооруженный самыми последними достижениями русской лирики XX века»

«Он в чердачном помещенье...». Впервые Колымские тетради М., 1994.

В церкви. Впервые: Колымские тетради М, 1994.

«Меня застрелят на границе...». Впервые: Дорога и судьба. М, 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Нам слишком много прощено».

Воспоминание. Впервые: Колымские тетради М., 1994

«Какой же дорогой приходит удача?..». Впервые: Колымские тетради. М, 1994

«Удача — комок нарастающей боли...». Впервые· Москва, 1968, № 3.

«Мечта ученого почтенна...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Это — большое стихотворение, называвшееся “Недостоверная мечта”; то, что напечатано в “Шелесте листьев”, — пятая часть стихотворения Я сожалел сначала об этой хирургической операции, а потом пригляделся, чуть привык и холодно рассудил, что оставлено — лучшее, что в стихотворении было.

Многословие многих колымских моих стихов объясняется тем, что стихи сочинялись в самой неподходящей обстановке, а возникновение, появление требовало немедленной фиксации, пусть в несовершенном, неожиданном виде, лишь бы это все закрепилось, и я смог бы к этим стихам, к этой работе вернуться. Я должен был освободить мозг немедленно.

Я делал попытки вернуться к работе над колымскими черновиками. Эти попытки кончились ничем. Вернуться оказалось невозможно. Лучше, проще, легче было написать новое стихотворение, чем превращать этот колымский черновик в материковский беловик. Чем дальше, тем яснее было сознание, что запас новизны — безграничен, и колымские черновики никогда не будут черновиками. Впрочем, есть стихи, работа над текстом которых привела к положительным результатам Это — “Стланик”. Но в боль-

шинстве случаев все кончалось ничем — потерей времени и ненужным нервным напряжением, крайним напряжением — ибо ведь нужно было вернуться памятью, чувством, волей назад, в ту жизнь. Оказалось, что нельзя, не под силу. Без этого нравственного, чувственного возвращения оказалось невозможным не только написать новое по материалу черновика, но и править хранимое в папках, в бумагах времен до "Колымских тетрадей". Будет ли возможность вернуться к этому материалу? Нет, не будет.

В стихотворении "Мечта ученого почтенна" утверждается некая новая поэтическая истина. Именно: стремление к высоким целям в творчестве делает человека выше самого себя Пример — не только Некрасов, Гейне, но и любой акт большой поэзии. Высокая цель в искусстве увеличивает силу одиночки, поэта, делает его способным повернуть общество или удержать от гибельного поворота. Это — задача всякого поэта. У поэта должна быть постоянно мысль о своей собственной огромной силе».

Стихи в честь сосны. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967

Комментарий автора· «Написано в 1956 году в Калининской области в поселке Туркмен Одно из стихотворений, где наиболее полно выражены мои поэтические идеи, художественная система»

«Замшелого камня на свежем изломе...». Впервые: Сельская молодежь, 1963, № 12.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1956 году в Калининской области Входит в "Колымские тетради"».

«Хочу я света и покоя...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Ты не срисовывай картинок...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Да, он оглох от громких споров...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Воображенье — вооруженье...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Нам время наше грозами...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

«Не только актом дарственным...». Впервые: Колымские тетради М., 1994.

«Мы имя важное скрываем...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Есть мир. По миру бродит слово...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Прочь уходи с моего пути!..». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Все стены, словно из стекла...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«С тобой встречаемся в дожде...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Ты услышишь в птичьем гаме...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Мы с ним давно, давно знакомы...». Впервые: Смена, 1988, № 8

«Давно мы знаем превосходство...». Впервые· Смена, 1988, № 8

«Тупичок, где раньше медник...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994

«Был песок сухой, как порох...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Свет — порожденье наших глаз...». Впервые· Колымские тетради М., 1994

«Мне не сказать, какой чертою...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Гроза закорчится в припадке...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Какой еще зеленой зорьки...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

«...А лодка билась у причала...». Впервые Шелест листьев. М , 1964.

Комментарий автора «Стихотворение написано в 1956 году в Калининской области Одно из важных стихотворений, обобщающих мой северный опыт и мою формулу искусства Печатается по истинному тексту»

«Что песня? — Та же тишина...». Впервые: Колымские тетради. М , 1994.

«Сирень сегодня поутру...». Впервые. Колымские тетради. М., 1994.

«Опять застенчиво, стыдливо...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«А мы? — Мы пишем протоколы...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Слова — плохие семена...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

В защиту формализма. Впервые: Колымские тетради. М., 1994

Синтаксические раздумья. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Любой бы кинулся в Гомеры...». Впервые: Дружба народов, 1987, № 3.

«Мне жизнь с лицом ее подвижным...». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

Март. Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«Я падаю — канатоходец...». Впервые: Знамя, 1993, № 1.

«Она никогда не случайна...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1956 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в “Колымские тетради”».

«Кто верит правде горных далей...». Впервые· Колымские тетради. М., 1994.

«Зачем я рвал меридианы?..». Впервые: Колымские тетради. М., 1994.

«От солнца рукою глаза затеня...». Впервые: Стихотворения. М., 1988.

1940—1956
Стихотворения, не вошедшие в «Колымские тетради»

«Модница ты, модница...». Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «“Модница” датирована 1940 годом, но это — датировка условная.

Я уехал из Москвы в 1937 году, а получил возможность одиночества — главного условия творческой работы — лишь в 1949 году. Все написанное мною до того времени не записано. Были ли отдельные строфы, строки стихами я сказать не могу. Я пытался кое-что заучить, запомнить, но оказалось, что это — напряженная работа, ничего в памяти не осталось. Все было тут же стерто более важными для меня, более яркими впечатлениями, при встрече с которыми искусство отходило на второй план, не могло укрепиться в мозгу. Иногда в памяти кое-что воскресало, после 1949 года. Воскресли стихотворения “Игрою детской увлеченный..” и “Модница”, которую я очень приблизительно отношу к 1940 году. От этих четырнадцати лет осталось несколько десятков стихотворений, может быть, сотня, не более. Мне было бы крайне любопытно — не важно, а любопытно — перечесть эти стихи, но сделать это — невозможно. Все безнадежно утрачено и никогда не воскреснет».

«Игрою детской увлеченный...». Впервые: Юность, 1965, № 10.

Комментарий автора: «Записано в 1949 году на ключе Дусканья в первую же тетрадку, которую я сшил из оберточной бумаги. Но написано несколько лет ранее и случайно хранилось в памяти — утратилось другое бесследно, гораздо более важное, значительное и дорогое для меня — так мне это запомнилось при забывании, при потере на снегу. Где было потеряно, что потеряно? На эти вопросы ответить нельзя. А потеряно безвозвратно. Поднять те пласты, где все это находилось и терялось, — у меня нет сил.

А вот “Игрою детской увлеченный...” — слабое по существу стихотворение — в памяти почему-то осталось. И важности для меня это стихотворение не представляло и не представляет. А заглянул я в свои “Колымские тетради”, вывезенные с Дальнего Севера таким чудесным образом в 1951 году, — “Игрою детской увлеченный...” там есть».

Пурга. Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Написано в 1949 году на ключе Дусканья. Из самых, самых первых стихотворений, записанных мной, еще не боявшимся многословия».

Картограф. Впервые: Огниво. М, 1961.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1949 году на Дальнем Севере, близ ключа Дусканья на левом берегу реки Колымы, где я работал фельдшером и впервые с 1937 года получил возможность одиночества и писал стихи день и ночь. Строфы были шатки, буквы не всегда уверенно вставали в строки, но сознание, что поэтическая сила, способность к стихосложению вернулась, наполняло великой радостью мою жизнь... Я ничего тогда не ждал от жизни — ни плохого, ни хорошего. Ждал только утра, чтобы писать снова и снова. Я записывал стихи в самодельные большие тетради

из оберточной бумаги, сшитые той же нитью, что тачают оленьи торбаза, чинят валенки.

Тетради эти у меня сохранились. Нетвердость поэтической строчки, как мне казалось, была прямо связана с нетвердостью руки, отвыкшей от пера и привыкшей к совсем другому инструменту.

Возвращение в мир поэзии идет тем же путем, не может обогнать возвращения обыкновенных письменных навыков, которые тоже были утрачены, как и способность стихосложения, способность познания мира с помощью стихов Возвращение этих навыков казалось мне — да и было — чудом, по сравнению с которым чудо поэзии, чудо искусства — второстепенное чудо.

Я с волнением перелистываю колымские свои тетради. Бурю чувств вызывают эти привезенные с Севера листочки с выцветшими буквами химических чернил»

«Кусты у каменной стены...». Впервые: Шелест листьев М., 1964.

Комментарий автора: «Написано на Колыме в 1949 году. Одно из весьма дорогих мне стихотворений Тут дело идет о больнице, где выздоравливают леченные тобою люди Написано в Центральной больнице “Левый берег”».

Рублев. Впервые: Огниво. М., 1961

Комментарий автора: «Написано в 1949 году на Колыме, на ключе Дусканья, в самой первой тетради колымских моих стихов, самодельной, из оберточной бумаги».

«Я пришел на ржавый берег...». Впервые: День поэзии. М., 1969.

Комментарий автора: «Написано в 1951 году в Барагоне, близ Оймякона».

«Я устаю от суеты...». Впервые· Юность, 1970, № 7

Комментарий автора: «Написано в 1951 году на Колыме. Входит в “Колымские тетради”».

Пегас. Впервые: День поэзии. М., 1970.

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Запись из моего поэтического дневника».

«Не в пролитом море чернил...». Впервые: День поэзии. М., 1968.

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Незатейливая мысль, высказанная в незатейливой форме. Для поэта очень трудно найти истинное равновесие между искусством и жизнью. Что тут дороже? Жизнь или искусство? И бывают ли тут противоречия? На этот вопрос поэт в течение своей жизни дает разные ответы. Вот это — один из ответов.

Если бы мои стихи опубликовывались в хронологическом порядке — то получилась бы убедительная картина развития моих поэтических идей. Но — почти невозможна публикация немедленная А через несколько лет стихотворение тебе не так уж дорого, но возникла возможность напечатания именно этого стихотворения И поэт уже не следит, передает ли эта старая формула его новые, сегодняшние взгляды. Есть поэты, для которых такой вопрос не существует. Но для классиков XIX века и великих лириков XX этот вопрос существовал, и весьма».

«Ощутил в душе и теле...». Впервые: День поэзии М, 1968.

Комментарий автора· «Стихотворение написано в 1954 году в Калининской области. Входит в “Колымские тетради”. Важная страница моего поэтического дневника».

Кама тридцатого года. Впервые: Огниво. М, 1961

Комментарий автора: «Написано в 1954 году в поселке Туркмен Калининской области, близ станции Решетниково, где я жил два года после Колымы до возвращения в Москву

“Кама тридцатого года” — попытка вспомнить когда-то написанные стихи. Мне давно хотелось оставить в своих стихах что-нибудь на память о тридцатом годе, о стройках первой пятилетки — я был тогда в Березниках и в Усолье, на Строгановских солеварнях и Любимовском содовом заводе, с которого и начал расти березниковский гигант

Я прошел по Каме и Вишере вверх и вниз не один раз и пешим, и конным, на плотах, на пароходе и на челноке-долбленке

Мертвые коряги, частью вынесенные течением, а частью умершие на месте, загромождали все берега Камы — от Чердыни до Перми

Я сам принимал участие во взрывах двух Строгановских солеварен — в Усолье и в Дедюхине. Просоленные бревна не поддавались топору. Плесень счищали лопатой, и бревна обнажались белые-белые, костяные, но вовсе не похожие на матовый желтоватый живой отблеск слоновых или мамонтовых бивней, а были похожи на человеческую руку незахороненного северного мертвеца, обнаженную руку умершего Гулливера.

Просоленные бревна строгановских времен не поддавались топору, бревно только звенело, и лезвие топора тупилось. Взрывали солеварни динамитом.

Вот эту усольскую плесень — ярко-ярко зеленую молодую стройку, рыжую бегущую Каму, главную реку Советского Союза, ибо нет Волги без Камы, вода реки желта от камского цвета — Кама встретила, вмешалась, покорила волжский цвет. А Кама без Волги — есть со своей отдельной гордой историей Вот все это мне и хотелось вспомнить в стихах. Я и тогда, в тридцатом году, писал стихи о Каме, об Урале, какими я их видел тогда.

Я был в посаде Орел, в том самом поселке, где жил Ермак перед походом в славу и в смерть. Мне показывали его избу, где казачий атаман снимал комнату, стоял на квартире. Это не было шуткой и не было абстракцией — ведь в Строгановской солеварной шахте я спускался в забой, дотрагивался пальцем до тех самых бревен, которых касался и Ермак, — шахта узка, лестницы круты. Огромный строгановский склад на берегу Камы — высокий склад, бревна в обхват, собранные “в лапу” без единого гвоздя уральскими плотниками навечно. Ни топор, ни пила даже не царапали бревенной склад. Склад, как и солеварни, был взорван, уничтожен — в тридцатые годы было “не до музеев”.

Музей — оскорбительное название в городском и промышленном строительстве тех лет.

В отличие от многочисленных котлованов, ставших символом всякой тогдашней стройки, Березниковский химкомбинат начинался с подсыпки. На Березниках не рыли никаких ям, а ставили фундамент и засыпали все песком — с окружных гор. Желтый песок тысячи якутских лошаденок возили день и ночь на строительство местной железной дороги. Эта железная дорога вела с песчаных карьеров, и песок, чтоб засыпать фундамент собственной стройки, возили с ближайшей горы — Адамовой горы.

Материала для стихотворения было достаточно, и нужно было только спичку — рифму, техническую задачу надо было себе поставить и решать стихотворную тему. Этой спичкой была рифма "Коненкова — каемкою". Дактилическая рифма усугубляет трудность Мягкость рифмы, ее шероховатость своеобразная удача, находка. Для поэта внимательная работа над рифмой — признак не только культуры стиха.

Я писал "Каму" уже после того, как познакомился с отказом Б.Л Пастернака от своих ранних стихов, с "опрощением" Бориса Леонидовича, возвратом к глазной пушкинской рифме. Я до сих пор не понимаю, как Пастернак мог думать, что на новые его пути пойдут за ним ценители его раннего творчества. Это было бы неуважением к самому Пастернаку прежде всего».

«Детский страх в тот миг короткий...». Впервые: Знамя, 1968, № 12

Комментарий автора· «Написано в 1955 году в поселке Туркмен Калининской области. Входит в "Колымские тетради"».

Поэзии. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1956 году в Калининской области. Да, я верю, что именно мое искусство, моя религия, вера, мой нравственный кодекс сохраняли мою жизнь для лучших дел. Кроме бога поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу, за мои победы, удачи, ошибки и провалы. Вероятно, если б жизнь моя сложилась иначе, я раньше нашел бы возможности публичной исповеди в стихах. Я пишу стихи с детства».

40°. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Одно из важных для меня стихотворений. Написано в 1956 году в поселке Туркмен. Входит в "Колымские тетради"».

Цыганский романс. Впервые: Юность, 1969, № 3

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в поселке Туркмен Калининской области».

«Подростком сюда затесался клен...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1956 году в Калининской области».

Сосна в болоте. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области. Входит в "Колымские тетради". Полностью соответствует художественным принципам моей поэтики».

«Кто ты? Руда, иль просто россыпь...». Впервые. День поэзии. М., 1967.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1956 году в Калининской области».

«Еще в покое все земное...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Написано в 1956 году в Калининской области. Входит в "Колымские тетради"».

«Похолодеет вдруг рука...». Впервые: Кодры, 1989, № 11.

Комментарий автора. «Написано в 1954 году в Калининской области, в поселке Туркмен».

СТИХОТВОРЕНИЯ 1957—1981

Вверх по реке Впервые: Шелест листьев. М, 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Одно из "постколымских" стихотворений. Здесь — две новинки, две находки, две новых поэтических истины. Первая — челнок-стрела, пущенная тетивой рук, а вторая — путешествие вверх веков.

Удовлетворяет меня и в ритмическом отношении. Единственное мое стихотворение, которое по просьбе редактора было расширено Сейчас печатается по первоначальному истинному тексту».

Каюр. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Продолжает серию "постколымских" стихов».

Бивень. Впервые: Сельская молодежь, 1964, № 10.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в Москве в 1957 году. Одно из "постколымских" обязательных для меня стихотворений. Полностью соответствует моей тематике и поэтике».

Прямой наводкой. Впервые: День поэзии. М., 1962.

Комментарий автора· «Написано в 1957 году в Москве и относится к "постколымским" стихотворениям итогового характера в поэтическом смысле. В сборник включено для «полноты характеристики». У меня нет стихотворений, написанных прямой наводкой, со столь малой аллегоричностью, без подтекста "Прямой наводкой" нравится поэтам, далеким от поэзии».

Ветер в бухте. Впервые: Москва, 1958, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году. Из "постколымских" стихотворений, продиктованных Колымой. Бухта — это бухта Нагаева».

Каменотес. Впервые: Огниво. М, 1961.

Комментарий автора: «Написано летом 1957 года в Сухуми. Поэту не надо бояться вступать на торные дороги. В любом сто раз описанном пейзаже поэт найдет что-то свое — без этой способности поэт не был бы поэтом. Если уж стихотворение пишется — значит, в "материале" найдена какая-то новизна, которая и привлекает поэта, ощутившего в себе силу эту новизну передать на бумагу. О дороге, об облаках, о дожде, о море русские поэты писали миллион раз. Напишите в миллион первый. И это не дань

традиции, а уверенность в себе — ты видишь и нашел то, чего не заметил Баратынский и Фет».

Память. Впервые. Москва, 1958, № 3

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Сразу же напечатано — в марте 1958 года в журнале “Москва”.

У меня несколько стихотворений о памяти. Это — считаю своим вкладом в русскую лирику, моей находкой в трактовке и художественном решении этой важнейшей человеческой темы, острейшей темы нашего времени. “Память” входила во многие антологии».

Духовой оркестр. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Одно из “постколымских” стихотворений».

Ручей. Впервые: Огниво М, 1961

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Одно из “постколымских” стихотворений Его хвалили в печати, но не по существу, а за “новые реалии” (Л. Озеров в “Вопросах литературы”). Мне же кажется, что тут дело не в “реалиях”»

Шоссе. Впервые· Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году. “Постколымское” стихотворение. “Шоссе” встретило печатную похвалу читателей-колымчан: “Наша дорога — трудяга”. Отвечая одному из моих магаданских корреспондентов, я подчеркнул, что главное в “Шоссе” — то, что горы “тащат море в небеса”».

Закладка города. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1957 году в Москве. Принадлежит к числу “постколымских” стихотворений».

Горный водопад. Впервые: Литературная газета, 1966, 30 июля.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. “Горный водопад” из “постколымских” стихотворений, одна из главных моих поэтических формул. Думаю, что от державинского “Водопада” с его символикой и аллегоричностью мое описание водопада отличается краткостью, лаконичностью Стихотворение — одна из особенных удач пейзажной лирики. Напечатано впервые в “Литературной газете” С. С. Наровчатовым в подборке “Северные стихи”».

Разведка. Впервые: Огниво. М, 1961.

Мой архив. Впервые: Литературная газета, 1968, 3 апреля

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1957 году. Из “постколымских”».

«Немилосердное светило...». Впервые: Знамя, 1968, № 12.

Комментарий автора· «Написано в Москве в 1957 году».

«Где роса, что рукою сотру...». Впервые: Знамя, 1968, № 12.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1957 году».

«Когда рождается метель...». Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Одно из “постколымских” стихотворений. Написано в 1957 году в Москве. Печатается по полному тексту».

«В дожде сплетают нити света...». Впервые: Дорога и судьба. М, 1967.

Жест. Впервые· Дорога и судьба М, 1967

Комментарий автора· «Написано в 1957 году в Москве. Одно из “постколымских” стихотворений по содержанию, чувству и “итоговости”

«Я выходил на чистый воздух...». Впервые: День поэзии. М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Дневниковая запись».

«Ни зверя, ни птицы... Еще бы!..» Впервые: Шелест листьев М, 1964

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1957 году в Москве. Относится к “постколымским” стихам. Это — необходимая фиксация чего-то просмотренного раньше и жизненно важного. Одно из самых необходимых стихотворений сборника».

Некоторые свойства рифмы. Впервые: Огниво М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве и требует подробного разговора. В пятьдесят втором и третьем годах я жил на Дальнем Севере и, переписываясь с Б. Л. Пастернаком, обсудил одну важную проблему поэтического творчества, вовсе не замеченную нашим литературоведением. Эта проблема — роль рифмы в процессе творчества. Ни в одном учебнике, ни в одной монографии о рифме суть этой проблемы даже не затрагивается. Великолепная энциклопедическая работа Жирмунского о русской рифме — это работа Карла Линнея, дающая немного поэту в понимании этого важного вопроса. Маяковский — “Как делать стихи” и Асеев — “Наша рифма” прошли только рядом с истиной. Маяковский считал рифму мнемоническим приемом, облегчающим запоминание. Вычурная рифма Маяковского и служила этой цели. Другая точка зрения на рифму — бальмонтовская, разделяемая и Пастернаком, состояла в том, что рифма — “средство благозвучия”, как выражался Пастернак, или средство музыкальности, по формуле Бальмонта. Маяковский в полемике с Бальмонтом и заострил мнемоническое начало рифмы как инструмента стихосложения. Однако обе точки зрения проходят мимо главного. А главное заключается в том, что рифма — поисковый инструмент.

В тот неизмеримо малый миг, когда мозг поэта ищет рифмы, с помощью этого рычага в мозгу поэта пролетают миллионы сочетаний — миры исторический, физический; бесконечное количество проб, пластов затрагивает, приподнимает, освещает в мозгу поэта за эту миллионную долю мига.

Творческий процесс — это процесс отбрасывания, а не поисков. Поэт ничего не ищет. Он только отбрасывает все эти пролетающие мимо, потревоженные рифмой миры.

Поэт только тормозит в своем сознании какую-то часть этих ощущений более чем с космической скоростью — картины жизни природы, истории, собственная душа.

Ассонанс — та же рифма и назначение его, <нрзб> роль в стихе — одинакова с рифмой.

С помощью звуковых соответствий ведется отбор нужного с крайним напряжением, с мобилизацией всего внимания, ума, чувства.

Рифма — поисковый инструмент — наподобие магнита, высунутого в мир. Вот эту проблему мы и обсуждали с Пастернаком в 1952—1956 годах — и в личных встречах, и в письмах. Я думал, что записи остались только в моих дневниках. Оказывается, Пастернак написал по этому поводу письмо Сейчас это письмо в моих руках.

7 марта 1953 года.

«Благодарю за пересылку письма Шаламова. Очень интересное письмо Особенно верно и замечательно в нем все то, что он говорит о роли рифмы в возникновении стихотворения, о рифме как орудии поисков. Его определение так проницательно и точно, что оно живо напомнило мне то далекое время, когда я безоговорочно доверялся силам, так им охарактеризованным, не боясь никакого беспорядка, не заподозревая и не опорачивая ничего, что приходило снаружи из мира, как бы оно ни было мгновенно и случайно».

Но тогда я этого письма не знал и думал написать заметку по этому важному вопросу, вовсе не тронутому авторами по вопросам психологии творчества, не говоря уже об учебниках стихосложения. Заметки я так и не написал. Зато я написал стихотворение “Некоторые свойства рифмы”, чтобы хоть как-нибудь фиксировать суть проблемы. Стихотворение посвящено академику Л. И. Тимофееву, автору ряда работ по теории русского стиха».

Ода ковриге хлеба. Впервые: Москва, 1958, № 3.

Комментарий автора: «Написана в 1957 году в Москве и сразу же напечатана в журнале “Москва” — редкая участь моих стихов

В стихотворении отражены мои художественные вкусы и принципы, моя поэтика. Главное тут в использовании природой языка стихов как всеобщего языка, но не своеобразного эсперанто, а языка универсума, где каждое явление природы, человеческой жизни находит возможность высказаться самым убедительным образом для решения задачи поэта как пророка и как обывателя Для стихов это все равно.

Многие мои читатели говорили, что “Ода ковриге хлеба” — разговор о творчестве. Этого слишком мало для настоящего стихотворения. Тема творчества, тема упорства, душевной крепости, закаленности — только одна из тем “Оды”

Стихотворение это многопланово. В природе нет такого явления, которое не соответствовало бы любому мигу духовной, нравственной, общественной, физической жизни человека. Все, чем живет и волнуется человек, — есть в природе, во внешнем мире и приходит к человеку на помощь в любой момент его жизни — слесарь ли это или поэт, пишущий стихи.

Этот процесс настолько вне нас самих, что каждая находка кажется вершиной, удачей. Возможно, любым стихотворением, которое пишется, можно из природы и больше получить глубже, шире,

тоньше найти ответы, ведь всякое стихотворение — это тот минимум, который дает возможность поэту отделаться от темы

Исследование природы с помощью стихов — это только одна сторона дела. Вторая, и, м. б., главная, — желание сказать что-то прямо читателю, хотя и закутанное в аллегории, в намеки, в сравнения.

В стихотворении всегда борьба этих двух начал и равнодействующих проходит по чертежу параллелограмма сил обычной Ньютоновой механики.

Поэзия далека от Эйнштейна. Эйнштейн ей даже не нужен. Даже Ньютон ей не нужен. Ей нужен Птолемей, Гиппарх.

Вот этот консерватизм материала всегда встречается в поэтическом творчестве с полетом далеко за эйнштейновский мир.

Никакие научные откровения не могут испугать поэзию, т. е. не могут наполнить ее своим содержанием

Наука и поэзия — разные миры.

Я свои стихи пишу, а не сочиняю "в уме", как Маяковский или Мандельштам. Привычка записывать — не экономная в высшей степени привычка, вынужденная обстоятельствами моей жизни.

Опыт показал, что все незаписанное исчезает бесследно. Пастернак уничтожал все черновики. Но я не уничтожаю. В самой черновой записи есть какой-то важный для меня элемент судьбы, памяти, настроения.

"Ода ковриге хлеба", как и все мои стихи, имеет большое количество поправок, вариантов, проб. Вариант опубликованный, конечно, не последний, но у меня нет сил возвращаться к уже написанному стихотворению, к тому наименьшему, что уже закреплено, — все равно, опубликованы ли эти стихи или нет. "Ода" не обошлась без потерь. Из окончательного варианта автором выброшены вовсе целых три строфы, усиливающие трудовую сторону "Оды".

Пусть тесто терпит муки,
Валяется в муке,
Его людские руки
Терзают на доске.

Урок ему вколочен
Катком и кулаком,
Десятками пощечин
Открыто и тайком.

Еще одна задача —
Вцепиться в кирпичи
Неистово горячей
Истопленной печи.

Были судьи "Оде" и натуралистического плана. Поэт Боков заметил, что опару не покрывают тряпьем, ибо тряпье — это обрывки грязной одежды, грязной ткани. Между тем и в быту, и в словаре Даля тряпьем называют лоскуты чистой изношенной тка-

ни, обрывки выстиранной ткани, простыни, платья, когда-то служившие для других, более важных, дел, а сейчас превращают в чистое тряпье, еще годное, впрочем, для покрышки квашни с опарой Без "тряпья" в первой строчке первой строфы "Оды" не было бы стихотворения. Тряпки тут к месту не только как удачно найденный символ, образ, знак Вместе с "творилом" и "творчеством" в той же строфе создается необходимый звуковой фон. Без звуковой организации стихи не рождаются — пушкинские доказательства должны быть широко известны. В предпоследней строфе "Оды" коврига лежала сначала на "письменном" столе. Потом письменный стол был заменен на "кухонный". И только с вариантом "вымытый стол" образная система стихотворения пришла в равновесие».

Арбалет. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Голуби. Впервые: Огниво. М, 1961

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве Печатается по первоначальному тексту».

«Я сегодня очень рад...». Впервые. Дорога и судьба. М., 1967.

«Этот дождик городской...». Впервые: Юность, 1969, № 3.

Радуга. Впервые. Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве Третья строфа полностью отражает мои тогдашние настроения».

Речные отраженья. Впервые. Знамя, 1965, № 3.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1957 году в Москве. Жизнь знает очень мало случаев, когда вмешательство звезд изменило бы речные донные и поверхностные течения. Впрочем, луна влияет на морские приливы. Но ручаюсь головой, что никакие светила не влияют на поток горной реки, разве что обессиливая ее истоки».

Весна в Москве. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Стихотворение, в котором нет никаких купюр и никаких авторских вариантов Предполагалось к печатанию журналом "Москва", но "неграмотный маляр" был забракован высшей тогдашней журнальной властью».

Шесть часов утра. Впервые· Москва, 1958, № 3.

Комментарий автора. «Написано в Переделкине в 1957 году».

Московские липы. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве».

Зима. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве. Чуть-чуть не было исключено из "Огнива" из-за последней строфы, ради которой и написано все стихотворение».

«Птица спит, и птице снится...». Впервые: Литературная газета, 1968, 24 июля.

Комментарий автора: «Написано в 1957 году в Москве».

Притча о вписанном круге. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Кристаллы. Впервые: Юность, 1965, № 10.

Комментарий автора. «Написано в 1958 году в Москве. Стихотворение — пример исследования с помощью моей системы, с включением правил стихосложения в их классической форме. Это стихотворение могло бы быть более четким, более убедительным, если бы заменить две первых строки последней строфы, как и предлагал мой редактор. Но оказалось, что этого почему-то сделать нельзя, и я пожертвовал логикой и законченностью Эта логика и законченность есть в моих вариантах».

Ледоход. Впервые: Сельская молодежь, 1965, № 4.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1958 году в Москве».

«Вот солнце в лесной глухомани...». Впервые: Знамя, 1965, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве».

Тропа. Впервые: Знамя, 1966, № 7.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве. Принадлежит к “постколымским” стихам и к “постколымским” настроениям».

«Взад-вперед между кручами...». Впервые: Знамя, 1966, № 7.

Черский. Впервые: Огниво. М, 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве. Первые две строфы и последняя — строфы старого стихотворения Только надо “багровый”, а не “пурпурный” по звуковым соображениям. Одно из “постколымских” стихотворений, долг Черскому, на могиле которого я бывал (проезжая мимо)».

За брусникой. Впервые: Литературная газета, 1968, 24 июля.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве. Относится к «постколымским».

Заросли стланика обманчивей любого леса, все поляны там похожи одна на другую, и очень трудно ходить по таким горным скатам и не заблудиться. Местные жители-якуты — так же бродят, теряя дорогу в стланике, как и мы, горожане, жители центра страны. Мне случалось спрашивать об этом якутов. Старики говорят: “Просто у якутов больше терпения, чем у русских Мы с детства выучены ждать, пока стланик не кончится, он обязательно кончается. Или выходим на ручей и не теряем ручья”».

«Гиганты детских лет...». Впервые: Юность, 1969, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве. Из “постколымских” стихотворений».

«Огонь — кипрей! Огонь — заря!..». Впервые: Знамя, 1968, № 12.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1958 году. Одно из “постколымских” стихотворений, с желанием понять суть Дальнего Севера, немного отступая по времени».

Сестре. Впервые: Точка кипения. М., 1977.

Круговорот. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Лунная ночь. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Сухуми. Из моих “морских тетрадей”».

«Это чайки с высоты...». Впервые: Московские облака. М, 1972.

Комментарий автора. «Написано в 1958 году в Москве».

Приморский город. Впервые. Огниво. М., 1961.

«Куда идут пути-дороги!..». Впервые. Юность, 1965, № 10.

Виктору Гюго. Впервые. Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1958 году и даже косвенного отношения к Дальнему Северу не имеет, как сочла В. М. Инбер в своей рецензии на сборник "Шелест листьев". Однако в этом стихотворении закреплена очень важная подробность моей жизни. Я родился в Вологде и провел там детство и юность. Вологда — особый город России. Царское правительство в течение столетий поколение за поколением ссылало в Вологду революционеров. Оседавшие там, приезжавшие или привезенные, уезжавшие или увезенные ссыльные постепенно <подняли> нравственный климат города, его культурные запросы и вкусы.

"Эрнани" Виктора Гюго — моя первая встреча с театром. Для этой первой встречи отец мой выбрал драматурга, в возвышенном образе мыслей которого отец не сомневался Значение первого удара в детскую душу такого сильнейшего рода искусства, как театр, — было отцом учтено. В годы гражданской войны в Вологде шли гастроли знаменитого русского трагика Н. П Россова — одного из последних могикан театрального романтизма. Актер и режиссер театра Шекспира, Шиллера и Гюго был уже седым стариком. В "Эрнани" Россов играл девятнадцатилетнего короля Карла. Я был потрясен театром Впоследствии мне удалось прочесть замечание Анатоля Франса по адресу Виктора Гюго: "Гюго жил и умер мальчиком с церковного клироса". Франс, много меньшего таланта в масштабе, чем Гюго, развязно похлопывал по плечу романтика драматурга.

Стихотворение "Виктору Гюго" — мой ответ Франсу.

"Крупный детский почерк гения" — мой собственный вклад в эту проблему. "Эрнани" я смотрел в Вологде зимой в битком набитом театре, нетопленом, отогревая руки дыханием и завороженно глядя на сцену, где белый пар шел изо рта и короля Карла, и Эрнани — что придавало лишнюю романтичность, лишнюю приподнятость, лишнюю условность этому замечательному спектаклю. Я сидел рядом с товарищем по классу Алексеем Веселовским, внучатым племянником Александра Веселовского Алеша часто сплевывал в платок и бережно засовывал руку с сухими пальцами за пазуху. А на следующий день шли "Разбойники" Шиллера, где Россов играл не Карла (как миллион раз раньше), а Франца, Франца Моора. Свои роли Россов играл без суфлера».

«Я верю в предчувствия и приметы...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1958 году. Одна из главных моих поэтических формул искусства и жизни».

Слеза. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве, правлено летом 1960 года. На эту "тему" я собирался писать много раз. Вся моя работа и поэтическая, и в прозе не доставляет мне ника-

кого удовольствия. Всякий рассказ, чуть ли не всякое стихотворение пишется со слезами, в нервном таком подъеме. Малейшая задержка вызывает приступы слез. Вот об этом, об этой увеличительной линзе, крайне нервном напряжении, с которым связаны стихи, я и написал».

Ивы. Впервые: Огниво М., 1961.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1958 году в Москве и дорого мне тем, что выражает одну из моих главных тем»

До восхода. Впервые: Огниво. М , 1961.

Паук. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве».

«Я знаю, в чем моя судьба...». Впервые: Стихотворения. М., 1988

Комментарий автора: «Стихотворение из “постколымских”. Написано в 1958 году в Москве».

Листопад. Впервые: Знамя, 1968, № 5.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве».

Лицо. Впервые. День поэзии. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве. Одна из моих заветных мыслей об искусстве и живой жизни, с ее непонятностью, случайностью, неповторимостью. Это стихотворение хвалили рецензенты за новую мысль, внесенную в русскую лирику. Но ни один из рецензентов не обмолвился о том, что “Лицо” — стихотворение насквозь инструментованное, посаженное на крепкие звуковые опоры. Критики подошли к “Лицу” как к прозе, в то время как “Лицо” — стихотворение»

Пушкинский вальс для школьников. Впервые: Юность, 1968, № 5

Комментарий автора: «Первоначально стихотворение называлось “Пушкинский вальс” и трактовало эту тему гораздо шире. Но какие-то причины технического порядка помешали мне закончить стихотворение так, как хотелось. Пришлось его закончить и переменить название.

“Пушкинский вальс” долго, не один год, лежал в моих бумагах, чтобы вот-вот вернуться к работе над ним. Сделать этого не пришлось. Пушкин — это долг каждого поэта. У меня есть и стихотворение “Пушкин”, где я даю свою формулу Пушкина».

Стеклодувы. Впервые: Московский комсомолец, 1968, 13 сентября.

Басня про алмаз. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в Москве, в 1958 году. Относится к “постколымским” стихам».

Огниво. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году, в г. Сухуми».

«Покамест нет дороги льдинам...». Впервые: Знамя, 1968, № 12.

Комментарий автора: «Написано в 1958 году в Москве».

«Стихи — это стигматы...». Впервые· Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1959 году в Москве. Одно из моих прозаических произведений»

Вечерняя звезда. Впервые: Сельская молодежь, 1963, № 12.

Комментарий автора: «Написано в 1959 году. Неоднократно переводилось. Для меня ценна только — “Запахом, который громче грома” — сближением, отыскиванием подобного в разных человеческих чувствах, а также скипидарным запахом вечернего леса. К Колыме отношения не имеет. Отражает пейзаж Калининской области, настроения, связанные с этим пейзажем, или пейзаж, связанный с тогдашним моим настроением, — для поэта это одно и то же».

Гарибальди в Лондоне. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1959 году по известному рассказу Герцена. Как и “Прямой наводкой” чисто прозаическое произведение».

Устье ручья. Впервые: Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора: «Написано в 1959 году Из тех стихотворений, в которых я пытался наверстать упущенное, вспомнить и закрепить этот трехметровый зеленый лед в багровом свете северной вечерней зари, который видел столько раз, так часто, что и не подумал записать этот лед для памяти ума и чувства».

Бирюза и жемчуг. Впервые: Юность, 1968, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1959 году в Москве. “Домашняя” философия. Я избегал пользоваться примерами такого рода, ибо для всех буквально формул — настоящих и возможных — был безграничный выбор северного, таежного, вовсе не экзотического материала, а быта, обыкновенной жизни, освещенной сильным солнцем поэзии. Я прочел где-то о смерти бирюзы и попробовал написать стихи».

Кипрей. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Написано в 1959 году в Москве. Как и “Горная минута”, относится к числу “постколымских” моих стихов».

Горная минута. Впервые: Огниво. М., 1961.

Комментарий автора: «Я берусь угадать в лирическом стихотворении любого русского поэта — от Пушкина до Фета, какая строфа писалась первой. “Горная минута” написана ради первой строфы. Это привычная трактовка взаимозаменяемости родов искусства. “Горная минута” написана в 1959 году в Москве.

Я пробыл на Колыме с 1937 по 1953 год, а в Москву вернулся в конце 1956 года. С 1953 года по 1956 я писал день и ночь, и все написанное в это время — самое наиколымское, но уже раскрепощенное, когда самый тон стихов и их зашифровка способами искусства изменились в сторону большей смелости, большей нравственной обязательности, когда каждое новое стихотворение было не только исповедью, не только проповедью, но и гаданием, пред-

сказанием Этой цели я подчинил всю свою дальнейшую жизнь В это время мне стало ясно, что без моих свидетельств время не обойдется Полное бессилие Пастернака в этом отношении тоже было тяжелым примером. Пастернак, как и многие другие писатели, не совсем ясно представлял себе всю серьезность моего материала.

“Горная минута” — стихотворение о Колыме, но написанное позднее. Граница моих “Колымских тетрадей” — 1956 год “Горная минута” относится к числу моих “постколымских” стихотворений (как и “Память”, “Ода ковриге хлеба”, “Горный водопад”), когда я вспоминал какую-то упущенную ранее важную сторону дела в колымской философии, какую-то значительную сторону нашей тогдашней жизни, о которой еще не заходила речь».

Нитроглицерин. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора «Написано в 1959 году уже после заболевания, уложившего меня в больницу. Нравилось В. М. Инбер за новизну»

«Он тащит солнце на плече...». Впервые. Шелест листьев. М., 1964.

«Мятый плюш, томленый бархат...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

На память. Впервые: День поэзии. М., 1985.

Юго-Запад. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1959 году в Москве».

Первый снег. Впервые: Сельская молодежь, 1966, № 6.

«Золотой, пурпурный и лиловый...». Впервые: Юность, 1969, № 3.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1959 году».

«Да, рукопись моя невелика...». Впервые· Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихи написаны в 1959 году в Москве и назывались “Представление рукописи”. Печатается по истинному тексту этого важного для меня стихотворения».

«Не спеши увеличить запас...». Впервые. Юность, 1966, № 9.

Комментарий автора: «Это — одна из моих формул искусства. Я прочел “Дневник Дюгара” (Мартен дю Гар Роже — *И. Сиротинская*.) и поразился его подходу к своей работе. Сбор материала — это отнюдь не писательский подход к делу. Не один Дюгар так делает, к сожалению.

“Записные книжки” Блока и его дневники — это другой жанр, чем сбор материала к роману, повести, рассказу. “Записные книжки” Блока не могут мешать поэту работать над стихами Стихотворение написано в 1960 г.».

Бухта Нагаева. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Описан момент прибытия парохода в 1937 году из Владивостока, во всей типичности тогдашних ощущений, предзнаменований и заглядывания в будущее. По своей уплотненности, тонкости иносказаний — одно из лучших моих стихотворений. Написано в Москве в 1960 году.

К этому времени выяснилось, что, пока я не пишу каких-то вещей, не отделаюсь от каких-то воспоминаний, — мне не уйти от самого себя и от своей главной тематики».

Речь Кортеса к солдатам перед сражением. Публикуется впервые.

Андерсен. Впервые: Литературная газета, 1968, 3 апреля.

Комментарий автора. «Написано в 1960 году в Москве».

«Мне снова жажда вяжет губы...». Впервые: Знамя, 1968, № 5.

Комментарий автора. «Написано в Москве в 1960 году».

Старая Вологда. Впервые· Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в Москве в 1960 году. Вологда — мой родной город. Я провел там детство и юность, там встретил революцию десяти лет от роду. Вологда — особый город России Это город, где столетиями, многими поколениями “отстаивалась” в царское время политическая ссылка; каждый известный политический ссыльный в разное время побывал в Вологде — от Лаврова и Лопатина до Савинкова, Луначарского и Марии Ульяновой. Нравственный климат города был особым. Моральный уровень — высоким. Культурные требования и вкусы — не ниже уровня двух столиц.

Островский посылает в “Лесе” Несчастливцева из Керчи в Вологду. Именно потому, что Вологда в театральном и общекультурном смысле никогда глушью не была, а была вершиной, пиком, по которому могла бы равняться Россия. Вологда — город со стойкими традициями освободительного движения — имела несколько ипостасей, несколько сторон своей жизни и своей истории. Одна сторона — это Вологда церквей, Вологда старинных храмов, город, где Иван Грозный выстроил старинный собор и сам присутствовал при освящении храма. Собор, где трубы ангелов, зовущих на Страшный суд, запомнятся каждому, кто эти ангельские трубы видел, стоит и сейчас в центре города. Мне показывали кирпич, выпавший из пальца ноги ангела во время богослужения в присутствии Ивана Грозного. Камень из ангельской ноги, по преданию, раздробил большой палец ноги у царя. Иван Грозный в бешенстве уехал, вняв ангельскому предупреждению, и Вологда не стала столицей России. Столицей стала Москва. Для меня не было сомнения, что все именно так и происходило. С Вологдой исторической, храмовой уживалась Вологда неяркой северной природы, Вологда кружевная, деревянная, со старым бытом. И была еще третья Вологда, тяготеющая к обеим столицам, а через эти столицы — к Западу, к миру. Вологда освободительного движения сосуществовала с первыми двумя Вологдами — не противоречащая им, ибо главное для третьей Вологды определялось Европой, Западом, столицами, в худшем случае. Интересы этой третьей Вологды, кодекс ее морали меньше всего был связан с русской стариной, с северной географией. Вот к этой третьей Вологде я и принадлежу. Я небольшой знаток церквей и церковной истории, никогда не бывал ни в Прилуцком, ни в Кирилло-Белозерском монастырях. Но зато я знаю по имени и отчеству всех деятелей освободительного движения России».

Корни даурской лиственницы. Впервые: Знамя, 1970, № 1.

Комментарий автора· «Написано в Москве в 1960 году. Продолжает дополнять какие-то важные стороны Севера, которые прошли мимо стихов ранее».

Рояль. Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Стихотворение написано 2 июня 1960 года в Переделкине».

«Толпа гортензий и сирени...». Впервые: Шелест листьев М., 1964.

Комментарий автора: «Написано 2 июня 1960 года в Переделкине, на похоронах Пастернака».

«Будто выбитая градом...». Впервые· Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Стихотворение написано 2 июня 1960 года в Переделкине».

«Орудье высшего начала...». Впервые: Юность, 1969, № 3

Комментарий автора: «Написано 2 июня 1960 года в Переделкине на похоронах Пастернака.

"Стихи к Пастернаку" составляют большой цикл стихов, из которых большинство опубликованы. "Орудье высшего начала" дает мою формулу понимания роли и значения поэта».

Капля. Впервые: Юность, 1969, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1960 году в Москве. "Капля" — существенная страница моего поэтического дневника. Сама метафора очень шаблонна. Тем дороже та несомненная удача, которая получена мной при работе над этой темой. Поэту трудно только на торных дорогах, но природа помогает и на торных самым энергичным и даже решающим образом».

Бурение огнем. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1960 году в Москве. У меня много стихов о стихах — процент чуть поменьше пушкинского по моим подсчетам, да и у какого поэта нет стихов о стихах. Ведь кроме того, что стихи — всеобщий язык, не попробовать написать о самом главном в жизни, о своем инструменте, о своем исповедании веры, о своей религии, ибо для поэта стихи — религия, значит обеднить и свой, и читательский мир, насильственно, искусственно ограничить круг тем.

Поэзия — тема для поэта хорошо известная, дело, о котором поэт много размышлял, страсть, наилучше им пережитая. Почему же об этом не рассказать? И именно в стихах? Почему? Дело еще и в том, что, чуть сойди с позиций рифмованных описаний, сейчас же вступает в силу закон обнаженной души, где самым естественным образом выходит вперед то, что имеет отношение к искусству, стихам, даже мастерству. Всякое освоение нового материала в поэзии — это прежде всего проба — годится ли этот новый материал в стихи, не в смысле рифмовки, а как почва для искусства. Искусство имеет донные глубины, донные течения. Находит ли место новый материал в этих донных глубинах, или он — на поверхности, легко видимый всеми, — ответ на этот вопрос получается незамедлительный. Всегда оказывается, что любому новому явлению жизни в стихах есть место.

Мир поэта расширяется, растет».

«Бесплодно падает на землю...». Впервые: Московские облака М, 1972

Комментарий автора· «Написано в Москве в 1960 году. Запись моего дневника».

«Мы предтечи, мы только предтечи...». Публикуется впервые.

Комментарий автора: «Написано в 1961 году в Москве. Запись в моем дневнике».

«Ручей питается в дороге...». Впервые. Шелест листьев. М., 1964.

«Пусть чернолесье встанет за деревнями...». Впервые: Знамя, 1968, № 5.

«Часы внутри меня...». Впервые: Шелест листьев М., 1964.

«Жить вместе с деревом, как Эрзя...». Впервые. Шелест листьев. М., 1964.

«Тихий ветер по саду ступает...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964

«Стихи — это судьба, не ремесло...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора· «Первая строка, ставшая названием стихотворения, — это известные слова Блока об Аполлоне Григорьеве: "У поэта нет карьеры У поэта есть судьба" — одна из мыслей, которую я разделяю всей душой. Стихотворение написано в 1962 году. Включает пропущенную ранее последнюю строфу.

И даже Пушкин тех,
лицейских, лет,
Он — только обещанье света,
Он — обещанье боли, бурь и бед.
Всего, что вписано в
судьбу поэта.

«Поэзия — дело седых...». Впервые: Неделя, 1963, 6 октября.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1962 году. Это мой личный вклад в обсуждение проблемы. Все стихотворение — находка и новинка. В литературных изданиях развивается взгляд о том, что поэзия — дело молодых. Я постарался этот взгляд опровергнуть. Действительно, существует ходячее выражение — "поэзия молодости" В искусстве, для того чтобы выразить эту поэзию молодости, надо обладать большим личным и жизненным творческим опытом, обладать поэтической зрелостью».

«Когда после разлуки...». Впервые: Знамя, 1965, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1962 году в Москве Пример стихотворения, в котором короткая строка служит вовсе не для плясового мотива, как уверял Маяковский».

«Летний город спозаранку...». Впервые: Точка кипения. М., 1977.

«О подъезды, о колонны...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Написано в 1962 году в Москве. Первой писалась строфа:

Будто после треска, хруста
На поверженный пустырь,
Приводя природу в чувство,
Выливают нашатырь

С ампулами разбитыми дождь еще никто не сравнивал, а между тем это — самый естественный образ для горожанина».

«Свяжите мне фуфайку...». Впервые: Шелест листьев. М, 1964.

Комментарий автора: «Запись этого стихотворения в 1962 году доставила мне истинное удовольствие. Я категорически отрицаю легкомысленное утверждение Маяковского в книжке “Как делать стихи”, что короткая строка служит для выражения веселого содержания или тона, а длинная — для торжественного или печального Еще Полежаев показывал прямо противоположные примеры. Работа над короткой строкой, на суженном словесном плацдарме, доставляет поэту большое удовольствие, если удается победить технические трудности или втиснуть в короткую строку какое-нибудь длинное, многосложное слово. Ритмические колебания строки тут превращаются в увлекательную задачу:

“Горизонтальная вода”
“Тысячелетний след”
“Черносмородинным агатом”
и т.д.».

Роса. Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1962 году в Москве. Продолжает мой пейзажно-поэтический дневник».

Арктическая ива. Впервые: Сельская молодежь, 1963, № 12.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1962 году в Москве. В отличие от работы над “Школой в Барагоне” между виденным и описанным прошло десять лет.

Неоднократно переводилось и входило в разные антологии».

«Упала, кажется, звезда...». Впервые. День поэзии. М, 1962

Комментарий автора: «Написано в 1962 году в Москве. Шуточное стихотворение, закрепившее одно из давних моих ночных колымских наблюдений».

«В годовом круговращенье...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1962 году. Выражает мое мнение по этому важному вопросу».

«Не в Японии, не на Камчатке...». Впервые: День поэзии. М., 1962.

Комментарий автора: «Написано в 1962 году в Москве. Продолжает мой поэтический дневник. Образ считаю своей находкой, удачей».

«Костер сгорел дотла...». Впервые: Дорога и судьба М., 1967.

«У деревьев нет уродов...». Впервые: Юность, 1965, № 10.

Комментарий автора· «Написано в 1962 году в Москве Вслед за Бернардом Шоу я не считаю людей лучшей разновидностью живых существ»

Над старыми тетрадями. Впервые: Юность, 1966, № 9.

Комментарий автора: «Написано в 1962 году в Москве после грустного чувства при переборке моих тетрадей. Запись давних лет сама становится поэтическим мотивом. А сейчас я с почти тем же чувством листаю тетрадь 1962 года, где написано стихотворение “Над старыми тетрадями”. Эта тетрадь тоже пожелтела».

«Я под облачной грядою...». Впервые: Юность, 1965, № 10.

«Стихотворения — тихотворения...». Впервые: Дорога и судьба М., 1967.

«Да, театральны до конца...». Впервые: Шелест листьев. М, 1964

«Я думаю все время об одном...». Впервые· Москва, 1964, № 5

Комментарий автора· «Написано в 1963 году в Москве. Стихотворение это — одна из удач моего пейзажно-поэтического дневника. В обзорах “Литературной газеты” его хвалил С. С. Наровчатов, а в письмах — Ф. А. Вигдорова и В. Л. Андреев. В. Л. Андреев хвалил изображение света как зла — новинку в русской лирике».

«Я вовсе не бежал в природу...». Впервые: Москва, 1964, № 5.

Комментарий автора: «Написанное в 1963 году, стихотворение это — ответ на многочисленные рецензии, зачислявшие меня в “певцы природы”, в пейзажные лирики, в продолжатели линии Баратынского, Тютчева, Фета, Пастернака, Анненского.

Немалая честь — быть продолжателем поэтической линии этих русских лириков. Однако круг моих поэтических идей, понимание пейзажа, погоды и природы в искусстве отличается от поэтических формул названных русских поэтов. Принципиальное отличие я и пытался передать в этом коротком стихотворении

Привлечение, вовлечение мира в борьбу людей, в злободневность считаю своей заслугой в русской поэзии. Тут речь идет не об антропоморфизме моей поэзии (какой поэт не антропоморфист?), как сказано Г. Г Краснухиным в рецензии на мою книжку (журнал “Сибирские огни”, № 1, 1969) Тут речь идет о более сложном и важном. То наблюдение, что “Пока пейзаж не говорит по-человечески,//Его пейзажем я не назову”, — тоже не исчерпывает сути этой поэтической идеи.

В “Этике” Спиноза делит природу на “природу природствующую” и “природу оприродованную”, оговоренную для человека. Природа же природствующая, по мысли Спинозы, — это камень, ветер, облака, живущие сами по себе, вне человека.

Вопрос этот — о двух природах — всегда интересовал поэтов. Михаил Кузмин в сборнике “Форель разбивает лед” написал даже особое стихотворение на эту тему, так и названное “Природа природствующая и природа оприродованная”. Однако Кузмин, истый

горожанин, ничего не мог предложить в качестве природы оприродованной, как городские вывески на улицах

Зачем искать зверей опасных,
Ревущих из багровой мглы,
Когда на вывесках прекрасных
Они так кротки и милы.

Пейзажи Пастернака — это пейзажи по памяти. Кроме того, в них нет возможности орешнику высказаться, как кусту орешника, как явлению природы. При всем моем уважении и любви к Пастернаку-пейзажисту я не могу в его кустах слышать голос самого орешника, Пастернак — горожанин.

Роберт Фрост, пишущий всю жизнь пейзажи американские, тоже остановился на простом описании, не проникая в душу дуба или секвойи.

Я, пробывший столько лет наедине с природой, с камнем, с облаками, с травой, я пытался выразить их чувства, их мысли на человеческом языке, пытался перевести на русский язык язык травы и камня. При ближайшей, лобовой встрече с природой оказалось, что она вовсе не равнодушна. Что пресловутой пушкинской равнодушной природы — в мире нет. А природа всегда или за человека, или против человека. Природа всегда активная сила. И не только в космических далях, но и за окном, за порогом дома, во время грозы, бури. Природа необыкновенно связана с душой человека, с его духовным миром, с его нервной системой. Совершенно не изучена роль метеорологических факторов в борьбе человеческих воль. Тут речь идет не о ботанике. Наоборот, знание ботаники угробит поэзию. В каких пределах поэт должен знать ботанику — неясно. Но в очень небольших, иначе не будет угадывания, поэтических сюрпризов и находок.

Этот голос камня и реки переведен на человеческий язык. В этом — единственная возможность ввести этот огромный мир в стихи.

Научная революция последних десятилетий показала, как безграничны человеческие возможности и как легко открывать в наше время. Искусство и наука живут по разным законам, и сближение этих законов — напрасная трата времени. “Конвергенция” — это утопия. В моих стихах речь идет не о том, как прославить науку или не разойтись с ее модными оценками или популяризировать космонавтику. В моих стихах речь идет о новой стороне мира, которую осваивает поэзия, о пути, предсказанном в прошлом только Тютчевым в его озарениях. И ветер, и камень, и река еще не говорили своим языком в русской поэзии. Русские пейзажные лирики привлекали природу для своих художественных аргументов. Но это была не природа природы, а природа человека».

«Кровь солона, как вода океана...». Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Амундсену. Впервые: Знамя, 1972, № 11.

Рязанские страдания. Впервые: Юность, 1968, № 5. Комментарий автора: «Написано в Солотче осенью 1963 года».

«Сосен светлые колонны...». Впервые· Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора. «Написано в Солотче Рязанской области, в 1963 году».

«Я хочу, чтоб средь метели...». Впервые: Знамя, 1968, № 5.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1963 году».

«Не удержал усилием пера...». Впервые: Юность, 1967, № 5.

Комментарий автора: «Бессилие человеческой памяти, ничтожество человеческой натуры, "благие порывы" в некрасовской терминологии. Не потому, что это "Рассея", а потому, что это извечное человеческое свойство. Искусство жить — это искусство забывать. Память всегда готова предать человека. Я много помню, но это — миллиардная доля того, что я видел Написано в Москве в 1963 году. Одно из опорных стихотворений сборника "Дорога и судьба"»

«Я иду, отражаясь в глазах москвичей...». Впервые: Знамя, 1965, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1964 году в Москве Продолжает мой пейзажно-поэтический дневник».

«Осенний воздух чист...». Впервые: Знамя, 1965, № 3.

Комментарий автора: «Написано в 1964 году в Москве. Начато ради каламбура "лист — листовка", но закончено без всякого желания острить».

«Он чувствует событъя кожей...». Впервые· Знамя, 1965, № 3 (под назв «Гравер»).

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1964 году. Это тоже одна из формул моего поэтического искусства — доверие к самому себе, напряженность восприятия, предсказание погоды».

«От кухни и передней...». Впервые: Дорога и судьба. М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1964 году в Москве».

«Выщербленная лира...». Впервые: Дорога и судьба М., 1967.

Комментарий автора: «Написано в 1964 году в Москве. Домашние животные входят в мир человека — таково мое давнее, давнее убеждение, выросшее в самом раннем детстве»

Таруса. Впервые: Точка кипения. М., 1977.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1964 году Имеет миллион вариантов».

«Я — северянин. Я ценю тепло...». Впервые: День поэзии. М., 1968.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1964 году. Важная страница моего дневника».

«Вчера я кончил эту книжку...». Впервые: Юность, 1968, № 5.

Комментарий автора· «Написано в Москве в 1964 году».

«Я не искал людские тайны...». Впервые: Юность, 1969, № 3.

Комментарий автора· «Написано в Москве в 1964 году. Стихотворение — одна из многочисленных записей о Дальнем Севере,

сделанная много позже, при обдумывании. Поэтическое мышление, обдумывание есть прежде всего попытка воскресить чувство, тон тогдашнего времени»

«Рассказано людям немного...». Впервые Юность, 1968, № 5.

Комментарий автора. «Написано в Москве в 1965 году. Печатается по полному тексту».

«Не линия и не рисунок...». Впервые: Юность, 1965, № 10

Нерест. Впервые. Сельская молодежь, 1965, № 10.

Комментарий автора: «Стихотворение написано в 1965 году в Москве об одной из величайших тайн природы. Немалой тайной является иногда и поведение людей».

«Кета родится в донных стойлах...». Впервые Юность, 1965, № 10.

Комментарий автора. «Написано в 1965 году. Время от времени возвращаешься в северный мир, вспоминаешь что-то важное, какую-то существенную сторону тогдашней жизни По своему содержанию, внутреннему тону стихотворение относится к “постколымским”, но написано значительно позднее. И тут дело не в том, что не подведены итоги, а в том, что остался запас неизрасходованного, и вот этот запас тратится не в той, может быть, форме и тоне, как тратился бы раньше

Непосредственный толчок к написанию стихотворения “Кета” — покупка в букинистическом магазине книжки о ловле и воспроизведении кеты и лососевых — с их вечной тайной, поражающей до наших дней и науку, и искусство».

«Я ищу не героев, а тех...». Впервые: Знамя, 1990, № 7

«Как гимнаст свое упражнение...». Впервые: Юность, 1965, № 10.

Комментарий автора: «Написано в 1965 году в Москве. Попытка фиксации одной из норм поведения».

«Я не лекарственные травы...». Впервые. Юность, 1965, № 10.

«Пусть свинцовый дождь столетья...». Впервые. Знамя, 1990, № 7.

Вариант стихотворения

Без чернил и без бумаги
Мы твердим грозы азы,
В колдовском универмаге
Укрываясь от грозы.

Мы запоминаем навык,
Перепад температур,
Часовой торговый график
И безмолвие скульптур.

И свинцовый дождь столетья
Как начало всех начал
Ледяной жестокой плетью
Нас колотит по плечам.

И по обнаженной коже
Марш выстукивает град,
И Москва с метелью схожа
В этот ливень-снегопад.
(Далее по публикуемому тексту).

«Не покончу с собой...». Публикуется впервые

«Любви случайное явленье...». Впервые: Юность, 1987, № 3

«Взад-вперед ходят ангелы в белом...». Публикуется впервые. Посвящено А. А. Ахматовой

Живопись. Впервые: Знамя, 1968, № 5 Б Биргер в 1967 г. написал портрет В Шаламова

Комментарий автора. «Написано в 1967 году. Печатается полным текстом».

«В судьбе есть что-то от вокзала...». Впервые· Знамя, 1990, № 7.

«По старому следу сегодня уеду...». Впервые День поэзии М, 1969.

Комментарий автора· «Написано в 1968 году в Москве. Одно из немногих моих стихотворений о смерти»

«Нет, память не магнитофон...». Впервые· День поэзии. М., 1968.

Комментарий автора: «Написано в 1968 году».

«Я тоже теплопоклонник...». Впервые. Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора. «Написано в 1968 году в Москве».

«Не шиповник, а пионы...». Публикуется впервые

Комментарий автора: «Написано в 1968 году в Москве. Тоже относится к стихам, где я как-то пытался вспомнить и фиксировать что-то важное для меня в горных пейзажах Колымы, о чем я еще не успел написать»

«Грозы с тяжелым градом...». Впервые· Знамя, 1968, № 12. Посвящено И. П. Сиротинской.

Комментарий автора· «Написано в 1968 году в июне. Одно из важных для меня стихотворений».

«Три корабля и два дельфина...». Впервые. Московские облака М, 1972.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1968 году».

«На память черпнул я пол-океана...». Впервые· Московские облака. М, 1972.

«Усиливающийся дождь...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Написано в 1968 году в Москве».

«Усиливающийся ливень...». Впервые Знамя, 1990, № 7.

«Быть может, и не глушь таежная...». Впервые: Знамя, 1968, № 12.

Комментарий автора: «Написано в 1968 году в Москве. Формула психологии творчества».

«Все осветилось изнутри...». Впервые: Знамя, 1968, № 5 (под назв. «Восход солнца»)

«В лесу листок не шелохнется...». Впервые: Юность, 1970, № 7.

Комментарий автора. «Написано в Москве в 1969 году».

«Я живу не по средствам...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1969 году».

«Я одет так легко...». Впервые. Московские облака М., 1972.

«Как на выставке Матисса...». Впервые: Московские облака. М., 1972 (разночтения в первой строфе).

«Как пишут хорошо: “Испещрено...”...». Впервые: Юность, 1987, № 3.

«Суеверен я иль нет — не знаю...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

«Приглядись к губам поэта...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1969 году. Попытка фиксировать один из этапов поэтического творчества в его наиболее постижимой части».

«Дорога ползет, как червяк...». Впервые· Московские облака. М , 1972

Комментарий автора: «Написано в Москве в 1969 году».

«На небе бледно-васильковом...». Впервые: День поэзии. М., 1969.

«Волна о камни хлещет плетью...». Впервые: Шелест листьев. М., 1964.

«Как в фехтовании — удар...». Впервые: Знамя, 1970, № 1.

«Ведь в этом беспокойном лете...». Впервые: День поэзии. М., 1985.

Вечерний холодок. Впервые: День поэзии. М., 1970.

«Летом работаю, летом...». Впервые: Московские облака. М., 1972.

«Не чеканка — литье...». Впервые: Юность, 1971, № 11.

«Мир отразился где-то в зеркалах...». Впервые: Московские облака. М , 1972.

Воспоминание о ликбезе. Впервые: Московские облака. М., 1972.

«Моя мать была дикарка...». Впервые. Московские облака. М , 1972

Прачки. Впервые: День поэзии. М , 1972.

«И мне на плече не сдержать...». Публикуется впервые

«Три снежинки, три снежинки в вышине...». Впервые: Московские облака. М., 1972 (разночтения).

«Хранитель языка...». Впервые: День поэзии. М., 1972.

«Острием моей дощечки...». Впервые: День поэзии. М., 1985.

«Пусть лежит на столе...». Впервые: Юность, 1981, № 8 (под назв. «Для биопсии»).

«Как Бетховен, цветными мелками...». Впервые: Точка кипения. М., 1977.

«Уступаю дорогу цветам...». Впервые: Юность, 1973, № 8.

«Стихи — это боль и защита от боли...». Впервые· Точка кипения. М., 1977.

«Я не люблю читать стихи...». Впервые: Юность, 1981, № 8.

«Я поставил цель простую...». Впервые: Юность, 1973, № 8

Топор. Впервые: Точка кипения М., 1977.

«Ветер по насту метет семена...». Впервые: Точка кипения. М., 1977.

«Она ко мне приходит в гости...». Впервые: Точка кипения. М., 1977. Посвящено И. П. Сиротинской.

«Не суеверием весны...». Впервые: Точка кипения. М., 1977 Посвящено И П. Сиротинской.

«Письмо из ящика упало...». Публикуется впервые.

«Хоть стал давно добычей тлена...». Публикуется впервые.

«Я, пожалуй, рад безлюдью ..». Публикуется впервые.

«Просто — болен я. Казалось...». Впервые· Знамя, 1990, № 7

Славянская клятва. Впервые. Несколько моих жизней. М , 1996

«Коктебель невелик. Он родился из книг...». Впервые· День поэзии. М , 1975.

«Я скитаюсь по передним...». Впервые: Несколько моих жизней М., 1996.

«Слышу каждое утро...». Публикуется впервые.

«Зови, зови глухую тьму...». Впервые: Литературное обозрение, 1990, № 10

«Вот так умереть...». Впервые: Юность, 1987, № 3.

«Мизантропического склада...». Впервые: Точка кипения М., 1977.

«Судьба у меня двойная...». Впервые· Советская библиография, 1990, № 6.

Сверчок на печи. Впервые: Литературное обозрение, 1989, № 8 (без назв)

«В гулкую тишину...». Впервые: Знамя, 1990, № 7.

«Яблоком, как библейский змей...». Впервые: Литературное обозрение, 1990, № 10.

«Не буду я прогуливать собак...». Впервые· Литературное обозрение, 1990, № 10

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КОЛЫМСКИЕ ТЕТРАДИ
1937—1956

Кипрей

СТИХОТВОРЕНИЯ
1957—1981

Варлам Тихонович
Шаламов

Собрание сочинений в шести томах
+ том седьмой, дополнительный

ТОМ ТРЕТИЙ

Редактор *Ю Григорьян*

Художественный редактор *А Балашова*

Технический редактор *Л Платонова*

Корректор *М Сергеева*

Компьютерная верстка *А Деева*

Подписано в печать 30.07 13 г.
Гарнитура «Журнальная». Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л 26,88. Уч.-изд л 24,73.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www terra.su

Отпечатано BALTO print
www balto lt
www.baltoprint.ru

Литературное приложение

ОГОНЁК

www.terra.su

ISBN 978-5-4224-0697-5

9 785422 406975